

АПРИОРИ LIFE

• КОГДА ЖИЗНЬ, КАК БИЗНЕС •

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛАРИСА БУТЫРИНА

18+

Лариса Бутырина

Априори Life

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Бутырина Л.

Априори Life / Л. Бутырина — «ЛитРес: Самиздат», 2008

ISBN 978-5-5320-9648-6

Когда надрыв - единственная форма роста. Когда суть пробуждения - важнее сна. Когда голод стремления - важнее сытости и бытового комфорта, а мечты, желания, надежды и цели - сильнее страха неопределенности... тогда-то и начинается настоящая жизнь. Во все времена находятся те, кто требует от себя и от мира большего. Те, кто всей своей сущностью не приемлют любые проявления примитивности, глупости и грубости. Те, кто, ежедневно стоят на краю обрыва и, почти ослепнув от глянца и фальши окружения, все же находят в себе силы и... выбирают жизнь. Априори Life. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9648-6

© Бутырина Л., 2008
© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Все события, возможно, не основаны на реальных; в основе образов, вероятно, не лежат реальные люди; любые аналогии названий, аббревиатур и мест с – всего лишь совпадения, однако сходства не исключены.

Глава 1

Осеннее утро субботы. Свободны проспекты, развязки, шоссе и даже «трешка» высвечивается полностью зеленым кругом. Никаких еще пробок будничного характера. Городские законы моря – с утра прилив к центру с окраин, вечером обратный отлив – тоже временами имеют свой штиль.

* * *

«Лексус»-хамелеон RX уверенно проминает извилистые полосы проспекта Вернадского, не спеша и не суетливо, впиваясь рельефным протектором демисезонных шин с литыми дисками. Легким обтекаемым кораблем Audi A8 рассекает «щелчок», отражая своим безупречным глянцевым покрытием полусонные пятиэтажки. Серебристый Infinity лениво проминал упругим подвесом разбитую от бесконечных ремонтных работ трассу Волоколамки. Белая Mazda, матовый BMW в спортивном обвесе, компактный Chevrolet и хмурая Mitsubishi с агрессивным прищуром, ласковая Toyota и строптивый Nissan, внушительный Volkswagen и свое нравный Mercedes почти раритетной модели, а также плотный рой шустрых пчелок с характерными шашечками на крыше. Все они разогревали моторы, пополняли баки и спешили в одно и то же место. Кто выезжая заранее, кто – неминуемо опаздывая в силу собственной нерасторопности, но непременно в отглаженных кипенно-белых рубашках, лакированных начищенных до блеска туфлях, в стильных галстуках и строгих деловых костюмах, всем своим видом, темпом и настроением будто будя этот город, все еще погруженный в субботнюю дремоту. Ведь это был их город. Город возможностей.

* * *

Вы видели когда-нибудь карту Москвы? Этот пестрый лоскут складывающейся бумаги средней плотности с тремя кольцами автодорог, опоясывающих ее между витиеватыми проспектами, узкими улочками, иногда не обозначенными вовсе, и бестолковыми развязками транспортных магистралей. С символическими значками автозаправок, гостиниц и лесопарковых зон. Видели? А теперь представьте, как мигающие точки, обуславливающие автомобили наших партнеров, стекаются в одно-единственное место, обозначенное, пусть так же символично, знаком «икс» на Ленинградском шоссе недалеко после съезда по «трешке», сразу после метро «Динамо». Видели? Так вот, точно такую же я сейчас держала в руках, отчаянно пытаюсь определить место нашего расположения.

* * *

– Я в твоём районе бывал не часто, поэтому понятия не имею, куда нас выведет эта улочка... – проговаривал Ромка, аккуратно выкруливая вдоль плотно припаркованных машин беззаботно спящих владельцев.

– Да я уж тем более, – глупо улыбнулась я и в знак признания своей беспомощности добавила: – Я ж все больше на метре катаюсь.

– А не пора бы оттуда выбираться? – ухмыльнулся он, посмотрев в мою сторону. – Хотя бы так, для разнообразия в пробочках постоять.

Я лишь пожала плечами в ответ: «Пора. Давно пора, Ромочка. Знать бы только как...»

Но я не знала. Проработав с восемнадцати лет администратором в спа-салоне, я вдруг поняла, что безудержно теряю свое время, упершись в потолок карьерного роста еще на первом году, после того как мне доверили оформление накладных прихода и расхода, и что ежедневный День сурка стер не только эмоциональные ощущения, но и улыбку на моем лице.

Но уходить не получалось. Где-то страшно было, где смысла не находилось суетиться что-то менять, чтоб спустя пару месяцев прийти к тому же. Да и финансовая стабильность какая-никакая не предполагала лишних движений. Хоть и жила я одна, и снимала комнату в общежитии, все в той же после окончания универа, и питалась в основном йогуртами и плюшками, но и это все тоже требовало средств.

А потом в моей жизни появился Ромка. Нет, не в том смысле, который первым приходит в голову. Он не был тем сказочным принцем, который внезапно появился и купил мне новую жизнь, – я не верила в подобные сказки. Он был просто моим старым знакомым, старым настолько, что мы практически ничего друг о друге не знали, просто знали, что земляки, а это очень сближает в периметре чужого города. Так же и здесь.

А потом мы как-то разговорились. Просто по душам. Так редко иной раз получается отвлечься от суеты и погрузиться в свои ощущения и уж тем более с кем-то ими поделиться. А тут получилось, и как-то очень душевно.

А потом он пропал. И объявился спустя пару месяцев внезапным телефонным звонком и предложением встретиться, чтоб поговорить о чем-то очень важном. И мы поговорили.

* * *

Сегодня он заехал за мной ровно в одиннадцать, как и обговорил вчера вечером, приятный и улыбчивый, немного в волнении и несвойственной ему суете. И вот сейчас мы пытались вырулить из замудренных переулков Бауманского района. Неважно как и непонятно куда, но главное, чтоб не опоздать и приехать вовремя – ровно в 12:00.

Я, если честно, слабо понимала, куда еду. И зачем. Просто договорились, что меня представят шефу крупной серьезной компании, и если я хоть что-то из себя представляю, то, возможно, что-то из этого получится в плане вакантного места, желающих на которое, как было известно заранее, много вследствие неплохого заработка. Непонятно все как-то. Кому я там могу быть нужна? С экономической вышкой, ни дня не закрепленной практикой, и стажом салонной бумажкоперекладчицы. Ну да ладно. Уровень своей профпригодности я и так хорошо знала – хуже не будет. И потом, это все интереснее, чем просиживать субботний день за совершенно бессмысленными занятиями.

Я проснулась за час, хотя и уснула почти под утро, до того, как раздался телефонный звонок и чуть взвинченный и нарочито громкий Ромкин голос спросил, не забыла ли я, куда мы сегодня едем. «Не забыла, конечно. Что ж я, идиотка, что ли, в самом деле? Мы же договаривались как-никак на сегодняшний день. Или это я что-то там могла напутать...»

Но уточнить я так и не успела, потому что Ромка оттараторил, чтоб я была готова к 11 и исключительно в деловой одежде. После чего последовали короткие гудки.

Я пожала плечами, посмотрела в маленькое косметическое зеркальце и с мыслью, что глазные капли придутся как нельзя лучше в борьбе с остатками недосыпания, отправилась в ванную марафетиться.

* * *

Ближе к половине одиннадцатого я был полностью готова. Белая блузка и черная юбка ниже колена, интересно, считаются видом деловой одежды? Я разглядывала себя в напольное зеркало в полный рост и никак не могла понять, что же не так. То ли блузка как-то непонятно топорщится в области груди, видимо, от отсутствия нужных размеров для этого фасона, то ли юбка сидит немного ниже положенного, из-за чего горизонтальные сборки придают какую-то неопрятность, то ли туфли не те. То ли... просто волнуюсь.

Видимо, деловитости придает прежде всего не одежда, а какой-то особенный блеск в глазах, какая-то неуловимая искорка, характеризующая контроль над собой и любой ситуацией, а уж потом точеный костюм из темных тканей, удивительно облагораживающий любую фигуру. Мне так казалось...

Я видела себя в таком. Так, когда в особо скучные дни отсидки за ресепшеном искала свое предназначение в жизни и примеряла на себя роль представителя какой-нибудь торговой сети элитной косметики или известного бренда. Узкая юбка-карандаш, приталенный пиджак, убранные волосы, в меру яркий выразительный макияж и, конечно же, шпилька на непременно закрытых лаковых туфлях. Когда чеканная поступь металлических каблучков предвещает твое появление, и все тут же стремятся вытянуть спины, поправить галстук и продемонстрировать исключительно лучшие манеры, а ты лишь деловито кладешь кипу бумаг на стол и, обедая острым взглядом собравшихся, открываешь собрание. И ничто не может сбить тебя с толку. Я видела, как веду планерки, критикуя и поощряя отличившихся. Как они с уважением и толикой страха внимают каждому моему слову, как открывают для себя что-то новое, что-то нужное из моих уст, а потом в узком кругу коллектива за закрытыми дверями обсуждают каждое твое действие. Но тебе в тот момент глубоко наплевать на эти разговоры – ты слишком хорошо знаешь себе цену, а людям нужно о чем-то говорить...

Из размышлений меня вырвал вновь раздавшейся звонок. Роман подъехал. Я как можно удобнее водрузила ноги в непривычные туфли и еще раз окинула себя взглядом.

«А ведь, наверное, мне бы пошел этот образ... Где только? И когда?»

В сердцах махнула рукой на эти мысли и вышла на лестничную клетку, с грохотом закрыв за собой входную дверь. С тех самых пор громко захлопывающиеся двери стали ассоциироваться у меня с прекращением, с закрытием того, с чем просто не было смысла уже оставаться.

* * *

Спустя какое-то время скитаний по переулочкам моего района мы выехали на Щелковское шоссе и резво полетели по пустым полосам. Я разглядывала мельтешащие за окном витрины, вывески магазинов и торговых рядов. Людей на улицах почти не было, кто оторвется от подушки раньше полудня в законную субботу, если только не является служащим одной из этих вывесок? Только солнце настырно пробивалось сквозь затянувшиеся облака и лобовое стекло на торпеду, оповещая о том, что новый день давно вступил в свои права и что приятная лень потому и приятна, что непродолжительна.

* * *

Рома как-то неуверенно начал рассказывать мне о своих планах поменять машину, о предстоящей поездке и грядущем масштабном корпоративе. Затем как-то резко переключился на мой настрой, на готовность знакомиться с успешными и значимыми людьми, которые в

свое время не побоялись все разом перевернуть и поменять свою жизнь кардинально. Он называл какие-то фамилии – я не запомнила ни одной; он говорил о достижениях этих людей. «Молодцы эти люди», – думала я, но об успехе не говорят, его просто видят. Он призывал быть готовой общаться с ними, так как от их мнения будет зависеть мое присутствие в этой компании, но что я должна из себя соорудить, лично для меня оставалось тайной: врать я не буду, но и скрывать все то, что умею и знаю, не собираюсь. А там уж будь, как будет...

* * *

Мы въехали на парковку через автоматический шлагбаум какого-то представительского здания. Лишь приблизившись, я рассмотрела, что это отель. Отель? Очень интересно...

Мы воткнулись на парковочное место прямо напротив главного входа между черным Land Rover'ом и красным Infinity FX, который я чуть не черкнула дверью при выходе. Ловкость – мое тридцать пятое имя.

– Ты блокнот взяла? – осведомился Рома, доставая с заднего сидения ежедневник.

– Взяла, – ответила я, оглядываясь. – Даже ручка есть.

– Прекрасно, – резюмировал он и, одарив меня широченной улыбкой, повлек за собой.

Мы прошли через автоматически разъезжающиеся стеклянные двери. Затем еще одни. И за огромные развесистые растения на входе передо мной открылось фойе.

Вы когда-нибудь видели осиное гнездо? А слышали характерные для него звуки? Так вот, это было нечто похожее, только их издавали люди. Люди в пиджаках и галстуках, люди с портфелями в руках, люди в классических юбках и на каблуках, люди с прическами и макияжем. Но, самое главное, в этих людях была какая-то необъяснимая жизнь, какая-то жгучая энергетика, которая фонтанировала буквально из каждого. Они заполняли все фойе. Кучками, парами они вели беседы. Кто-то что-то кому-то напористо объяснял, кто-то негромко смеялся, обсуждая, по-видимому, какие-то недавние события, кто-то здоровался, пожимая друг другу руки (причем женщины использовали только аналогичный жест), кто-то целенаправленно передвигался по фойе, кто-то непрерывно говорил по телефону. Рома о чем-то говорил мне тоже, показывая то на одного, то на другого (я плохо помню, что именно), пока один из этих кого-то не подошел ко мне.

– О! А это – господин Янин, – почти торжественно произнес он, указывая ладонью на приближающегося достаточно молодого человека. – Знакомьтесь.

Господин Янин протянул мне руку. Я пожала ее.

– Александр.

– Лера.

– Очень приятно, – как-то ехидно прищурился он. – А Роман мне про вас рассказывал.

Меня это искренне удивило. Какую же нужно играть роль в жизни человека, чтоб он обсуждал тебя с коллегами? Интересно, Роман.

Я кинула в его сторону вопросительный взгляд, который впоследствии остался незамеченным, ввиду того что Александр продолжил свою речь:

– Вы чем занимаетесь на данный момент?

– Я администратор в спа-салоне. Экономист по образованию. Доучиваюсь сейчас, – отчеканила я.

– Хм... а я занимаюсь ресторанным делом. Помимо этого бизнеса, конечно же. Но это так, больше хобби уже, что ли. Основное занятие, – этот бизнес. Просто, когда за неделю зарабатываешь свой месячный доход, раздумывать уже не приходится, – он вновь ехидно улыбнулся. – И когда появляется возможность за пару месяцев взять себе машину, не в кредит, разумеется, – снова ухмылка, – это не требует объяснений, – пауза. – У вас есть автомобиль?

– Нет, – ответила я.

– Может очень в скором времени появиться... если вас сегодня возьмут, – пауза. – А берут у нас не всех. Потому что у нас команда строится из целеустремленных людей, готовых рвать по этой жизни. И Роман со своей стороны уже очень много для вас сделал, открою тайну, мы знали о вас, мы обсуждали вашу кандидатуру накануне, и Роман отстаивал вас, говорил, что вы именно тот человек, который вольется в наш дружный коллектив, в нашу команду и будет двигаться с нами в ногу. Но самое главное, чтоб вы произвели хорошее впечатление на шефа, так как он будет решать, брать вас или нет. Он у нас человек молодой, но уже успешный настолько, что не многие в зрелом возрасте достигают таких результатов. Так вот, его решение будет окончательным. Он скоро подойдет, поэтому соберитесь, настройтесь, но без лишних там женских штучек, он этого не любит. Хорошо?

Я лишь кивнула головой в ответ.

– Все, я желаю вам успеха. Роман подскажет вам по любому вопросу, а мне нужно удалиться по делам – меня ждут.

Сказать, что я ничего не поняла, – это не сказать ничего. Я стояла с немым вопросом на лице: «Что это было?» – и пыталась переварить вышеизложенную речь. Роман меня рекомендовал? Да он меня знать не знает как специалиста ни в какой области вообще. Зачем ему это? Я же ему никто...

Я глянула на него, пытаюсь найти ответ. А он еще о ком-то оживленно говорил, указывая куда-то в сторону кивком головы.

– А вот и Ольга. Наша прекрасная Ольга. У нее одна сумка стоит шестьсот долларов... – донеслось до меня сквозь мысли.

Ольга неспешно подошла к нам и вяло пожала мою ладонь. Это была молодая особа несколько старше меня навскидку, но совершенно некрасивая. Просто от природы некрасивая. И все. Она что-то говорила про вчерашний корпоративный отдых в аквапарке, называла чьи-то фамилии, Роман понимающе кивал головой, сожалея, что не сумел присоединиться к этому мероприятию ввиду занятости. А для меня она оставалась по-прежнему НЕКРАСИВОЙ девушкой, пусть и с дорогой сумкой.

«Дорогие сумки совершенно не украшают, если с лицом проблемы», – сделала я для себя вывод. Вот туфли – это другое дело! Хотя...

На мне в любом случае все смотрелось бы лучше! Лучше... бы! Огромное «БЫ»! Потому что у меня нет ни того, ни другого. И не появится в ближайшее время – откуда алмазам взяться в том самом месте?! Если только не Чудо, которое возможно, как утверждает реклама, – сомнительный источник верования, на мой взгляд...

Я, как бы невзначай, кинула взгляд на пол перед собой и непроизвольно втянула пальцы ног в своих уже ставших удобными туфлях. Смотрятся вроде бы и ничего... Национальный бренд слоев населения ниже среднего «Сток-обувь» и 150 долларов за пару спасают положение, если так можно сказать. Не для ценителей, конечно, а больше для глубоких областей самообмана: ноге, не знающей, как можно носить на себе комбинацию из колодки, каблука и куска кожи стоимостью с подержанный автомобиль не отечественного производства, причем каждая, вполне достаточно ощущать себя просто в новом, пусть и пошлом подражании мировому шедевру, умело сотканному искусными руками китайских представителей где-нибудь в ближайшем Подмоскowie...

Я почувствовала себя Золушкой, которую полночь застигла как-то не по расписанию. Еще вроде бы и время не вышло, а вместо платья – лохмотья, и куски раздавленной тыквы взамен роскошного образа. Почувствуй себя лохушкой, как говорится. И прочувствуй это до конца. Потому что за все свое время ты так и не сумела понять, каково это – тратить, не задумываясь, подобные суммы на шмотье? И что для этого вообще нужно сделать по жизни? (Вариант родиться в семье президента мы не рассматриваем.)

А ведь что-то определенно нужно делать...

Месячная зарплата за неделю, говорите?

– Лер, ну так ты готова к знакомству с шефом? – выдернул меня из новой порции мыслей Роман.

– Ну да... да вроде, Ром...

Ты бы хоть предупредил, что нужно готовиться было... я ж даже не в курсе, что предстоит какое-то суперзначимое знакомство. Да и чего тут, по сути, особенного может быть? Либо да, либо нет. Либо возьмут, либо нет. Одно из двух в любом случае. Нет так нет – продолжу вахту на рабочем месте, что еще остается... зато понятно будет, что нефиг и соваться туда, где не твой уровень. Всяк сверчок, как известно...

В этот момент надо мной нависло нечто огромное и без пиджака. Я медленно подняла голову, цепляясь глазами за пуговицы бледно-розовой рубашки, пока не встретила глазами с достаточно симпатичным молодым, но конкретным человеком. Его взгляд будто сканером пробежался по мне, от чего ощущение дискомфорта мгновенно распространилось по всему организму.

– ...Я не знаю, где еще можно заработать на Infinity за три месяца... – донеслось до меня.

Он еще что-то говорил. Так же напористо и конкретно. Я лишь утвердительно кивала головой. Спорить с таким человеком чревато – весовая категория не та.

Затем появилась женщина. Стройная, подтянутая, в песочном деловом костюме. Она будто вплывала в раздвинувшиеся перед ней двери фойе и, чинно кивая мужчинам в знак приветствия, продвинулась мимо меня. Я уловила ее отточенные жесты, мягкую улыбку и идеально уложенные волосы жгучего черного цвета. У таких по расписанию утренний кофе, тренажерный зал по вечерам и личный водитель в «Мерседесе». А также планерки два раза в неделю и редкие моменты на личную жизнь. Причем опять же по расписанию.

– А это госпожа Счастливая... – пробился Ромкин голос сквозь пелену гипноза. – Она в прошлом владелица косметического салона и гендиректор туристической компании. Сейчас зарабатывает у нас. Она...

Она завораживала. Своей грацией и уверенностью. Своей роскошью и владением ситуацией в каждом ее жесте. Просто своим появлением.

Каково это? Каково это – быть ею?..

Шеф появился в тот момент, когда я была меньше всего к этому готова. Когда поток информации со всех сторон не успевал перевариваться, поэтому отсеивался на первоначальной стадии понимания. Люди, пиджаки, фразы о шансе, о деньгах, пожелания настроения, собранности, улыбки, чье-то безразличие, снова пиджаки, чей-то цепкий взгляд, смех, снова разговоры о деньгах, о покупках, о продажах, о недвижимости, смешанные ароматы парфюмов, обрывки паникующих мыслей... И вдруг. Откуда-то сбоку, будто прорвав суетливую реальность, подчиняя ее себе, теплая волна энергетики, мощь и открытая ладонь: «Добрый день. Как добрались?»

– Игорь, – было уже адресовано мне.

Я вложила свою руку в открытый жест приветствия: «Лера», – и... меня сцапали. Резко и нагло. Знаете, как это бывает... как в рекламе, что ли: суета, суета – и вдруг ты принимаешь волшебное изобретение химической пищевой промышленности – и тут же волна сочности охватывает тебя со всех сторон. Тут же теплый ветер порывами развеивает тебе волосы, как в замедленной съемке, и все оборачиваются в твою сторону, а ты, поглощенная новыми впечатлениями, не реагируешь на все это повышенное внимание. Ты наслаждаешься красками, эмоциями и миром, который вдруг резко становится контрастнее, становится ярче и насыщеннее. Все эти три минуты. Пока длится рекламный ролик. Я чувствовала себя примерно так же. Только ветра не было. Зато были вопросы. Острые, четкие, требующие сиюминутной реакции и ответа. Какой – убейте, не понимала абсолютно. Помню лишь молниеносные парирования и... улыбку. Улыбку, которая исчезла так же внезапно, как и образовалась. И лишь одобри-

тельные кивки Ромки (где-то слева от меня) позволяли ориентироваться, что диалог прошел сравнительно неплохо.

Он отошел на пару шагов, в то время как я сквозь туман восторга, волнения и холодной волны внизу живота пыталась отыскать остатки своего здорового мышления. Получалось не самым лучшим образом, если честно: я тупо водила глазами по сторонам в поиске хоть какой-то зацепки, способной вернуть меня в сиюминутную реальность. Были сливающиеся продольные полосы на мужских костюмах, были лица с незапятнанными эмоциями и зацепка на чулке близстоящей дамы – больше взгляд не фиксировался ни на чем.

Пока передо мной ни возникла наклейка, узенькая такая, песочно-желтая с логотипом компании сверху и тонкой линией, явно для заполнения.

– Поздравляю, – улыбнулся Ромка, вернувшись ко мне. – Это пропуск на презентацию. Пиши свою фамилию.

Трясущейся рукой на весу, опираясь на Ромкин блокнот, я вписала набор букв с инициалами имени меня, и, как лакмусовая бумажка, она впитала в себя все пережитые эмоции за последние несколько минут. Куда вписала? Зачем? Размышлять на эту тему не было уже смысла, да и стоило ли...

И чинным движением Ромка прилепил не поддающийся поначалу отклеиванию стикер на левый лацкан в районе груди. При этом легкий румянец разбавил его белизну на щеках... или мне показалось?

– О! Да вас можно поздравить! – вновь раздалось откуда-то сбоку, нагло прерывая мои рассуждения на тему Ромкиного смущения. Это был невысокий достаточно молодой человек опять же в полосатом костюме, но с явно выделяющимися не по годам знаками солидности из-под пиджака и глубоко посаженными глазами. Он настойчиво тряс меня за руку, в то время как мы с энтузиазмом были увлечены приклеиванием моей фамильной «путевки» в неизвестность.

– Первый этап, можно сказать, уже пройден. А это уже немало! Скажу по секрету, я только что проходил по фойе и заметил, как многих уже отправили домой... – не унимался он.

«Отправили домой?» – пронеслось в голове. Почему? Из-за чего отправили? И почему тогда оставили меня? Я ведь явно не этого уровня – это очевидно...

Я вновь обвела глазами наполненное фойе: люди бизнеса, люди интересных начинаний, люди позитива, люди движения, общения и телефонных переговоров. Они светятся изнутри. Пусть не все одинаково, но светятся. А кто-то даже озаряет, скапливая возле себя полукругом энное количество глаз. И они, как гирлянды последовательного соединения, несут в себе его свет, воткнувшись всеми сенсорами восприятия в источник питания его существа. Я раньше задавалась вопросом, где есть такие люди, ведь они по определению где-то есть, пусть они мне пока не встречались (я не так много где и бываю), но точно они есть! Теперь понятно, где они были все это время!!!

А ведь хочется быть среди них, черт возьми... как хочется!

* * *

– ...Это не просто наклейка, как может показаться, – донеслось сквозь мысли все из того же источника. Я попыталась сфокусироваться. Фразы тем временем с невообразимой скоростью втыкались мне в голову. – Это уже 5 % вашего успеха. Пусть пока пять, но сейчас вы получите полную информацию о деятельности компании, и, мой вам совет, записывайте! Записывайте все! Информации будет очень много, и пропустить что-то будет очень плачевно для следующего общения с г-ном Патаниным, вашим экспертом. Первый раз вы, можно сказать, познакомились, а вот после того как вы получите информацию, общение будет несколько иным. Так что мой вам совет: все внимательно воспринимайте! Очень внимательно!

«Очень-очень внимательно? Вот с этим всегда проблемы были, еще с института: о каком восприятии информации может идти речь, особенно с утра? Тело может присутствовать и может даже что-то говорить, но вот воспринимать... Эх, надо было вчера все-таки лечь пораньше. Лера-Лера! Ну, почему у меня все всегда через одно место? Рома, блин! Не мог предупредить, что все настолько серьезно!»

– ...И возникшие возможности, – вновь ворвалось в слуховой рецептор, – я сразу же ушел с работы. Потому что просто понял, что риелторство не то чтобы не для меня – мне отчасти нравилось это общение с людьми, непосредственный контакт, и потом недвижимость – это то, что никогда не обесценится, просто какие меня ждали там перспективы? Зарубежная недвижимость, ну, топ-менеджмент – максимум. И что дальше? Потолок! Чтоб развиваться и открыть хотя бы маленькую конторку, нужен капитал, которого на оклад не заработаешь. Поэтому я здесь, сам распоряжаюсь собственным временем, зарабатываю хорошие деньги (3000 евро в неделю не на каждой работе платят, согласитесь) и обзавожусь нужными связями...

«Три тысячи евро. В неделю. Это сколько в рублях? Дааа... это мой оклад за три месяца. Или четыре? Не важно, надо будет потом точно посчитать... и чем же они занимаются таким здесь? Биржа, что ли? Или разница курсов валют? Но это ж мозги-то какими должны быть! Вообще специфический склад ума. Тогда меня должны были первым делом отправить. У меня же на лице написано, что я дальше приветливого хлопанья ресницами на ресепшене и экселевских таблиц не ушла».

– Пойдем подышим, – раздался все тот же голос, – перед презентацией неплохо было бы мозги проветрить, – заулыбался он и направился к центру фойе.

Ты даже представить себе не можешь, насколько я с тобой согласна, Ром.

* * *

Перед входом практически никого не было, если сравнивать с внутренним заполнением, конечно. Лишь возле напольных урн-пепельниц, расставленных по периметру входа у колонн, небольшими группками сосредотачивались все те же люди в костюмах: где-то чуть небрежнее распахнув пиджак и выдыхая клубы дыма, где-то положила руки в карманы, где-то чуть громче смеясь и жестикулируя. Но было в этой небрежности что-то отточенное, что ли... что-то лаконичное и что-то значимое.

* * *

Я наблюдала за отдельными личностями, пока Роман отлучился переговорить с кем-то «на минуточку» о каких-то своих общих делах. Я наблюдала за жестами, за манерой разговора того или иного, за тем, как кто-то что-то внушает, будучи определенно центром внимания в одной из небольших группок, а кто-то, напротив, стоит отдаленно и явно ведет настоящую беседу тет-а-тет. Еще кто-то вообще прогуливается где-то в стороне и, не отпуская мобильник от уха, часто затягивается.

Я медленно вдыхала в себя ментоловый привкус никотина и разглядывала их. С интересом, с любопытством и с завистью, что ли. Без желчи – злости не было. Было жгучее желание понять: кто эти люди? Кто?

И, будто услышав мои мысли, они как по команде оперативно и технично тушили недокурные сигареты, застегивали пиджаки и дружно устремились ко входу в фойе. В тот же самый момент Ромка подхватил меня под локоть и несильно, но уверенно потянул за собой.

– Начинается запуск на собрание. Пойдем. Тебе нужно быть в первых рядах, – резюмировал он, уже пересекая внутренний холл, под руку со мной, разумеется, и целеустремленно направляя меня к уплотнившемуся скоплению все тех же людей возле широкой двустворча-

той двери, откуда, к моему удивлению, доносилась достаточно нетихая музыка. Ловко обогнув медленно продвигающийся поток, мы просочились вдоль стены к самому входу. Кто-то впереди стоящий понимающе улыбнулся, опустив глаза на мой «пропуск», и позволил пройти перед собой.

Тут-то открылась еще более интересная картина. Два человека в форме с безучастными лицами умеючи пробегали холодным взглядом по претендентам на проход и запускали их партиями по несколько человек. Рука, преграждающая путь, возникла как раз перед нами. На секунду буквально, но этой секунды было достаточно, чтоб стайка мурашек трусцой пробежалась между лопатками и скрылась где-то в районе поясицы. Я успела испытать за эту секунду всю самую адскую в мире смесь: страх, восторг, панику, нехватку кислорода, желание провалиться, сбежать сию же минуту, убиться головой о дверной косяк и непреодолимое желание шагнуть навстречу вытянутой открытой ладони, указывающей на меня, а затем куда-то в сторону, куда я после секундного замешательства засеменила вслед за Романом. Я, будто в замедленной съемке, продвигалась вдоль рядов красных стульев, огибая их с правой стороны, мимо приветливо улыбающихся «людей в брючных костюмах», невзирая на пол, не сразу осознавая, что среди них был и тот, с кем мне довелось уже познакомиться, умудрялась глазеть на убранство просторного зала и не отставать от ломаного бита «Mission impossible».

Говорите, перебежать МКАД поперек – это экстрим? Пересеките эту руку и пройдите по залу, просто по пустому залу до того места, куда вам улыбочиво подскажут присесть. Пройдите мимо людей, которые дружелюбно встречают вас и сканируют ваши мысли. Просто пройдите и проживите это состояние всем нутром, и я уверяю вас, вы начнете делать пробежки трусцой по оживленным магистралям. Но пока что это была моя дистанция. Знать бы на тот момент, насколько затяжной она окажется...

* * *

Зал между тем наполнялся. Люди организованной вереницей протекали в ряды и рассаживались на указанные места, приветливо кивая и перемигиваясь друг с другом. Какие-то свои знаки, мимические жесты, понятные исключительно им, и улыбки. Улыбки! Они будто существовали здесь самостоятельной жизнью. Как там в «Алисе»: людей без улыбок я лицемерела сполна, но вот чтобы улыбки... да еще и как перманентное состояние – это вообще нонсенс в наше время. Какие уж тут сказки. И пусть все эти улыбки были предназначены не мне, я не могла не ответить этому всеобщему настроению тем же, по правде, абсолютно не понимая сути всего происходящего. Ромка что-то постоянно болтал мне на ухо справа, периодически перекрикиваемый репликами г-на Ярина слева, но потуги обоих были сравнительно ничем на фоне меняющихся музыкальных треков, сведенных незатейливыми переходами, а зачастую просто идущими друг за другом. Позитивными такими треками, веселыми, произвольно заставляющими подергивать ступнями или пальцами в такт. Кто-то умудрялся даже подпевать и выписывать головой синхронные пируэты.

Забавно? Не то слово!!!! Свести бы их потехничнее только...

У нас даже на корпоративах, а если точнее, в редчайшие их события, особо дисциплинированные считают подобное чем-то из ряда вон, не говоря уже о повседневности. А тут презентация! И не на двух калек, а для солидного количества народу. Ну, где-то за триста человек – это уж точно!

Чем, вы говорили там, заниматься нужно?!!

А Рома все говорил... о событиях компании, о прошедшем мероприятии, где на лотерейном розыгрыше один из партнеров выиграл автомобиль, об отдельных личностях, периодически указывая на чей-то затылок, покачивающийся в такт музыке, о предстоящих планах и росте. Последнее, что я успела расслышать, было незамысловатое, но какое-то непонятное

на тот момент слово «интра». Я попыталась было раскрыть рот, чтоб переспросить, но низкий механический голос откуда-то сверху, будто вовсе не из колонок, четко и бескомпромиссно заявил: This is the beginning!

Я замешкалась на мгновение, а Ромка быстрым движением выхватил с моих колен заранее приготовленный блокнот и резко выпалил: «Просто делай как я!»

Я успела лишь кивнуть, и начался обратный отсчет... знаете, как в блокбастерах при запуске ракеты: три, два, один... И каждый счет сопровождался одним четким синхронным хлопком ладоней каждого присутствующего. На нулевом отсчете зал взревел. Как единое целое, еще несколько минут назад двигающиеся каждый в своих мыслях, в своем ритме, в своих выражениях, люди разного возраста, разного социального статуса, разных профессий являлись сейчас единым организмом. Я никогда не была на демонстрациях, и мне не удосуживалось ощутить всю насыщенность смысла толпы – я избегала этого понятия в принципе. Признаться честно, я боялась любого ее проявления. Просто боялась этого скопления нереализованной энергии на грани бесконтролия. Но это зрелище меня поразило. Это было нечто иное, нечто неопишное. Такое, что колени слегка подрагивали, а дыхание перехватывало. Но еще больше поражал тот факт, что в данную минуту, сама того не осознавая, я являлась частью этой мощи. Маленькой, но частью.

* * *

По сей день я вспоминаю этот момент с содроганием. И с идиотской улыбкой, расплывающейся морщинками возле глаз. Как много было – как мало получается воспроизвести в деталях. Ведь это мои детали. Мои богатства, которые я заберу с собой. Определенно. И воспроизведение их – сугубо мое на то решение, если уж на то пошло...

Но кое-что я все же поведаю. Думаю, стоит...

А ведь в самом начале пути в нас мало кто верил, не правда ли?

* * *

Я проснулась от назойливого пикиканья мобильного. Звук был приглушенным, поэтому я не сразу сообразила, мой ли это телефон, но позднее поняла, что мой, просто надрывающийся откуда-то из недр сумки, которая сиротливо валялась в углу комнаты. Видимо, вчера я даже не вынула его оттуда. Вчера? Я резво подорвалась с постели и кинулась за телефоном.

Входящий вызов: Ромка Карпаков.

– Але, – осторожно озвучила я, стараясь не выдавать своего непонимания.

– Все спишь? Как самочувствие твоё? Давай просыпайся и собирайся. На собрании сегодня еще раз усвоишь информацию, поближе познакомишься с партнерами. Я заеду через час примерно. Будь готова.

Я хотела что-то ответить, вернее, что-то спросить... Я точно знаю, что хотела... но...

Слушая кроткие гудки в трубке, я лишь посмотрела на свое растерянное отражение в зеркале на стене и, пожав плечами, начала собираться. Что надеть-то, господи?

* * *

Натягивая колготки и дорисовывая глаза, я то и дело проваливалась в воспоминания вчерашнего дня. Люди, пиджаки, суeta и разговоры. Потом словно вспышка – знакомство с «шефом», собрание, взрыв головного мозга и снова общение с «шефом», потом сквозь туман объяснения сути, выступление регионального директора, от которого мурашки бегут по спине

(они до сих пор бегут при воспоминаниях), и персональное собеседование. Ромка должен был организовать какой-то транспорт, потом дождь – и мы толкаемся в пробке к моему дому, Ромка звонит – просит отсрочить время нашего прибытия, мы подъезжаем, я хочу, чтоб Ромка поднялся со мной – и он поднимается, я беру деньги, переживаю, что они в разной валюте, а ехать в обменник уже совсем времени нет... но Ромка делает звонок, и мы уже выезжаем обратно. Мне немного холодно. Это пройдет. Мы приезжаем обратно. Фойе уже полупустое. Лишь отдельные группки рассредоточены по углам в непринужденной беседе и ожидании. Меня приняли без ожидания. Дали ознакомиться с уставом, который я якобы прочла сквозь пелену на глазах. Подписала документ, и, забрав сумму, пересчитав ее тут же, в моем присутствии, мне выдали картонный прямоугольник, где в предусмотренном поле я должна была вписать свои ФИО.

Я снова кинула взгляд на сумку. Бейджик! Он лежал в паспорте, всунутый под обложку. Так и не подписанный.

Снова раздался звонок, заставивший меня вздрогнуть.

– Я тут толкаюсь у тебя немного, но скоро подъеду. Ты готова уже?

– Ром, я бейджик не подписала, – вместо ответа выдала я.

На том конце трубки раздался игривый смех:

– Я знаю. Ты его не забудь, главное. А подписать мы его господину Янину дадим – у него почерк красивый.

– Ладно...

– Все, скоро буду.

– Ага...

И снова короткие гудки. Ага. Скоро будет. А я так и сижу в чулках и с не докрашенным глазом. Ага...

Я схватила юбку и обнаружила на ней темное пятно. Ну, все правильно... Я ж окатила себя и г-на Янина вином, когда мы в ресторане праздновали мой второй день рождения. День вступления в бизнес. А потом вместе орали в трубку, поднимая третий бокал за эксперта – за нашего господина Патанина. Я тоже что-то там орала, может, оно и к лучшему, что не совсем помню что, да и в мужских баритонах оно явно все затерялось...

Придется натягивать брюки. Они-то хоть чистые. Но мятые! Мать вашу! Ох уж эти утренние сборы...

К третьему звонку телефона я подлетела от гладильной доски и, не глядя, выпалила:

– Ром, пять минут – и я выхожу!

– Доброе утро, госпожа Батунина! Вы, как я слышу, бодры и настроены на новый позитивный день! – раздалось мне в трубку, от чего я чуть ее не выронила.

– Еще раз поздравляю вас с правильно принятым решением, вижу, что вы с господином Карпаковым на связи, и буду рад вас видеть в фойе, где мы с вами обязательно еще пообщаемся. До связи.

«Вот это утро!» – пронеслось у меня в голове, когда я едва успела спасти брюки от неминуемого прожжения. И на мой вопросительный взгляд в машине Ромка, едва заметно улынувшись, ответил:

– Да, Лер. Сейчас многое начнет меняться.

Если б знать тогда, насколько много! Если б...

* * *

...И несколько лет назад был проведен соцопрос. Взяли пятьсот людей.

Пятьсот молодых людей, стоящих на пороге своей самостоятельной жизни.

Их всех спросили, чего бы они хотели добиться в своей жизни, чего бы они хотели достичь.

Кто-то хотел заработать денег.

Кто-то хотел заработать очень-очень много денег.

И вот спустя сорок лет этот опрос был снова повторен.

И все те же пятьсот, но уже немолодых людей вновь ответили на тот же самый вопрос: чего они смогли добиться в своей жизни? Чего они сумели достичь?

И результаты были, признаться честно, печальны, так как один, только ОДИН из всех опрошенных смог добиться полной финансовой независимости.

И как мы назовем такого человека?

– Счастливчик! Красавчик! – выкрики из зала эхом донеслись откуда-то из-за пелены.

...Везунчик?!

Мы назовем такого человека «Миллионер».

В рублях? Нет, ну в евро, конечно же! В евро.

И согласитесь, что этот человек что-то делал в своей жизни.

«Немало делал, мне кажется... поболее, чем многие».

Другие девятнадцать. Это те люди, которых в наше время, в наши дни мы можем встретить в таких местах, как Тверская, Кутузовский, Третьяковский проезд, Столешников переулок. Они ходят от магазина к магазину, от бутика к бутику: дорогой фирменный костюм – здесь, дорогая брендовая обувь – там, бриллиантовое кольцо – тоже пригодится. Другими словами, эти люди тратят много денег, но при этом у них кое-что еще и остается.

И как мы назовем этих людей?

«Обеспеченные...»

Правильно, мы назовем их «финансово независимые люди». Или, проще говоря, богатые.

И вот здесь, как бы мне этого ни хотелось, я вынужден провести черную прямую черту, так как оставшиеся четыреста восемьдесят смогли присоединиться лишь к среднему слою.

А сколько в наше время, в наши дни зарабатывает средний слой?

«По больному режет...»

– Сколько дадут! – раздалось позади меня.

Я рефлексивно повернула голову на звук: «Дают тоже всем по-разному... если дают».

– Мало!

...И, чтобы никого не обидеть, мы назовем их «абсолютный финансовый минимум».

Рука медленно срисовывала с проектора слова в сокращении:

480 – абсолют. фин. min.

«min... Минимум... еще одно определение в характеристике личности.

Здравствуйте, меня зовут Лера. Мне двадцать два года. Я родилась в Саратове, учусь, работаю салонным администратором, и я – абсолютный финансовый минимум...»

* * *

...показывает, что от четырех до максимально пяти процентов всех людей в своей жизни добиваются финансовой независимости.

«...но я не хочу... не хочу приписывать себе это определение. Пусть это и правда на данный момент...»

Я украдкой посмотрела на Ромку. Он был полностью поглощен диалогом ведущего с залом и записывал вместе со всеми: «Зачем ты сделал это?»

...но как же это так?

Ведь изначально все хотели, все стремились, а в результате – только 4–5 %.

Да потому, что об этом мало кто задумывается.

Давайте рассмотрим такой пример, что все эти четыреста восемьдесят находились бы **над** чертой и зарабатывали бы все деньги, а эти двадцать находились бы **под** чертой. И, допустим, я бы находился среди этих двадцати. И вот только тогда я бы задумался: почему у всех все так хорошо? Все живут в шикарных домах, ездят на дорогих автомобилях, а я в этом числе неудачников ничего этого не имею. А так все плывут в большой и серой массе.

А кто все эти двадцать? Это люди – владельцы какого-то собственного бизнеса. Им принадлежат рестораны, магазины, те же отели. Эти люди не отсиживают на работе положенное время, после чего приходят домой и спокойно ложатся спать. Нет. Эти люди работают по 8, по 12, зачастую по 16 часов в сутки, думая о своем бизнесе, как его улучшить, как еще больше денег заработать. Именно поэтому они находятся над чертой.

А все эти четыреста восемьдесят – это мертвая рыба. Так как только мертвая рыба плывет по течению, и лишь живая рыба находит в себе силы плыть против течения – к источнику. А где же находится этот источник?

«Где? А ведь я издыхаю, но еще плыву вроде... или это течение пока не слишком сильное?»

...может быть, он находится здесь? – указывает на цифру 480.

«Нет...»

– Нет. Он находится здесь – над чертой.

И если бы это было моей основной задачей – рассказать вам, как в наше время мало возможностей заработать хорошие, большие деньги, то, судя по некоторым лицам в зале, я с этой задачей справился.

Аплодисменты в очередной раз взорвали зал. Но мне не было весело. Мне было непонятно, почему они радуются...

Я готова въезжать по 12, по 16, да даже по 20 часов в сутки, чтоб развиваться и зарабатывать, но я не знаю, где это можно сделать... где можно получать доход, эквивалентный твоим стараниям, а не положенному среднестатистическому окладу. Не знаю, куда пойти, чтоб организовать свой собственный бизнес. Не знаю даже, где найти струю, чтобы в нее попасть...

...но это не было моей основной задачей. И так как нормы авторского права приписывают конфиденциальность, все идеи, разработки автора не могут быть обнародованы, мы со своими финансовыми экспертами и адвокатами разработали один документ, который я сейчас хочу вам коротко представить.

Желтый листок А4 возник в руках ведущего.

Сзади – ничего!

«А должно быть?»

И прежде, чем наши эксперты пройдут по залу...

...Успешные люди стали таковыми, возможно, потому, что делали те дела, которые менее успешные оставляли...

Урывками фразы проникали в сознание, теряя между собой всякую связь, и клейкими стикерами post it оседали в мозг. Один другого ярче и красочнее.

Я пыталась успевать записывать все эти цитаты и фразеологизмы, но не успевала.

Мне за эти неполные два дня вообще очень часто казалось, что я что-то отчаянно не успеваю. Что-то очень важное и значимое. Что-то мелькающее передо мной и неуловимое. Что-то...

Что олицетворяли собой эти яркие энергичные люди, меняющиеся в такт музыке и распределяющие по рядам нужное количество желтых листов уплотненной бумаги. Вчера я заполняла и подписывала аналогичный...

Сколько же нас, желающих ознакомиться с уникальной информацией о быстром и качественном способе заработка, о возможности оказаться по другую сторону черты и о значе-

нии того, что скрывается за этими приветливыми и неоднозначными улыбками курсирующих людей в черных деловых костюмах.

Красиво так курсирующих... слаженно.

Что там написано, вы говорите? Да какая разница...

Что нужно сделать, чтобы быть олицетворением подъема, как эти люди, – вот это вопрос!

И шквал аплодисментов вместо ответа вновь взрывает аудиторию, очередной раз приветствуя ведущего.

– ...и как вы провели эту паузу? Выпили чашечку кофе? Выкурили сигаретку?

В пол-оборота я обвела взглядом зал – я не видела, чтоб хоть кто-то из присутствующих вставал с места... табачного дыма тоже не чувствовала...

...не успели – значит, не хотели...

И дальнейшее свое выступление я хотел бы продолжить одной бизнес-фразой...

«Не успели... Значит, не хотели... Не хотели. Иначе нашли бы время успеть. Если бы очень хотели... Господи, как просто. И как прозаично. Когда хочешь, успеешь все, и всегда найдутся способы. А если некуда успевать, тогда спроси, чего ты хочешь. И хочешь ли... а если хочешь и не успеваешь, значит, плохо хочешь... ведь если хочешь, всегда найдется время успеть!

Это замкнутый круг. И как глупо многие сходят с дистанции...

Просто не хотели, видимо, на ней оставаться. Просто не хотели...

...Вам нужно сформировать свою команду. Подобрать туда тех людей, с которыми вам было бы приятно работать и зарабатывать.

«Как, Рома? Каким образом? Ведь ты совершенно не знаешь, как я могу работать, а уж тем более зарабатывать. А если я не справлюсь...» – я снова покосилась в его сторону. В этот раз он повернулся ко мне и, искренне улыбаясь, едва ощутимо пихнул локтем в бок. «Откуда такое доверие, чтоб формировать со мной команду? Тем более бизнес... вы же тут ни в пинг-понг играете».

...И если вы у нас начинаете, а я думаю, начинаете, в противном случае этот шанс ваш Пригласитель дал бы кому-нибудь другому. Вы начинаете как новый надежный партнер...

* * *

...И я начала. Как партнер. Уж насколько надежный, судить, право, не мне. Только отныне в моей жизни появилось что-то большее, что-то не походящее на работу, но и уж никак не на хобби. Дополнительный заработок – вот уж действительно «НИЧЕГО СЕБЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ!». Что-то, что изменило и перевернуло весь мир, а начало, как известно, с меня. Только теперь у меня было будто две жизни: днем я сидела в салоне (два дня я упрашивала директоршу и напрочь поругалась со сменщицей, чтоб поставить себе дневные смены), а вечера проводила в отелях и конференц-залах, где несколько сотен людей, одержимых единой волной, мыслящих идвигающихся в одном направлении – только вперед.

Мне так казалось. Для меня так и было на тот момент. И мне нестерпимо хотелось с кем-нибудь этим поделиться...

Тогда-то стало приходить понимание, что мало по жизни людей, которые готовы тебя поддержать. Еще меньше – способных за тебя порадоваться. И от степени родства это не зависит абсолютно.

* * *

Шквал непонимания посыпался в первые же выходные, когда Ритка – Ритка, с которой мы не раз высиживали ночи на кухне ее съемной квартиры после окончания полуночных смен

(она работала в интернет-магазине и зачастую перерабатывала положенные часы из-за шквала заказов и меркантильных соображений ее малолетнего босса, который, не желая тратить на оклад еще одного сотрудника, списывал и оптовые заказы на нее, хотя в ее обязанности входила исключительно розница), курили самодельный кальян и, истребляя не первую бутылку персикового «КЕСО», мечтали, как замутим что-то свое. Пусть поначалу маленькое, пусть местечковое, но обязательно замутим и обязательно свое – с ее-то энергией и моей упорностью! Что-то вроде салончика красоты, поначалу где-нибудь в спальном районе (там и аренда пониже), и к месту жительства поближе, чтоб на дорогу не тратить. А потом отрубались на неразобранном диване, чтоб через пару часов встать и отправиться на «любимые» работы исключительно с «радостью»...

Ритка, с которой не раз могли всплакнуть и пожаловаться на судьбу и безмозглых мужиков, которые ничегошеньки не понимают в тонкой женской душе, а лишь способны меркантильно пускать слюни на молодые тела и умело готовить спагетти, которые тяжким грузом свисают на наших ушах вместо ограненных бриллиантов. Ритка, которая казалась мне порой такой наивно-детской, такой смешной и невероятно своей, сейчас стояла напротив и, хлопая своими огромными серыми глазами, отчужденно смотрела сквозь меня.

– Я только что с Ромой разговаривала. Он договорился с господином Патаниным насчет тебя, чтоб продлить тебе срок организации, – говорила ей я, где-то в глубине понимая, что она меня не слышит. – Ты там понравилась всем, слышишь? Ну и пусть ты первые выходные пропустишь и не сможешь зарабатывать, главное, что тебя взяли, главное, что ты зацепилась, а дальше мы тебя не оставим. Я тебя не оставлю! Я же обещала, ты помнишь?!

Она молчала и нервно курила, пялясь в невидимую точку перед собой.

Мы стояли возле крыльца ее полуподвального помещения, именуемого офисом-складом, местом, где она проводила большую часть своей жизни за последние полтора года и где постоянно прорывало трубу в сортире. И я искренне не понимала, почему она боялась отсюда уйти... а она боялась!

– У тебя появится еще время доорганизовать, – продолжала я перефразировать слова господина Ярина, сказанные не более чем полчаса назад в телефонную трубку, перед тем как поехать сюда. – Всего-то какие-то тридцать тысяч! Главное, что документы зарегистрированы, остальное можно варьировать.

– Мне не у кого больше занимать, Лер... мне за квартиру платить через восемь дней.

– Ритк, ты отдашь на следующей же неделе! Ты заработаешь через две почти такую же сумму, даже больше, ты же сама все видела, – не оставляла я попытки достучаться до ее сознания. – А я помогу. Слышишь, я же обещала тебе! Я тебя не брошу! И Ромка, и Ленька Ярин. И господину Патанину ты тоже понравилась!

Я искренне не понимала, как можно не видеть подобного положительного стечения обстоятельств, как можно не видеть очевидных плюсов и держаться за придуманные причины. Простите, но подвальную работу я иначе назвать не могу...

Ведь она была доведена до отчаяния. Она ненавидела свою работу, своего начальника и совсем недавно рассталась с очередным хахалем. Что ей терять? Скажите мне, что ей, по сути, терять?! А тут еще такие перспективы. Но ведь даже это не главное. Главное, что мы мечтали, мы хотели тогда, там, у нее на кухне. Мы же всегда мечтали сделать что-то вместе. Что-то свое, пусть маленькое, но сделать! И сделать ВМЕСТЕ!!! И вот вариант – реальный вариант – накопить бабла, ввалить, прокрутить, подрядить нужных людей и сделать! Сделать то, что мы давно хотели!!! А она как будто ослепла...

– Давай я сейчас Ярину наберу, ты с ним поговоришь, может, его ты лучше поймешь, чем меня...

Она покачала головой: «Не надо».

– Ритк, это наш шанс прорваться. Я хочу это сделать с тобой, – я понимала, что разговор этот заходит в тупик, и ждать чего-то кардинального уже было маловероятно, однако я старалась, я правда хотела, чтоб она меня поняла. – Ты, главное, приходи в понедельник, там все понятнее будет. И думай. До понедельника еще время есть.

– Я наберу тебе... – обернулась я, прежде чем повернуть за угол, и обозначила трубку пальцами, поднесенными к уху. В тот момент я еще думала, что она ее возьмет...

* * *

Рита действительно появилась в понедельник, хоть и не отвечала на мои звонки в течение двух дней. Появилась с принятым решением и «своим» молодым человеком, с которым якобы встречалась уже второй месяц (откуда он взялся, я не имела понятия). Они настойчиво требовали вернуть внесенную сумму и больше ей не звонить. О том, что внесенная сумма не возвращается на основании устава, с которым госпожа Коростова была ознакомлена прежде, чем давать свое согласие и подписывать соответствующие документы, она благополучно забывала. Как и о том, что это было ее трезвое самостоятельное решение, принятое без вмешательства и давления извне. Поэтому все баталии и повышенные тона в данной ситуации были совершенно бессмысленны.

После третьего подхода объяснений «молодой человек» сорвался на угрозы, и мое даже отдаленное присутствие при этих событиях вышестоящие инстанции сочли ненужным.

Ромка деликатно отвел меня в лобби-бар на первом этаже и заказал апельсиновый сок.

Диаметр моих глаз говорил, наверное, больше меня...

Все это время, пока шел диалог между господином Патаниным и ее визави, она стояла чуть поодаль за его спиной и ни разу на меня не взглянула. Ни разу! Даже когда определенные вопросы были адресованы мне, и все присутствующие так или иначе обращались в мою сторону, она не поднимала глаз. Вот это меня парализовало. Это блокировало мое понимание...

Как? Как так?! Бог с ними, с деньгами. Это все можно решить. Не на этой неделе, так на следующей, не на следующей, так еще через неделю. Ведь я же здесь. Можно попросить, можно договориться. Все здесь люди! Тем более что ты понравилась.

А она стоит за плечом какого-то типа, непонятно откуда взявшегося... и еще врет, что это ее ухажер. Обо всех ее ухажерах узнавала первая я, задолго до того, как они сами информировались, что теперь они ее ухажеры. Откуда взялась эта ложь, Ритка?! Откуда?!

* * *

Ромка долго смотрел на меня, прежде чем произнести:

– Расстояние между тем, как люди говорят, что хотели бы жить, и живут на самом деле, столь велико, что нет смысла его даже измерять. Оно эквивалентно тому хорошему, что у них есть и чем они жертвуют, чтоб оставаться на прежнем месте.

Сказать, что на тот момент я поняла, что именно он имел в виду, – глубоко себе польстить. Изречение его было минимум на мудреца, а он для меня таким и был. Ведь я, как тот слепой поросенок из «Приключений Мюнхаузена», ухватила за отрезанный хвост кабахи и поплелась следом, думая, что это его мать.

Ты мне, конечно, не мама, Ром, но иду я за тобой беспрекословно. Даже если бы сейчас ты просто молчал...

* * *

Ближе к полуночи мне позвонил господин Патанин. Я, как всегда, подорванно заметалась, прежде чем ответить на звонок.

– Добрый вече... ночи, г-н Патанин! – отчеканила я в трубку, застыв посреди комнаты как истукан. Я всегда почему-то разговаривала с ним исключительно стоя.

Еще бы честь отдать разве что... тьфу ты, блин! Отрапортовать, имеется в виду!

– Доброй ночи, госпожа Батунина! Вы не спите еще? Как настроение?

– Не... нет, конечно же! Что вы! Хорошо!

– И правильно! Кто в нашем бизнесе, как вы уже знаете, поначалу мало спит, тот впоследствии много зарабатывает.

– Да... это да...

– Нам сегодня не удалось пообщаться после собрания, совещание началось пораньше, но мы обсудили ваш бизнес-план со своим ответственным организатором и планы на завтра?

– Да. Завтра...

– Замечательно. Завтра мы с вами на связи. Набирайте мне в 9:00, и мы с вами более подробно обо всем поговорим, договорились?

– Да, конечно...

– Вот и хорошо. Доброй ночи, г-жа Батунина. До связи.

– Доброй ночи... – договаривала я уже коротким гудкам. – Доброй ночи...

Будет ли она доброй, насколько хотелось бы? Сказать, что я была на нервозе, – не сказать ничего.

Было бы кому сказать...

* * *

Утро среды ворвалось телефонным гудком. За последнее время каждое мое утро начиналось именно с этого. Я лежала на полу и резко распахнула глаза. Телефон надрывался недалеко от правой руки. Я обвела взглядом верхнюю часть стен и потолок – на полу. В углу шипел невыключенный DVD-проигрыватель. На полу?!

– Лер, у тебя телефон звони...?

Вопрос повис где-то между полуоткрывшейся дверью в мою комнату и маминым ртом. Она так и застыла на пороге с опущенной дверной ручкой в руках и распахнутыми глазами, увидев меня лежащую в позе «труп» посреди своей комнаты возле орущего телефона. Спокойствие, мама, это просто поза.

Картинка вчерашнего вечера восстанавливалась по мере того, как мобильник принимался верещать по третьему разу с перерывами в несколько секунд. Кому-то было определенно что-то нужно.

– Мам, все в порядке. Я просто... просто... – я махнула телефоном в ее сторону, уже зажатым в руке. – Я отвечу.

Она лишь утвердительно кивнула и скрылась за дверью, так и не изменившись в лице.

Господи, какой идиотизм...

– Да, Ром.

– Ты чего трубку не берешь? Названиваю тебе все утро. Янина тоже игнорируешь. Ты в порядке?

– Ага, – получилось ответить у меня на эту тираду вопросов. – Ром, у меня колпак рвет.

– Что такое?

– Не знаю... сама не понимаю, – замямила я. – Настроение скачет от депрессивности до эйфории, причем по несколько раз за час может. И я не могу это проконтролировать. Вообще собой как будто не владею. Вчера вот йогой занялась, чтоб хоть как-то успокоиться, – так и уснула на полу. Сейчас вот лежу все еще тут же и с тобой разговариваю. Расслабилась так, что ничьих звонков не слышала и маму напугала.

– Ты сколько спала за последние дни? Спала вообще?

– Спала? – я как с бодуна, черт возьми. Пила бы только накануне – не так обидно было бы. – Я не помню, Ром...

– Не переживай, все нормально, – услышала я не совсем уверенный тон. – Приезжай сегодня пораньше на собрание – там поговорим. Ты, кстати, в курсе, где? После трех будет известно. Я наберу еще. Давай, приходи в себя и конверты оформи. Сегодня призы хорошие разыгрываться будут – один из них по-любому твой. Все, до связи. И все хорошо, слышишь?

– Да... да, Ром, – я снова закрыла глаза. – Все хорошо. Я встаю...

* * *

– Ром, я не знаю... что со мной. Не могу объяснить. Какое-то состояние полной просрации, что ли...

– Абстракции.

– Вот именно... это у нормальных людей. А у меня точно просрации – только и делаю, что просираю!

Мы сидели в креслах лифтового холла на десятом этаже. Это был уже жилой сектор отеля, как я понимала, судя по шныряющим по коридору иностранцам в махровых халатах и газетами в руках.

Партнеры на эти этажи не поднимались. Я не видела, по крайней мере...

– И что ты просираешь? – он с любопытством рассматривал меня, откинувшись в кресле, в то время как я сидела будто на иголках и нервно что-то калякала в раскрытом ежедневнике.

– Я не знаю... не могу понять.

– Успокойся, – уже без тени иронии произнес он, видя, как остервенение, с которым я бесцельно трачу чернила, продавливая страницы, все нарастает.

– И это меня бесит больше всего!

Я наконец прорвала лист ежедневника и швырнула осточертевшую ручку. Та со звоном приземлилась на стеклянный столик.

– Ты психуешь, потому что у тебя вторую неделю непуха. Но это не показатель, – он подался вперед ближе ко мне. – Это бизнес, Лер. И это нормально, что кто-то стартует сразу, а кто-то набирает скорость в процессе. Ты же помнишь, что говорил господин Патанин в понедельник: все мы здесь с разным багажом, с разным пониманием и разными способностями, но все мы здесь ради одной цели – ради своего желания. Вернее, ради его реализации. Просто желания тоже разные в основе своей: у кого масштабные, у кого не очень... от этого сроки тоже зависят. И не в бизнес-плане, а скорее, вот здесь, – он взял мою ускокавшую ручку и несколько раз потыкал себя ею в голову. – Мечты, желания, надежды и цели. Не забывай об этом.

«Я помню, Ром. Понимаю...»

Он, не отрываясь, смотрел на меня. Я – куда-то в пространство между нами.

Мое желание расположилось где-то на пятой неделе собрания, а я не приблизилась пока что к нему ни на шаг. Выходит, отпуск тоже откладывается... или просто урезаются сроки?

– Я все это понимаю... Ром. И дело совсем не в этом, – я перевела на него глаза. – Не в абсурдной реакции Риты, не в поведении ее товарища и, конечно, не в истерике Алки в прошлое воскресенье после первой части собрания. Не в том, что я взяла больничный на работе, без понятия, где искать теперь справку для его официальности, потому что выходные мне

полностью не отдают. Не в том дело, что мама стала как-то непонимающе наблюдать за мной (она ведь не в курсе вообще ничего, да я и не вижу смысла ей что-либо объяснять – слишком муторно, а она все равно скоро уедет). Не в том дело, что Сенька не вступил, а ступил, как в последнее время проявлялся во всем. Это уже его сложности, а скорее, диагноз, раз в свои 26 он по-прежнему живет в одной комнате с сестрой и считает это нормальным, сетуя еще на проблемы в личной жизни. Как говорилось, у нас тут не служба скорой психологической помощи. Мы помогаем, но не всем...

Дело даже не в том, что мне стали названивать наши общие знакомые и расспрашивать, куда я попала. Куда меня втянули, в какую секту, что я теперь хожу в пиджаке и хлопаю в ладоши... Это все такая чушь по большому счету. И то, что в понедельник г-н Янин рассказывал, как проспал воскресенье до обеда и не поставил телефон на зарядку, поэтому его не было на собрании, и как просил займы у Федосейкина, с которым мы отмечали наши «традиции» вместе. Это, кстати, нормально? Но и это не имеет значения...

Я запнулась, подыскивая нужные слова, а в глубине души надеялась, что Рома займет эту возникшую паузу. Но он молчал.

– Мне... Я... Я чувствую себя виноватой, Ром, – я снова замялась. – Перед тобой. Ты вот сидишь сейчас, выслушиваешь мое нытье, хотя тебе что, больше заняться нечем... сидишь, объясняешь мне элементарные вещи, которые и так по жизни должны быть очевидны и уж тем более вероятны. Перед господином Патаниным... Этот человек... вообще не знаю, как с ним разговаривать в последнее время. Ведь я лажаю. Я так лажаю, Ром. И не ему хуже делаю, а себе, а он еще объясняет мне, как быть, как вести себя и как реагировать при общении на людей... Это же жест, Ром. Мне, если честно, очень стыдно порой ему звонить, когда в очередной раз случается какой-то косяк... встреча не состоялась или опаздываю когда, но больше всего бесит, когда приглашение не получается. Вроде все правильно делаю, насколько понимаю, конечно; вроде и с тобой на связи, и Янину отзваниваюсь... Кстати, Ром, может, я чего-то не понимаю, но он все время рассказывает мне о том, чем он, простите, занимается. Я в нормальном смысле! – мы одновременно захихикали.

– Просто, мне кажется, это не совсем в моей компетенции – знать, что он ел на завтрак и как выбирал носки...

Ромка хихикнул еще раз и замотал головой: «Янин...»

– Вот... но раз не получается, раз результата нет, значит, где-то я не то делаю, где-то не понимаю и косячу! Но я не могу понять – где, Ром!

Он не спешил отвечать. К тому же это не было вопросом.

– Я завалила во вторник два приглашения, ну, ты знаешь, о ком я говорю... и опять же как так?! Я вроде сделала все, но где я облажалась, черт возьми? Я не понимаю! Почему они, как медузы, по два часа лили в уши мне какую-то туфту, а к делу я так их и не вывела?!

Мне со стыда сгореть хотелось, когда я эксперту звонила. Так и подмывало сказать (я заведомо исковеркала голос): «Добрый день, г-н Патанин. Звонит вам главный лузер вашей структуры. Что? Вы спрашиваете, как настроение? Да, хочется самоубиться. Да, да... Нет, ничего не случилось, просто в очередной раз я не смогла сделать элементарных вещей. Вы вот объясняете, объясняете мне и на собраниях, и при персональных беседах, и по телефону, как и что к чему, а я сру, причем сру на ровном месте. В буквальном смысле. А в целом настрой очень позитивный... ага».

Ромка захохотал во весь голос.

– А мне не смешно, Ром! – я опять уставилась в несуществующее пространство. – Я себя таким дерьмом чувствую...

– Хватит, Лер. Много как-то коричневого вещества в разговоре, – он осек меня так же резко, как сменил настрой с беспечной веселости на собранность и серьезность. – Слишком много сил и мыслей ты тратишь на обдумывание, в чьих глазах ты не оправдала надежды. Это

сугубо их проблемы – не надо было надеяться, если уж так разобраться. Важно, чтоб ты для себя понимала, куда и зачем ты двигаешься. Тогда все остальное – просто мелкая шушера. Она не сойдет.

Теперь я немного отстранилась и непроизвольно сжала губы, потому что впервые за последние недели увидела в нем подобный напор.

– И давай оставь весь этот бред о том, что ты меня напрягаешь, хорошо? Моя прямая задача – научить тебя зарабатывать здесь. Сделать из тебя рабочий шпунтик в этом большом механизме, ты понимаешь меня? Балласта здесь и так предостаточно... – он осекся. – Но не об этом сейчас.

Я не была идиоткой. Я видела, что точно так же люди, которых мне выделяли в фойе, работая в выходные, совсем не пересчитывали свои компенсации в понедельник, не довольствуясь только тем, что двое сорвались. Но это было где-то там... за ширмой под названием О. О., а я туда еще не заглянула.

– Я говорил, что квалифицирую тебя, значит, квалифицирую, – продолжал тем временем Ромка. – И никуда ты уже не денешься, ясно?!

– Ром, блин, но ты же не мой ответственный, тебе своей структурой заниматься надо... просто с Яниным у меня как-то не идет контакт. Вернее, контакт-то есть, но как-то не по бизнесу.

– Да какая разница! Я тебе показал этот бизнес, и я покажу тебе все, что знаю о нем сам, раз Янин такой долбоеб...

Я невольно отдернулась. Таких лестных слов в адрес своего ответственного организатора я еще не слышала, хотя для Ромки он уже бывший, может, в таком случае уже можно...

– Надо будет – по двадцать раз буду объяснять одно и то же, до тех пор, пока до тебя не дойдет! Меня-то вон до сих пор собрание торкает, и каждый раз на разных моментах, хотя, казалось бы, какой раз уже слушаю, – не унимался он. – И господин Патанин, думаю, меня поддержит в данном вопросе. На пару с ним будем тебе в голову вбивать. Ты, главное, действуй и темп не сбавляй, а все эти тараканы по поводу стыдно тебе и неловко – это нормально. Поначалу у всех такое. И похлеще бывает. Ты пойми просто, некогда стыдиться – надо действовать. Поэтому соберись сейчас, и давай на этих выходных сделаем все красиво.

Я охотно закивала, почувствовав явное прояснение в голове – антициклон соплей начал сменяться циклоном здравого мышления, временами с прояснениями. Надолго ли?

– Ты конверты оформила?

Я закопошилась в листах ежедневника, затем в сумке и в завершение растерянно подняла глаза, судорожно прокручивая в голове, где же можно их сейчас раздобыть.

– У меня они есть, не паникуй.

Меня аж отпустило. Вот я ворона, блин. Где только моя голова иногда бывает?..

– Ты ешь что-нибудь?

Я вновь зависла – к чему он это спросил?

– А... я не помню...

– На вот, ешь, для мозгов, говорят, полезно, – он вытащил из дипломата большой «Сникерс» и положил его передо мной рядом с двумя конвертами. Я немного замешкалась и бросила его в сумку. А я ведь и вправду не помню, когда в последний раз ела.

– Пойдем, собрание сейчас начнется.

– Я на первых неделях тоже ничего не ел – не мог, – уже в лифте пояснил он. – Главное, чтоб голова работоспособность не теряла, а так ничего страшного.

Как он узнал? Я и сама-то упустила этот момент из внимания – не до того как-то было...

– На тебе штаны висят, – усмехнулся он, будто прочитав мои мысли. – А тебе худеть не надо.

* * *

– Что ж, поздравляю, госпожа Батунина. Хорошо поработали, но не время расслабляться, – в очередной раз пожимал мне руку за столом персональных переговоров мой эксперт. – А говорили, что приглашать некого... подруга же?

– Подруга, – подтвердила я, усаживаясь напротив и наблюдая, как он выискивает чистые листы в раскрытой кожаной папке. Я вообще давно заметила привычку господина Патанина делать несколько дел одновременно.

– Смотрите, сейчас главное – организовать на пакет документов. Не надо сразу – небольшими частями. Она флорист?

– Да, оформитель в основном.

– Так вот, наверняка у нее найдутся друзья-коллеги такие же флористы, у которых можно перехватить тысяч по десять на пару недель. Ну, конечно...

– Ну, да, я думаю...

– Сейчас сразу в машину – в фойе не задерживайтесь. В машине составьте список, к кому можно обратиться, и сразу же выезжайте. С транспортом договорились уже?

– Да, конечно. Бухарский с нами поедет.

– Хорошо. В машине – поактивнее, о жизни с ней, настройте, поддержите – вы все сами знаете и умеете, – он улыбался, активно перемещая кистями по поверхности стола.

Он всегда так делал. Меня это забавляло, если честно. Вообще всегда, когда мы общались тет-а-тет, все принимало какие-то другие краски и казалось элементарным.

На то он и эксперт, наверное...

– Времени я дал вам до двадцати двух – вполне достаточно, но мы в любом случае на связи, как бы ситуация ни складывалась. – Все, госпожа Батунина, действуйте! – добавил он, поднимаясь. – И в 20:30 предварительно жду от вас отзвона по ситуации. – Договорились?

Он открыл мне двери, отделявшие зал от фойе, пропуская вперед. Я успела обернуться и схватить взглядом исчезающий силуэт. «Как же все быстро-то, господи...»

* * *

Ульянка стояла на парковке с Яниным и Бухарским, когда я вышла. Вид у нее был потерянный. Еще бы... Она вообще боялась перемен как таковых, а тут еще такие и в какие сроки! Но я пошла ва-банк. Терять мне уже было некого...

* * *

С Ульянкой мы были знакомы с учебы. Она была каким-то неземным человеком: вечно где-то в своих мыслях, вечно где-то витала, за раз могла делать по несколько дел и ни одно не довести до ума. Она всегда громко смеялась, постоянно что-то ковыряла руками, все время была на панике и любила есть на ходу. В целом полные противоположности. Этим-то мы, наверное, и сошлись. Многие искренне удивлялись, как мы общаемся? Но мы общались. И совместные занятия идиотизмом переросли в процессе во что-то более крепкое, продолжительное и совершенно необъяснимое. Иногда она раздражала своей суетой, иногда просто выбешивала несобранностью и манерой переспрашивать о том, о чем совсем недавно шла речь, причем во всех подробностях. Иногда она просто вводила меня в ярость, когда впадала в состояние полного отсутствия своего присутствия, особенно в те моменты, когда нужно было соображать быстро и четко. Но все это отходило на второй план, потому что во всем этом она была насто-

ящей. И после очередного приступа бешенства в ее сторону через несколько минут оставалось лишь умиление: ну вот такая она! Этим и ценна! И цены ей не было за то, что она не умела играть, не умела лукавить, была чем-то чистым, даже наивным, и всегда говорила «не подумавши», пусть порой и ляпала абсолютно не в тему. И сейчас она сидела рядом со мной в темном салоне «Шевроле» и копошилась в своем телефоне. Янин что-то балаболит с пассажирского сиденья, постоянно оборачиваясь в нашу сторону. Мне безумно хотелось остановить этот поток нескончаемых слов, непонятно кому адресованных, слава богу, хоть Бухарский время от времени отвлекал его внимание на себя.

* * *

Она никогда не гналась за деньгами, наоборот, поразительно умела жить по средствам. Лишний раз зайти в кафешку – зачем? Проще булочку по дороге перехватить. Где-то выискивала дешевые шмотки, постоянно экономила и на что-то копила. А сейчас она искала способ их раздобыть. Я наблюдала за ней боковым зрением, и, если честно, мне нечего было ей больше сказать. Все, что можно было, мы уже обсудили и в течение дня, и после, в ожидании персоналки. Сейчас был момент принятия ее решения. Не за столом у эксперта, а именно сейчас: либо она со мной и организация суммы – лишь технические маневры, либо она засомневается хоть на секунду – и у меня не остается больше людей в окружении, кого я могу назвать «другом». Неплохая, однако, зачистка за какие-то три недели...

Она сделала пару звонков и назвала адрес. Ехать пришлось в область.

По дороге мы почти не разговаривали. Ее напряжение висело натянутым облаком. Даже Янин на время притих.

«Решай, Ульяна. Решай... Нам обеим это нужно, но решать придется тебе!»

* * *

На обратном пути силы окончательно меня покинули. Безвольным телом я моталась по заднему сидению, ощущая на себе все прелести за МКАДных трасс.

Когда все высадились по пути на заправке, я без свидетелей сделала звонок г-н Патанину. Он ждал. Время было хорошо за одиннадцать.

* * *

Жизнь порой – очень непредсказуемая штука. Рулетка, азартная игра – называй, как больше нравится. Только кто-то очень часто заблуждается в своем месте в этой игре, считая себя игроком. Практика же показывает, что человек – просто фигурка, она – это поле, а кости бросает уже совершенно кто-то иной...

В этот раз кости выдали пару.

И с того дня я все реже называла Ульянку другом и все чаще партнером – госпожой Щавелевой. Не подвела она все же с решением.

И моя радость была бы неполной, если б не сразу – и полный пакет.

Как? Откуда она взяла вторую часть суммы, она даже не распространялась.

– Я просто поняла, что надо, – объясняла она. – И нашла способы...

* * *

“Традиция” не была бурной. Прокатавшись до полуночи, мы были в состоянии лишь доехать до ближайшей узбекской харчевни и просто перекусить.

Полтора часа я цедила бокал вина – в меня опять ничего не лезло.

* * *

Наутро я не спешила звонить ей – я находила некоторую неловкость, что ли, спрашивать ее нарочито бодрым голосом, как дела и настроение, в десять утра, зная прекрасно, что раньше двенадцати она не встает. Есть все-таки какие-то привычки и особенности в общении близких людей, нарушать которые по меньшей мере глупо. Именно поэтому вы и близкие, потому что знаете друг о друге нечто большее, чем кто бы то ни был, и что не нужно каждый раз объяснять и давать инструкции в тех или иных ситуациях – порой просто взгляда достаточно.

Это что-то всегда очень хрупко в отношениях людей и особенно ценно. И когда эти тонкие ниточки вдруг начинают рваться под напором общепринятых наставлений, это-то как раз и порождает недоверие. Одно то, что я стала употреблять к ее фамилии слово «госпожа», уже неслабо коробило ее слух. Чего уж говорить об остальном...

– Как ты? – спросила я, когда наконец набрала ее номер, получив предварительно порцию наставлений от господина эксперта.

– Да хрен его знает... нормально.

В ее голосе читалась смесь иронии, негодования и потерянности.

«Интересно, у меня такой же был?»

– У нас собрание сегодня в шесть вечера, ты помнишь? И надо при параде быть.

– Да, я знаю, мне г-н Янин звонил. Блин, опять брюки, да?

– Да, Ульянов! Но должна же быть хоть ложка дегтя... – я старалась как-то свести разговор к иронии, к тем ноткам, с которыми мы всегда общались, но почему-то какая-то необъяснимая тревога сидела внутри меня в тот момент.

– А во сколько тебе Янин звонил?

Странное вообще дело – со мной он так и не связывался. Хотя я, по идее, должна ему звонить, но все же... Обычно он с утра по три раза напедаливает.

– В девять где-то...

«Нормально он исполняет...»

– Ты хоть выспалась, он тебя разбудил, наверное? Вчера непростой день был. Да и разъехались мы не рано.

– Да я не спала почти...

– А что такое?

– Ну, вот так... думала о разном...

– Блин, Ульянов! Хорош!

«Что он там ей наговорил, мать его, Янин?!»

– Чего ты там думаешь?! Все ж хорошо! Мне тоже поначалу стремно было, но все проходит. Это просто перед чем-то новым всегда так. Вспомни, как мы перед дипломом стремились, конец света был, не меньше, но ничего, выжили же!

«Что это еще за хрень такая?! Чего она там думает?! Да, спонтанно, да, резко все произошло, но иногда такие ситуации в жизни очень необходимы, чтоб встряхнуться и оглядеться по сторонам: кто ты, что ты и что вообще происходит вокруг. И все самое радикальное всегда происходит незапланированно – это уже закон жизни, по моим наблюдениям. И что бы она там

себе ни надумала, все нормально будет. Сегодня думает – завтра передумает. Прорвемся! Это не самое страшное, что может быть в жизни! Потом еще спасибо скажет!»

– Это да, – усмехнулась она в ответ, – но там с баблом как-то связано не было.

– Успокойся, слушай! – я так и знала, что к этому сведется. – Не беги вперед паровоза! Не в бабле здесь дело! Совсем не в бабле!

– Ты где брала?

Я осеклась.

– Как и ты... у меня не было такой суммы.

– Отдала уже?

«Понеслась...»

– Слушай, давай не сейчас. И не по телефону, – я старалась держать интонацию как можно мягче. – Перед собранием все равно же увидимся, можем пораньше встретиться, если хочешь.

Меня бесила эта тема о деньгах. И причем не о миллионах, кстати. Такая сумма должна быть в свободном распоряжении, если мы хотим жить хотя бы на треть от того, как мы хотим. Или у кого-то настоящие желания заканчиваются выкладыванием скачанных из интернета фоток в альбом соцсетей под названием «хочу». А сколько это все стоит и что нужно сделать, чтоб приблизиться ко всему этому, на это ХОЧУ уже не распространяется. Тогда пускайте слюни (только осторожно, не забрызгайте монитор – он ведь тоже денег стоит) и ни о чем не зарекайтесь, если на первой же финансовой сложности вы открываете всю свою жалкость.

В такие моменты я вспоминаю одну из наших немногочисленных с Ромкой встреч. День моего приглашения, теперь уже можно четко сказать. Мы встречались в ресторане на десятом этаже дорогого отеля в центре Москвы – прямо напротив Красной площади. Он тогда задерживался из-за какой-то деловой встречи, и мне пришлось его подождать некоторое время. Я заняла небольшой столик возле витражного окна с видом на Кремль и утонула в мягком кожаном кресле. Девушка-хостес приветливо улыбнулась и предложила мне меню. Я прочитала его как книгу о здоровой и полезной пище с аналогичными ценами. Если быть честной, на меня произвело впечатление, как чай может стоить за тысячу рублей. Из чего этот чай, простите? Про другие блюда я вообще молчу...

Но, с другой стороны, раз эти блюда существуют, раз есть такие цены и подобные рестораны, значит, есть и те, кто пользуется всем этим. Ежедневно, ежечасно и не видя в этом ничего особенного...

Я огляделась по сторонам. Внутри не было много народу. И немногочисленные столики занимали в основном иностранцы и деловые мужчины средних лет. Они пили кофе, шуршали газетами и вальяжно потягивали толстые сигареты. Нет, не с напыщенным пижонством, как это любят изображать якобы «звезды олимпа сего», и совершенно без намека на вульгарность. В жестах и поведении этих людей читалось одно – уверенность. Ни толики нервозности, ни намека на привлечение к себе внимания – просто спокойствие и уверенность. Я наблюдала и невольно любовалась ими. Каждый их жест был для меня чем-то вроде откровения. Как они стряхивали пепел, как ставили чашки на стол и передавали салфетки. Как просили счет у официантки и смеялись над чьими-то шутками.

«Достоинство, – пронеслось у меня в голове. – Достоинство и вежливость. И прежде всего к самому себе». Ведь человек, у которого все организовано внутри, никогда не позволит себе проявление примитивности снаружи.

Мне безумно было интересно, о чем они говорят, что обсуждают, какие интересы занимают головы этих людей, какие сложности и вопросы они ежедневно решают и чему радуются, о чем мечтают (хотя о чем уж можно в их положении мечтать?). Но еще больше мне хотелось узнать, как они такими стали. Ведь за каждым стоит своя отдельная история – у кого-то длин-

ная, у кого-то короче. Но, так или иначе, история каждого привела их на сегодняшний день такими и привела их сюда. И меня, кстати, тоже...

– Привет! – вернуло меня в действительность внезапное Ромкино появление. – Прости, что задержался.

– Да все в порядке, – я улыбнулась в ответ.

Он выглядел очень сдержанным, приветливым и необычайно галантным. Или это просто моя слабость к воротникам-стойкам дала о себе знать...

Тогда-то я и отдала ему рукописный листок А4 со своими скромными данными.

– Пиши все, чем умеешь заниматься, а там уж люди грамотные, разберутся, – резюмировал он на мой вопрос, насколько уместны в резюме для компании будут те или иные мои способности.

– Умение вязать макраме тоже учитывается?

– Пиши, – усмехнулся он. А потом добавил: – Я не отдел кадров, поэтому заведомо не могу сказать, по каким критериям они отбирают. Я передам, а там уж как пойдет. Если что-то сложится, я тебе в любом случае наберу, – он сложил листок пополам и убрал в портфель. – Глядишь, коллегами будем.

Все возможно. В конце концов, за спрос денег не берут...

Но на этот раз взяли – триста рублей на проверку входных документов.

А потом мы пили чай. Тот самый, за ту самую стоимость. К нему еще прилагалось варенье. Вишневое. Я до сих пор помню его вкус...

* * *

Ваше решение добиться успеха важнее любых других решений.

А. Линкольн

В зале было прохладно и шумно. Даже сквозь играющую музыку прорывались разговоры близидящих партнеров, их смех. Нас всех вместе направили на первый ряд бокового сектора. Я выбрала место между Ульяновкой и Ромкой. Щавелева безэмоционально оглядывалась по сторонам, мне не хотелось ей больше что-либо объяснять и хоть чем-то занимать ее уши – музыка ведь и для этого играет тоже.

– Надо поговорить, – шепнула я, подавшись к Ромке.

Я стала замечать в последнее время, что буквально нуждалась в этом человеке. Мне казалось, что он – та ниточка, которая держит меня в самые натянутые моменты. А моментов таких становилось все больше – бардак в голове усиливался. Он зацепил мой взгляд глазами и неуловимо кивнул: «Я понял».

Я кивнула в ответ и уставилась на экран проектора со стола ведущего, боковым зрением наблюдая, как Ульяновкиными ушами к этому моменту уже усиленно занялся Янин.

Вот и славно. Им есть что обсудить. Контакт с ответственным очень важен, хотя об этом чуть позже...

Ромка пихнул меня локтем в бок и мимикой показал улыбнуться. Не отреагировать не получилось.

...таких людей также не надо приглашать к нам в команду.

Но постойте, скажете вы. Этих – не хотят, этих – не хотят, этих тоже не хотят. Кого же тогда хотят?

– НАС!!!!

– Вас?! С вами мы и так видимся практически каждый день. Конечно, таких же позитивных, жизнерадостных людей, как вы, господа!!!

Шквал аплодисментов, крики и улюлюканье вновь взорвали пространство.

Зал сегодня бесновался. Мощная волна позитива аккумулировалась от каждой маленькой искорки, так профессионально выброшенной со сцены. Ироничные сравнения, подтрунивания, анекдоты, которые уже прочно въелись кому-то в сознание, производили все тот же эффект – эффект живого общения. Тематического только.

Прямо-таки stand-up бизнес-планирования – комедийные инструкции по заработку. Еже-недельно в нашем эфире. Я думаю, перекрыло бы рейтинги ТНТ.

Сколько же нужно пройти ситуаций, чтоб так легко играть вниманием нескольких сотен людей? Не нудить, не рассказывать, не грузить заумными речами, а именно захватывать их внимание и играть. Как в мяч: он кидает, они подхватывают...

Кидает – подхватывают... кидает – подхватывают...

Все правильно. Чуть зазеваешься – и выбываешь.

Держи волну, как говорится, и будь начеку. Вылетишь – никто особо и не заметит. Ведь всегда на твое место найдется другой. Может, более везучий и опытный, может, менее...

Партия будет продолжаться в любом случае. Изменится лишь ее накал и интенсивность разве что, да и то ненадолго.

Игры... все эти игры.

Люди любят играть. Люди ищут игры как самое большое развлечение. Кто попроще, кто поазартнее – все зависит от собственной искушенности и степени риска. В любом случае есть те, кто играет, и те, кто играется.

Но здесь же... О, здесь, пожалуй, предстоит одна из величайших игр во вселенной. Это будет поинтереснее любых компьютерных стрельбок, настольных стратегий и букмекерских ставок. Здесь играют настоящими жизнями... чужими, своими... как в мяч: кидают, чеканят, подкидывают, роняют непреднамеренно и нарочно и берут новый, когда прежний по какой-то причине сдувается.

Это поистине величайшая игра. Оценить ее и по-настоящему увлечься – дорогого стоит, не говоря уже о раскладах и ставках, которые можно в ней провернуть. Здесь уж – насколько хватает смелости...

Именно поэтому, наверное, региональный директор особенно любит пятничные розыгрыши именно с мячом. Символично, по-моему...

* * *

...Приглашение начинается с интриги.

Что такое интрига? Это интерес. Не надо никаких уговоров: ну пойдем со мной зарабатывать деньги, ну пойдем со мной, тебе же надо, ты же сам говорил!

Нужно просто заинтересовать ваших друзей и знакомых. А чем это можно сделать?..

Чем интересна жизнь того или иного? Чем можно отвлечь заикленность человека на самом себе и переключить ее на что-то иное? Каждый день мы начинаем с того, что из кожи вон лезем, чтоб быть заметными. И с каждым днем все изошреннее.

У меньшей части это хоть как-то получается. Большая же...

Насколько ярко нужно гореть, чтоб мотыльки сами летели на твой свет?

...и человек придет с готовым решением что-то в своей жизни поменять. Поэтому наметьте на вторник пять-шесть встреч. Пообщайтесь со своими друзьями. И в пятницу на собрание вам нужно будет кое-что еще с собою прихватить...

На тлеющий уголек не стремятся даже мухи. От него разве что прикурить можно, и то через раз. Но угли, говорят, имеют свойство тлеть и иногда разгораются. Надо бы разгораться. Пора бы уже, я так думаю...

...это не рамочка – это конверт! Помню, один из партнеров приносит в пятницу конверты, и все обведены в черную рамочку. Всех заказал: и себя, и гостей, и эксперта туда же...

Эксперт...

Это полулюди-полубоги, что ли, как мне показалось. Вышколенные, подтянутые, с отточенными манерами, природной грацией и улыбкой без тени идиотизма. Если разговоры, то четкие, без лишней воды. Если жесты, то с посылом, сжатые и с долей небрежности. Если юмор, то тонкий, детальный и обязательно к месту. Если взгляд, то нацеленный, острый и говорящий куда более, чем могут озвучить слова.

Не знаешь “Что” – спроси меня “Как”, – бегущая строка на лбу каждого из них.

Не агитирующая, не призывающая, а просто констатирующая факт. И хочется спрашивать, знаете, хочется. Хочется смотреть, изучать, цеплять их внимание и понять, где же такими становятся, если все-таки не рождаются.

Именно с такими мужчинами хочется быть рядом по жизни (господи, о чем я думаю!) и на таких женщин быть похожей...

Я невольно пробежалась глазами по залу в поиске этих людей. Они сидели на крайних местах через ряды – слишком уж яркие, чтоб слиться с массой. Они как выдрессированные овчарки, пасущие стадо, – слишком умные, чтоб отвлекать внимание от пастуха, и слишком преданные, чтоб расслабляться. Простите мне это сравнение, я – лишь взгляд изнутри все того же стада, которое сложно, но все-таки можно направлять для его же блага, как получается.

* * *

Он был где-то там – в последних рядах. Он всегда находился в конце, насколько я замечала, и никогда не ходил по залу при подписании уведомлений. Он носил классические Rado и каждый раз новые туфли. Он постоянно заставлял меня врасплох входящими вызовами, и я вечно подрывалась на них как ошпаренная. Даже по телефону я разговаривала с этим человеком стоя, в перманентном страхе ляпнуть что-то несуразное. Он...

...он стремительно влетел, глядя на часы, одновременно громко говоря по мобильнику. Кивком поприветствовал, кинул телефон на пустой стол рядом с папкой и, оглядев нас слева направо, сокрушительно произнес: «Добрый вечер, дамы и господа! Добрый вечер, дорогие партнеры!»

С первого ряда меня будто накрыло волной его мощнейшей энергетики, что я даже дико затупила, не зааплодировав вместе со всеми на этот знак приветствия и как следствие того, что собрание можно считать открытым. Через минуту хлопки стихли, мои, кстати, тоже, но впечатление не отпускало. Его слова и обильная жестикуляция доносились будто сквозь вакуум. Я наконец смогла рассмотреть его так близко.

Наш руководитель, наш эксперт Игорь Викторович Патанин был обаятельным сероглазым двадцатичетырехлетним молодым человеком с субтильным телосложением и улыбкой кинозвезды, прожигающей жизнь в ночных клубах. Его немного портили дерганные движения и синяки под глазами, что наводило на мысли о злоупотреблении стимуляторами или же просто элементарном недосыпе. Впрочем, это не имело значения на общем фоне впечатления. Он завораживал. Он восхищал. Так, что иногда боязно было смотреть ему в глаза, дабы не словить окончательный гипноз и не лишиться рассудка. При этом не упуская ни единой возможности рассмотреть его более детально в тот момент, когда он в полуобороте к доске расчерчивал схему.

Таким было мое первое знакомство с экспертом уже в рамках компании – таким было мое первое собрание среды...

* * *

...Почти такими же были и все последующие. Когда страх, волнение и восхищение волнами сменяли друг друга на протяжении пары часов. За это время хотелось удавиться, чувствуя свою абсолютную никчемность, попросить у всего мира прощения за неделанное и содеянное одновременно и вновь воскреснуть, чтоб уже с откорректированным пониманием и полной уверенностью в своих силах изменить все вокруг. И, возвращаясь домой далеко за полночь в пустом холодном вагоне метрополитена, когда дымящийся от переосмысления мозг жалобно молит о пощаде, в такт покачиванию вагона ты медленно погружаешься в кутающую усталость, легкие отголоски голода и преданную благодарность этому человеку. Даже если в очередной раз про тебя забыли перед персональными собеседованиями, даже когда на твои звонки не берут трубку в часы заявки и подтверждения и даже когда тебе так необходимо грамотное напутствие в вопросе той или иной кандидатуры по бизнес-плану именно этого человека, а тебя мягко и доходчиво посылают в режим «на связи». Все потому, что у него просто нет времени обсуждать и выслушивать те или иные подробности, и тебе приходится импровизировать буквально на ходу. Не всегда успешно, к сожалению...

В общем, он был неплохим экспертом, гораздо лучше многих. Скажу больше, нам, его партнерам, завидовала половина компании.

Патанин руководил структурой уже два года, насколько мне становилось известно, и все вроде шло хорошо. Даже отлично. Просто последнее время было его не самым лучшим, если так можно выразиться... Так говорили. В общем, такое время когда-то наступало для любого эксперта. Но об этом попозже.

* * *

На данный момент я ничего этого не знала и не понимала, а видела лишь энергичного молодого парня, с каждым мгновением становившегося все симпатичнее и притягательнее, рассказывающего мне о моих новых возможностях, об удаче попадания в эту компанию и о том, что все теперь будет иначе. Руководителя, который был ненамного старше меня, а это уже что-то значило. Многие, по статистике жизни, принимают на себя и добиваются подобных должностей, разменяв как минимум четвертый десяток, а тут он, и ничем не хуже, смею заметить. Мосей начальнице многому бы у него поучиться, глядишь, развила бы наконец свою сеть вместо внутренних бабских междоусобиц. Про материальную составляющую я вообще предпочту смолчать...

Просто передвигаться на автомобиле с личным водителем до собственного загородного дома в том возрасте, когда большинство только мечтает о пижонских замашках и матовом Porsche Cayenne, будучи при этом парнем из семьи военного и учительницы откуда-то с Урала, лично меня заставляло задуматься... Как?!!!! Только здесь? Только в этом бизнесе?

«Ведь если смог один, то сможет и другой», – так он всегда говорил на собраниях. И ему можно было поверить. Ему хотелось верить. И ему верили. Я верила.

Знаете, верю, наверное, до сих пор.

...в таком доме всегда было, есть и будет много ЕВРО!!!!!!

Пора.

* * *

Вторник неспешно вошел в мою жизнь, плавно открыв мне веки. Моросил мелкий дождь. Он уныло барабанил по окнам, так и подбивая натянуть одеяло на голову и проваляться как минимум до обеда. Еще бы кого-нибудь большого и теплого под бок, такого своего и родного, и непременно спящего, крепко прижимая тебя к себе. И запах, еще обязательно запах готовящегося кофе и поджаренных тостов откуда-то с кухни. А, да... и музыка, романтично-расслабляющая с тонкими нотками пробуждения, незаметно нарастающими на заднем фоне.

Камера наводит крупный план, и я улыбаюсь от нежного поцелуя в нос, так и не открывая глаза, и просыпаюсь обязательно уже накрашенной. Да. А потом непременно умиляющая возня под одеялом, битва подушками и нежное занятие любовью...

«Нет! Нет! Стоп!!! Ну дайте же досмотреть, изверги! Ну что за несправедливость!!!» – надрывающий телефон бесцеремонно выдернул меня из полусознанного сновидения, оставленный, как нарочно, вчера у самого уха.

«Ну кто же там... кому уже что-то нужно... черт?!»

Не открывая глаз, я нащупала трубку на прикроватном стуле, умело заменяющем тумбу, и не глядя приложила к уху, недовольно промычав: «Але...».

– Да! Да, господин Патанин! Нееееееет! Что вы! Не сплю, конечно! Да, нет... просто с горлом что-то... ну что вы, ерунда! Я не болею! У меня цель есть, мне некогда болеть!

За секунды этого разговора я приняла вертикальное положение, испытывая полное отсутствие сонливости и в очередной раз осознание собственного идиотизма.

«Господи... ведь даже мелодию специальную поставила на звонок эксперта, чтоб не попадать в подобный просак... а тут... что ж я за дурында-то, елки зеленые!»

– Да, конечно. Планы намечены. Вечером две. По бизнес-плану, конечно же. С Яниным обсуждали. Да, уже созванивались, конечно. Разумеется. Будем планировать еще. Да, да, понимаю. Да. Да. Да. На связи...

«Вот и поговорили...»

С бодрым утром, госпожа Батунина! Не расслабляемся! Бизнес не ждет!!!

Исключительно с «позитивным» настроением я поплелась в ванную, стараясь не смотреть на свое отражение.

Контрастный душ, чашка дежурного кофе и качественное музыкальное оформление все же делают свое дело. А потом понеслись звонки. Нужные и не очень.

Две из трех запланированных встреч на сегодня срываются по причине болезни – лени – пробок – переезда бабушки – задержки на работе – поноса – золотухи – и прочей ботвы в виде отмазок. С работы сообщили радостную весть, что с уходом Алки в декрет со следующей недели основные ночные смены теперь на мне и обсуждению это подлежит исключительно через факт заявления по собственному желанию. Да, да, все очень здорово складывается, основные – это пятницы, субботы и воскресенья, с девяти вечера до девяти утра. Блеск!

* * *

Ромка набрал. Предупредил, что задержится, на мое приглашение, которое мы запланировали сделать вместе, вернее, это была больше его инициатива, так как контакт у меня был холодный и он очень хотел поддержать меня в этом процессе. Я же обрадовала его только тем, что этот человек уже не встретится со мной сегодня, так что он может быть совершенно спокоен и абсолютно никуда не рваться. Надеюсь, его дела сегодня сложатся в разы успешнее моих.

* * *

Четвертый звонок поднимать не хотелось вообще.

Звонил Сеня – тот самый страждущий прошлой недели, с предложением увидеться.

– Зачем? – искренне спросила я.

– Почему ты не сказала мне, что Ритка тоже там была? – последовало вместо ответа. – Теперь я понимаю, почему она отмалчивалась при вопросах о тебе.

– Что тебе нужно, Сень? – у меня не было ни малейшего желания в очередной раз раскусывать те или иные моменты с людьми, которые пытаются прикрыть кучку того самого коричневого, так безвольно обделавшись перед лицом правды и собственной значимости в ней. Не хотелось даже думать об этом, не то чтобы говорить.

– Почему ты не сказала мне про Ритку? – не унимался он.

– Не сочла нужным. Еще вопросы есть?

– Ах так!

– Да, так!

– Да ты... ты... ты, кроме бабла, теперь ни о чем не думаешь, да? Ввалила ее на деньги, а ей не просто сейчас. Ты ведь все знала. Зачем втягивала? Она со своим разошлась. У нее долгов теперь по горло... и нафига вообще? Зачем ты это сделала?!

– Ты за нее переживаешь очень, потому звонишь? Со своими хвостами уже разобрался или опять шефу в ножки поклонялся – он отвалил?

Голос в трубке превратился в ор:

– Да тебя зазомбировали! Точно! Это не ты!!! Я тебя такой не знал!!!

«Конечно, не знал. Удобно знать то, что тебе хочется. Удобно ныть на жизнь среди ночи в трубку, удобно скулить, что на любовном фронте голяк, удобно жаловаться на шефа, с которого соседешь как пиявка и вряд ли когда сможешь оторваться, пока самого ни вышвырнут за ненадобностью. А хотя бы раз задуматься, интересно ли мне все это, хочу ли говорить об этом и чем я сама озадачена в данный момент, – об этом мы не задумываемся. Зачем? Это ведь неудобно...»

– Я понимаю, ты денег захотела срубить, но друзей-то зачем туда втянешь?

– Друзей?! – искренне изумилась я. – Друзей? Был бы другом – призадумался бы хоть на минутку и попытался понять, почему я там и что мне там интересно. Хотя бы! Знаешь ведь меня... друг!

Секундная пауза его замешательства подтвердила все мои домыслы.

– Почитай, что на сайте пишут, – крикнул он мне вдогонку. Не отвечая, я скинула трубку.

«Сайт? Я и не знала, что у нас даже сайт есть»...

* * *

А он был. И был это не просто сайт – модное и актуальное ныне слово «форум»! Где молодые и не очень умы нашей с вами современности, скрыв истинные лица под псевдонимами и кислотными картинками, выражают свои мнения в письменной форме. Ах, как жаль, что эти мнения никому практически не интересны, за исключением их самих разве что и еще горстки подобных онанистов. Было бы кому интересно, выражали бы в других местах. Там, где спрашивают, как говорится.

Здесь же совсем другая история. Здесь те, кто не то чтобы находит, те, кто тратит свои жизни на подобную вонь ежедневно, ежечасно, ежесекундно. Им совершенно не важно, о чем говорить, им важен сам факт того, что они хоть где-то могут «подпортить воздух» и не получить за это промеж глаз, прямо не отходя от кассы. На таких людей не имеет смысла злиться – их

можно только по-человечески пожалеть. Ведь, кроме как сидеть с прыщавым от переизбытка нереализованной желчи в организме лицом перед заляпанным экраном монитора, порождать «умнейшие» мысли, подпитанные привезенным в пластиковых контейнерах фастфудом, тут же переводить его на сортир и, не отходя от кассы, клацать этими же пальцами по клавиатуре, позиционируя себя критиками мирового масштаба, им, в принципе, больше нечем себя занять. Они просто не знают, как можно еще самовыражаться. Но страшнее даже не это. Страшно то, что они больше не только ничего не умеют – они больше ничего и не хотят.

Любое окружение делится на тех, кто принимает и одобряет твою позицию, тех, кто олицетворяет полную ее противоположность, и тех, кому вообще ничего не надо, – они-то и есть самые злостные критики.

Только зависть к меньшинству, добившемуся, идущему или хотя бы просто ищущему свой способ успеха, – лучший путь для демагога, господ интернетчики. Завидуйте молча – не засоряйте эфир!

Печально осознать в такие моменты, какой ресурс пропадает на поддержание жизней подобных существ. Еще печальнее, когда кто-то изменяет свои взгляды, оперируя подобными источниками информации. В данной ситуации вопрос, почему люди не видят истинности происходящего, становится риторическим. Очевидным ответом кажется: они просто не хотят думать и просто полагаются на чужие слова. Со временем начинаешь понимать, что это еще просто удобнее.

Изначально в вопросе «за» или «против» люди легче примкнут ко второму. Найди «козла отпущения», в чьем лице ты можешь найти вину всему произошедшему, и ты не успеешь глазом моргнуть, как возле тебя нарисуются масса таких же недовольных. И каждый найдет в нем личную свою обиду. Дальше остается только чиркнуть спичкой. Так было, так будет, и это работает всегда.

* * *

И, сидя ночами в прокуренных кухнях, люди блеют на этих форумах об обмане, гипнозе и растратном доверии близких людей. Они сотрясают воздух в обвинениях и требуют справедливости и свободы, в глубине понимая, что ничего хорошего из нее не выйдет, – они просто никогда ее не имели и уж тем более не знают, что с ней делать. Единственное, что им действительно хочется, – это иметь чуть больше, чем у соседа (того самого, который охотно подванивает в окне их сообщений), и как можно глубже и дальше уйти от реальности, потому что не любят ее, потому что знают, что она грустна, но при этом очень желают, чтоб все выглядело так, будто до мечты рукой подать, не поэтому ли каждый принял, рассмотрел и ухватился за предоставленную возможность быстро заработать денег? Никого при этом не покорила мысль, нужно ли ему это действительно. Нет! Жажда быстрой наживы была настолько сильна, что все остальные аргументы стали лишь фоновым дополнением. Она заглушила тогда все вопросы. Отчего же их теперь-то так много?

И ни один из них не задан себе? Обманутые и оскорбленные...

Чмырили вас и будут чмырить. Не здесь, так в другом месте. Потому что вы любите быть зачмыренными. Это ваш осознанный выбор – собирать объедки с царского стола в перманентном страхе посягнуть на что-то большее. Поэтому сидите смиренно, ждите свой кусок и не воняйте!

* * *

Я была поражена всем прочитанным.

Я была поражена, и услышав свою фамилию в списке тех, кому необходимо задержаться после основной части собрания. Я готовилась к худшему, но, сопоставив себя с другими прозвучавшими именами, не могла спрогнозировать предстоящее. Мысль о том, что я нахожусь сейчас среди ведущих ответственных организаторов структуры и наисильнейших ее звеньев, заставляла приятно удивляться и одновременно настораживала.

Эффект скованности и смущения стал почти перманентным на следующий день, вечер, если быть точнее, пока я находилась в фойе очередного из отелей где-то на Ленинском и, притулившись к широкой мраморной колонне, озиравшись по сторонам. Жаль, пальмочки не было – я бы точно под нее спряталась... без зазрения совести.

* * *

Партнеры шумно приветствовали друг друга и разбивались по группкам. Я лишь кивала некоторым из них, кому-то пожимала руку и постоянно улыбалась. В такие минуты чувствуешь себя бельмом на черном фоне – броско, заметно и абсолютно несуразно. Еще обязательно начнут задираться юбка при ходьбе, чесаться между лопатками и гореть ноги, потому что в помещении все с отоплением в порядке, а я уже сдуру залезла в зимние полусапожки на меху.

К счастью, Ромка прибыл почти сразу, как мне захотелось испариться, и перехватил меня на середине планов «выйти подышать».

– Подмораживает на улице, – пахнул он на меня свежестью со входа и вцепился покрасневшей рукой в мою ладонь. Холод мурашками пробежался по спине до самого затылка. Я невольно вздрогнула. – Где здесь гардероб?

Я кивком указала направление и, увидев, как он растворяется в толпе партнеров, засеменила за ним.

«И кто меня дернул надеть эту узкую юбку?!»

Эксперты выходили, но ненадолго и, как мне показалось, не все. Чинно и технично пробороздив толпу собравшихся, с кем-то обменявшись дежурными улыбками и привычными фразами, про кого-то забыв, они удалились так же внезапно, как и появились.

Запуск начался спустя несколько минут.

* * *

Зал был шикарен. Круглые столы, сервированные по периметру, были расположены так, что с любой стороны и точки сцена полностью просматривалась. Свет не резал глаза своей яркостью, но и не мешал рассмотреть на огромном баннере позади сцены два слова, явно представляющих собой логотип, но не говорящих мне ни о чем совершенно. Эксперты встречали и рассаживали нас заходящими партиями. Нашей выпала честь оказаться практически на первой линии непосредственно перед сценой.

На столах томились легкие закуски и алкоголь.

«Давненько я не видела таких собраний! Видимо, информация подобным образом усваивается лучше...»

Я оглядела зал. Человек сто – сто двадцать... на мой взгляд.

И только тут меня осенило, что это все были исключительно ответственные организаторы. Исключительно! Кроме меня... Потому что я еще таковой не являлась! К моему стыду и разочарованию.

«Тогда почему я здесь?!»

Между лопатками снова зачесалось и разуться захотелось еще сильнее.

Я бы и разулась. Тихонько, под шумок, в полутемноте, под столом... хотя бы молнию расстегнула, чтоб не так сдавливали.

Но тут же оставила свои коварные замыслы и подскочила на месте, потому что на сцене появился тот самый человек, олицетворяющий последний этаж дома, мозг и локомотив всей компании – региональный директор.

Он взял в руки микрофон...

* * *

...Не создай себе идола, но людям свойственно поклоняться. Более того, им нужно поклоняться и восхищаться кем бы то или чем бы то ни было. Им это жизненно необходимо. Гораздо проще двигаться, видя на горизонте опорный пример, при условии, что ты действительно хочешь двигаться. Ты ищешь вариант зацепки для следующего шага, ты присматриваешься, приглядываешься, проверяешь на надежность, а потом цепляешь и изо всех сил стараешься тянуться к выбранной планке. Это как в альпинизме: прежде чем подняться на полшага вперед, спортсмен тщательно выбирает следующий выступ и только потом переносит на него основную опору. И счастливы те, у кого есть куда ее переносить.

С детства нас учат быть на кого-то похожим, брать с кого-то пример для подражания. На подсознательном уровне это родители, далее яркие сверстники в школе, более успешные коллеги на работе, отчаянно упертые – в спорте. Эти люди интересны нам уже тем, что наглядно показывают собственным примером результат всех своих стараний, а именно тот кратчайший протоптанный путь к светлому будущему. Тут еще наше воспаленное воображение не забудет автоматически дорисовать сопутствующие бонусы и привилегии конечного итога. Все исключительно в лоске и искрящемся блеске. Не поэтому ли нас так тянет оказаться на их месте?

Со временем таких людей становится все меньше, ведь рюкзачок по имени ЖОП (жизненный опыт) растет прямо пропорционально прожитому времени и однажды начинает чересчур сильно давить на затылок, заставляя применять недюжинные усилия, чтобы просто поднять голову. Но для тех, кто, так или иначе, находит в себе силы разблокировать шейные мышцы, такие люди встречаются. Один из таких стоял сейчас перед всеми нами.

О нем много ходило слухов по филиалу. Половину того, что доходило до меня, я делила на три части, остальное воспринимала. Да и то...

Что уж говорить, людям свойственно говорить. Что и о чем – дело десятое.

Я верила тому, что видела. Я видела человека, который всем своим существом олицетворял превосходство, каждым жестом демонстрировал способ и каждым своим появлением доводил меня до мурашек...

– Дамы и господа, я не просто так собрал вас всех сегодня, – как всегда небрежно и легко он начал диалог. – Собрал не всех, потому что не в количестве же дело, как вам известно... Вы понимаете, о чем я говорю. Дело в другом... Мы меняемся, мы растем, могу отметить, как поменялся тот или иной из вас, вы и сами в себе это отмечаете. И сегодня смею заметить, что благодаря нашим с вами стараниям, стремлениям и успехам мы вышли на совершенно новый уровень. Уровень, который автоматически подразумевает собой новые масштабы, новые горизонты и, соответственно, новое название. За последний год мы выпустили не одного предпринимателя, который с помощью нашего бизнеса смог организовать свое какое-то дело, найти себе партнеров, опять же в рамках нашей организации, заведомо будучи в них уверенным, стартовать и выйти на свой самостоятельный путь. Помимо этого, появились программы, которые позволяют еще в более ускоренном виде расти каждому из наших партнеров в своих направлениях, развивать уже существующий бизнес и создавать новый, переходить на более высокие обороты. Все это делается для вас, все это делается вместе с вами. И все ныне существующие программы, они – для вас и они благодаря вам! Потому что успех каждого из вас – это наш общий успех. Не было бы вас – и я не стоял бы здесь, на этой сцене. И сегодня, в этот вечер, я хотел бы представить вам новых Нас. Отныне мы не просто Некоммерческое партнер-

ство, отныне Мы с гордостью называемся *«Центр Содействия Развитию Бизнеса и Делового Общения НП Априори плюс»*. Я хочу, чтоб вы все сейчас наполнили бокалы и подняли их за это событие, за вас самих. Это ваш праздник, партнеры! Празднуйте!

Перелив звона бокалов заполнил зал. Поначалу скромный, аккуратный, в пределах занимаемого столика, он незаметно перетек во всеобъемлющий, когда партнеры перемещались по залу с единым настроением, с единым поводом и стремлением соприкоснуться бокалами. Громко играла музыка, кто-то пел, затем выступали девушки бразильского шоу, через минуту некоторые из партнеров танцевали в их линейке. Шум, чьи-то возгласы, улыбки, поздравления и удары о бокал откуда-то из-за плеча. Шампанское расплескивалось прямо на руки и просачивалось в рукава. Все мелькало и суеилось вокруг. Я не совсем понимала происходящее. Я терялась и смущалась, сталкиваясь взглядами с теми, к кому еще вчера в фойе боялась подойти без повода. Да и с поводом-то через раз...

А тут они пили со мной, дружелюбно похлопывали по плечу, кто-то поздравлял с квалификацией (которой не было!) и в целом вели себя как-то по-свойски, что ли...

Я, конечно же, улыбалась в ответ и всячески поддерживала общий настрой, но откровенно не знала, как себя вести.

Ситуация изменилась после третьего бокала, когда я в состоянии безграничного счастья выводила за галстук Ромку на танцпол. Что уж там играла за музыка, остается на совести звуковика, на моей же – узкая юбка, бесстыдно ползущая вверх при любом мало-мальски широком расставлении ног, и высокий каблук, постоянно цепляющийся за покрытие.

«Черт бы побрал эти ботинки!!!»

А потом холод морозной ночи и дорога в душном такси до дома. Душно, потому что эмоции гоняют кровь куда более эффективно аспириносодержащих. Вы когда-нибудь видели жизнерадостного гипотоника? Вот и я не припомню. Хотя у оптимизма есть свои побочные явления, но не об этом сейчас... чуть позже.

Сейчас я просто приспустила окошко и жадно вдыхала прорывающийся сквозь узкую щель воздух. Он обжигающе колко хлестал по лицу. Знать бы наперед, сколько всего еще колкого и обжигающего будет приятным... Знать бы...

* * *

Я не спала уже вторые сутки.

Организм как будто перешел в автономный режим и существовал по инерции, при этом не отягощаясь сонливостью и ватностью мышления. Просто как-то контрастнее воспринималось все окружающее: острее звуки, уже картинки, четче краски. Но это не являлось побочным действием какого-либо из допингов, как могло показаться, просто организму не хотелось отключаться. И все.

Более активная деятельность сменялась менее активной, чего в принципе было достаточно. В подобном режиме проходило без малого два месяца.

Я не могу сказать, чтоб это особо отражалось на общем физическом состоянии. Напротив, мозг работал как атомный реактор, выбрасывая в кровь все новые и новые идеи, рассчитывая и анализируя их. Иногда, правда, хотелось есть. Иногда. В основном же аппетита не было. Кофе и кусок чего-нибудь глюкозосодержащего зачастую являлись основной, а порой и единственной пищей за сутки. И не вследствие каких-то насильственных ограничений, а банально в отсутствие желания.

Но отключки порой все же случались. Неконтролируемые. На пару-тройку десятков минут. Где-нибудь по дороге в автомобиле с напрочь выжженным кислородом из-за качающегося кондиционера или во время особо увлекательного монолога утомительно постоянных клиентов.

Непонятным оставалось одно – на каких резервах я еще существовала.

* * *

С тех пор как мне выставили ночные смены, временной промежуток с пятницы по понедельник превратился для меня в единый монолит.

Передав журнал записей и прочую бумажную волокиту сменщице, я едва успевала доехать до дома, по дороге пожелав эксперту доброго утра, принять душ и выезжать за гостями. Порой не успевала и этого, если «ее величество сменщица Катерина» позволяла себе поспать именно в эту ночь несколько подольше и благополучно опоздать. В таком случае я летела на собрание прямо из салона и обязательно приспускала окно в машине, чтоб хоть немного выветрить преследовавший меня запах аромасел.

* * *

Иногда я отключалась с открытыми глазами. Бывало, даже прямо в зале рядом с гостем. Бывало, за столиком в кофейнике, обхватив чашку руками. Бывало, просто стоя в фойе. По-разному бывало... пока что-то рывком не возвращало меня в реальность. Иногда этим средством служил мой ежедневник, выпавший из рук, иногда чей-то резкий партнерский хук локтем под ребра.

Главное, что на результате это не отражалось – не отражалось ничем положительным.

За все эти месяцы я так и не открыла структуры.

* * *

Люди были, люди находились, люди обрывали мне телефон, и вторники никогда не оставались свободными днями. Мою костолобость не раз отмечали, поощряли и приводили в пример, но не это являлось моим мотиватором.

То, что стояло перед глазами с первого моего момента появления здесь, было куда веселее, плюс добавились еще несколько лиц, в чьих глазах я не могла позволить себе сложить лапки. Я не слабачка. И если смог один, я тоже смогу. Расшибусь, но смогу!

* * *

Никто не знал, что я работаю ночами. Я не говорила. Не хотела. Боялась.

Хотя понимала, что меня поставили в, мягко говоря, адские условия, а я не смогла даже повозмущаться за дверьми руководства в свое оправдание – просто приняла как должное и приспособилась.

Внутренний голос же все упорнее и упорнее с каждым разом требовал полюбить себя.

А я не любила. Ну не может человек любить себя, осознавая, что вынужден заниматься всякой бессмысленной беспросветной херней. А я продолжала заниматься, тратя на это большую часть своей жизни и с каждой минутой все больше сомневаясь в собственной адекватности. Все-таки не была я уверена, что Бог создал меня именно для того, чтоб я занималась продажей абонементов, клубных карт и выдачей ключиков на ресепшн.

* * *

Никто не знал. Никто бы и не заметил...

Меня лишь выдавали вечно холодные руки и одежда, которая со временем превращалась в бесформенные куски материи на моем весьма исхудавшем теле. Лишь Ульянка молча подсовывала мне конфеты в папку во время собраний на последнем ряду.

Пожалуй, этот экономрежим организма играл мне в определенной степени на руку. Я практически никак не реагировала на вспышки эмоций «друзей», не прошедших естественный отбор, – у меня элементарно не хватало на это сил. Я вела себя с ними предельно равнодушно. Собственно говоря, как еще можно реагировать на очередное жалкое нытье?..

* * *

Так бы, наверное, и продолжалось, если бы однажды я не пригласила одного человека. Я вам даже имени его называть не буду, ибо какая разница. Мне было на него глубоко наплевать. Как и ему на меня, собственно. Только в довесок к этому еще он начал мне угрожать. Сначала звонками, затем подпаленной входной дверью и ночными встречами у подъезда с претензией вернуть деньги.

Об этом я также никому не говорила. Мне было стыдно, что я вообще допустила подобного персонажа до фойе, но я выступала лишь в роли просеивателя, ситом же, отбирающим алмазы, служило собрание. К нему-то я и поставляла сырье.

* * *

Да и что он мог мне сделать, в самом деле? Убить? Покалечить? Сомневаюсь...

Хотя, если в данном случае отсутствует что-либо святое напрочь, тогда возможно.

Люди готовы ставить свечи и идти исповедоваться, но никогда не признаются в собственном малодушии, прикрывая духовностью и верой тот факт, что просто хотели срубить побыстрому бабла на все те же земные похоти.

Что ж, дай бог, чтоб Бог услышал вас и обязательно учел перед судом единым вашу трусость признаться самим себе в собственной же недееспособности. Ведь все, что вам хотелось, сидя на собрании, – это иметь чуть больше, чем ваш сосед. Но слишком уж много лени в вас и слишком мало ответственности, чтоб иметь хотя бы это.

Поэтому я не боялась. Лишь загнанное нагрузками сердце иногда взволнованно колотилось при заходе в подъезд и панически сжималось в ожидании непредвиденного. Так бы, наверное, и продолжалось, пока я однажды не отключилась за столом у г-на Патанина. Я искренне старалась собрать воедино двоившегося эксперта в моих глазах и сохранять стабильное вертикальное положение, но меня шатало и пол буквально уходил из-под ног. Я чувствовала, как с каждой минутой веки становились все тяжелее и ватнее, а голова буквально клонилась на бок. В какой-то момент я непроизвольно откинулась на спинку стула, потому что сил не оставалось даже просто держать спину. Сползшая рука на последнем издыхании зацепилась белесыми пальцами за край столешницы, чтоб не раскинуться плашмя, – у многих экспертов рядом еще шли переговоры с новенькими партнерами, и вид полуживого создания был бы совершенно не к месту. Картинка перед глазами пошла цветными пятнами, а звук доносился все глуше и дальше.

Я не потеряла сознание. Я в принципе не знаю, что должно случиться, чтоб я его потеряла. Просто все чувства как будто бы притупились, а тело словно погрузилось в прохладное желе и не могло произвести хоть малейшего движения.

Анабиоз, одним словом. И сколько он продлился, вам определенно расскажет кто-то сторонний.

Первое, что вернуло меня в осязаемый мир, было теплое прикосновение к присохшим к столешнице рукам. Теплое-теплое, медленной волной расплзающееся по клеточкам орга-

низма, как глоток глинтвейна в двадцатиградусный мороз. Все выше и выше по нервным окончаниям. И вот картинка панорамного вида медленно восстанавливается, открывая встревоженное лицо эксперта и его руки, крепко сжимающие мои кисти на краю стола. Благодаря этому они – совершенно безвольные – все еще оставались на месте.

– ...госпожа Батунина! Госпожа Батуунина!!! – донеслось до меня как сквозь туман. – Вы в порядке?!

Я кивнула. Кивнула достаточно убедительно, как мне показалось, и даже попыталась изобразить что-то наподобие улыбки. В итоге лишь почувствовала натянутость пересохших губ.

– Все хорошо... – получилось у меня где-то с третьей попытки.

Еще со второй мне удалось привести спину в вертикальное положение, оперевшись локтями на стол.

– Вы почему такая холодная?! – последовали вопросы, видимо, как следствие того, что я вернулась в способность на них отвечать. Пусть и медленно...

– У меня бывает... все нормально...

– Из-за чего бывает? Почему? Вы отравились чем-нибудь?

– Нееет... – меня даже насмешило подобное предположение, но смеяться еще не было сил.

– Это от усталости, наверное... я просто не сплю вторые сутки...

– Почему?

Я решила не врать. И даже не недоговаривать. Я сказала как есть, потому что так было, и сказать сейчас что-либо другое означало просто соврать. Этого я себе позволить не могла – не с этим человеком.

– Я же работаю по выходным ночами. Мне так смены поставили. А оттуда сразу сюда еду. Так и получается, что я с пятницы по воскресенье иногда вообще не сплю... месяца два уже...

Он как-то глубоко посмотрел на меня. Будто прочитывая...

– А почему мне ничего не сказали? Я что, не человек, что ли? Я бы все понял...

– Ну, я же должна быть с командой. Никого не волнуют мои сторонние занятия. Есть гость, есть система, есть заработок, да и партнеры просили в фойе пообщаться. Я должна быть здесь, и я здесь. А в каком состоянии – дело десятое.

Он снова так же посмотрел на меня, только на этот раз уже как-то теплее. Мне стало приятно и страшно одновременно – удивительное сочетание. Даже мурашки пробежались по пояснице, отчего непроизвольно захотелось заерзать.

Только бы взгляд не отводил, еще хоть немного... под ним, очевидно, мое состояние улучшилось.

– Вам отдыхать нужно, – мягко оборвали мой сеанс взглядотерапии. – Сейчас сразу же поезжайте домой, а завтра будем на связи.

У меня наконец получилось улыбнуться: «Договорились».

Затем снова горячая рука в замке рукопожатия, которая не отпускала меня до самого выхода из зала. Представляю, насколько комичным было наше такое своеобразное перемещение. Затем открытая передо мной входная дверь – и меня буквально передали в руки кого-то из партнеров, стоящих неподалеку, из последнего числа ожидающих своей аудиенции, со словами, что они несут полную ответственность за мою доставку до дома. К слову, лично я была знакома только с одним из них. Ему-то и довелось нести меня те самые двести метров до припаркованной машины, ему-то и пришлось пилить в мой спальный район и по дороге отпаивать кофе. И совсем уже ночной звонок, заставший буквально врасплох, от эксперта с одним единственным вопросом: как я себя чувствую? Никаких расспросов о планах на предстоящую неделю, никаких претензий по поводу отработки в фойе, никаких разборов причин невступившего гостя и настроя на новую неделю, к которым я уже морально была готова. Просто пожела-

ние доброй ночи и восстановления физических сил. Все. Признаюсь честно, я даже несколько раз в процессе разговора посмотрела на дисплей телефона: с тем ли человеком я вообще разговариваю? Все правильно, с тем. На экранчике отчетливо читалась фамилия эксперта.

Сколько негодования я испытала в тот момент. На фоне общего физического переутомления всякая эмоциональная встряска становится невообразимой. Что уж говорить о сегодняшнем дне...

Мне кажется, даже засыпая, я все еще искала причины подобного поворота событий. Мне кажется, они мне даже снились. И, даже проснувшись далеко за полдень, я все еще не могла успокоиться.

Какой тут успокоиться, когда на телефонном дисплее семь неотвеченных вызовов, причем это с неотключенным звуком (это ж надо так спать!). И два из них – от Игоря Викторовича. Блеск!

Я еще долго сидела на кровати, держа в руках телефон. Ватность головы понемногу отступала, передавая бразды правления физической слабости. Даже после десяти часов сна организм не смог восстановиться, а мозг судорожно искал пути выхода, потому что пять из входящих вызовов были из салона – я не вышла сегодня в смену.

Перезванивать я никому не стала. Просто выехала на работу и положила заявление по собственному желанию. Тупо оставила его у Катьки на ресепшне – директрисы в салоне к тому времени уже не было – и, ничего не объясняя, удалилась. Даже вещи свои немногочисленные собирать не стала. Что мне с этой чашки и прочей мелочевки? Это как с кладбища в дом нести – плохая примета, так и я с отмершего места решила ничего не брать. Затем съездила к квартирному хозяйству, распотрошив для этого последнюю заначку, чтоб заплатить за предстоящий месяц, и устроила встречу с малознакомым товарищем, который так и норовил перейти в разряд «виделись пару раз». Только после этого набрала заветные цифры и, заведомо внутренне сжавшись, услышала то, чего, по сути, слышать была не должна.

* * *

Бывают такие дни, бывают моменты, когда в тебе словно что-то назревает, что-то вырывается и вылезает наружу. Молча. Без громких лозунгов и истерик. Когда ты, не совсем понимая зачем, но точно зная, что надо именно так, встаешь, идешь и делаешь. В таких случаях тебе не нужно ничье поощрение, ничьи рекомендации и наставления. В таких ситуациях ты есть эпицентр решимости, ты – скопление важности и концентрат стремления. Или просто на какую-то секунду ты смог уловить понимание жизни и себя в ней. На долю секунды, но и этого бывает достаточно...

Ведь жизнь – она же без размеров, без параметров. Она, в общем-то, исчезнувшая уже наперед. И какая бы ни была временами прекрасная или угнетающая, ее крайности равным счетом ничего не значат. Так же как и она сама-то, по сути, ничего не меняет в масштабах мира, хоть и размазывает в мучениях и возвышает в восторге. Изменит ли она, чья-то отдельно взятая жизнь, скорость вращения Земли? Вряд ли. А укротит ли разбушевавшуюся стихию? Сильно сомневаюсь. Так же как и смену времен года вряд ли сможет остановить, как бы сильно ей этого ни хотелось (в межсезонье особенно). Неизменным остается лишь одно – нелепость этой жизни. И у каждой по-своему. Поэтому нет никакой разницы, чем я изощрю ее сегодня, главное – не останавливаться.

Как там умно так говорилось... Зори гибели каждого озаряют своим очарованием все кругом, даже ваши гильотины. Именно! Как заумно и как потрясающе. Почему бы не озарить сегодня еще парочку? А почему бы и нет, собственно?!

Ведь что мне ваши судьбы, как и вам моя, собственно? Просто отрывок воспоминаний об ушедших моментах – у кого светлый, у кого в более мрачных тонах. Все мы друг для друга

– лишь антураж времени, которое больше не повторится, не более. И у каждого есть свой срок годности, хранения и реализации.

Все зависит от степени заикленности на собственной персоне и предела упоения своей бессмысленностью.

А все эти громкие слова о вечности, стабильности и положенности оставьте для дешевых тренингов личностного роста. Они потому и дешевые, что настоящие Личности там редкие гости.

Но вот однажды появившееся яркое пятно в твоей жизни вдруг распахивает перед тобой всю ту серость, в которой ты доселе более или менее комфортно существовал. И чем ближе становишься к этой яркости, тем контрастнее серость, тем вязче и грязнее вся ее суть. Часть этой сути с моей легкой руки осталась сегодня за дверью салона, в то время как «Яркость» тепло и ненавязчиво рассказывала мне по телефону, кто я и чего достойна по этой жизни.

Я слушала и не верила. Я слушала и не понимала, как кто-то может настолько верить в меня, настолько глубоко заглядывать и поднимать наружу все то, что я когда-то желала, когда-то загадывала и по-тихому похоронила под плотными слоями реальности. Мягким заговорщицким голосом он касался самого сокровенного и зарождал будто маленькую тайну между нами: я знаю, что вы хотите, я знаю, что вы можете все это иметь, и я всячески буду вам об этом напоминать, пока вы сами не решитесь заговорить во всеуслышание. Я не решалась. Пока...

* * *

Но я стала звонить все чаще. Я слушала. Я верила. Я получала нагоняи и похвалы. Мне хотелось закопать себя заживо, когда я что-то делала не так, или говорила, как не делала, или делала, не как говорила. И хотела объять весь мир от восторга, когда получала одобряющее рукопожатие и все тот же мягкий обволакивающий тембр.

И серость отступала. Иногда ее совсем не оставалось, когда наша немая тайна невидимой нитью пробегала в глазах. Я не чувствовала больше себя одинокой. Я просто знала, что теперь есть кто-то, кто знает чуть больше, чем кто бы то ни было другой. Причем без слов, без фраз и объяснений. Даже Ромке я ничего не рассказала. Я вообще стала очень мало говорить... больше наблюдать и слушать. Со временем это вообще превратилось в мое любимое развлечение.

А пока я всячески берегла это состояние. Неумело и неловко. Иногда с содроганием, что чем-то вдруг смогу не нарочно разрушить и уже никогда не сумею себе этого простить, иногда с блаженной полуулыбкой, и безграничной теплотой невообразимой наполненности где-то в области сердца, и с перманентным страхом неминуемой потери, если об этом хоть кто-то узнает. Не знал никто. Даже он сам, как мне казалось...

* * *

И все шло бы своим чередом, пока однажды я не зацепила взглядом нацарапанное на бархатной скатерти стола персональных переговоров со стороны эксперта чуть ниже от сложенной стопки бланков потенциальных партнеров короткое слово «УСПЕХ». Явно чем-то не острым, похоже, что ручкой без стержня. Тем самым «Паркером» с позолоченным наконечником... которым он перечеркнул заявление моего воскресного «друга».

«Друг» тогда много выеживался по поводу себя, но при первой же попытке привести хотя бы часть понтов в демонстрацию действия сильно обкакался и никак не хотел признавать, что это единственное, что может сделать быстро, уверенно и без чьей-либо помощи.

С долгой организации я с натиском привезла его на отказ.

Отказ был красивым, как я и попросила, послав СМС на номер, связь с которым была уже более чем 24 часа в сутки и все чаще в письменной форме, нежели по звонку.

После эффектного размазывания и выставления за дверь нерадивого гостя я как раз и увидела эту надпись. Что-то притаилось во мне в тот момент. Что-то очевидное, но пока выжидающее. А потом я долго смотрела ему в глаза. И впервые они показались мне уставшими. Я накрыла своей ладонью его безостановочно вращающие мобильник пальцы: «Ты и я. Вместе против идиотов». Сделала я это мысленно, потому что в реальности просто не могла себе это позволить. Да и не нужно все это было. Ему не нужно. А мне и так хорошо. Главное, что он улыбнулся в ответ. Сначала глазами, потом как положено. Я лишь незаметно покачала головой в знак подтверждения и поспешила удалиться. Нужно было успеть на метро.

* * *

С тех пор как я уволилась с работы, определенная степень свободы привнесла в мою жизнь новые возможности, а вместе с ними и отток пусть и небольших, но систематических финансовых средств.

Деньги заканчивались.

На такси я ездила, только когда заезжала за гостем. В остальное же время обходилась минимальными затратами. Прибегать к помощи партнеров не доводилось, только если было действительно по пути – напрашиваться я не умела.

И, досидев до последнего, я специально выбирала самый длинный путь после собрания до подземки, даже когда погода не совсем располагала к прогулкам, – мне почему-то было неловко погружаться туда при партнерах, хотя те или иные группками топали в сторону метрополитена имени Владимира Ильича, прихватив по дороге бутылочку среднеебюджетного пива. Это не совсем укладывалось в голове, но возникший откуда-то барьер все равно не позволял присоединиться к ним. Поэтому я заходила чуть ли не за полночь на пустые перроны подземки и ехала в этих неуютных холодных вагонах с запахом резины и сквозняка.

В мрачноватой палатке возле входа, разбудив стучом в залепленное ассортиментом химических вкусоностей окошко немолодую барышню восточной наружности, я покупала себе плитку шоколада и поглощала ее, пока ехала, разломав прямо в фольге на маленькие кусочки. Потому что очень хотелось есть. Очень. До спазмов в желудке и помутнения в голове. Главной задачей было не заснуть, глюкоза спасала.

Нужно было отвлечься, нужно было о чем-то подумать... еще пару станций, и там я выйду на переход, а это уже легче.

Нужно было подумать...

И я думала. Я представляла, как в этот самый момент мой хороший человечек сидит на совещании, может, грустит, погруженный в свои мысли, а может, смеется, даже, может, получает люлей от руководства, потому что мы, такие балбесы, не можем сделать элементарных вещей и заработать себе же на банальные нужды, чтоб хотя бы не ездить на метро, как я сейчас. А просто враз позволить себе все то, на что раньше хватало только фантазии. Взять так и позволить. Легко. И весело. И ровно настолько же страшно и непозволительно. Но безумно желаемо. Безумно...

И вот именно здесь начинается война. У кого-то затяжная, холодная, с четко выработанной стратегией самообмана и переубеждения, у кого-то, напротив, атомная, разрушительная, с применением тяжелой артиллерии и запрещенных боевых единиц, сравнивающих с землей все старое, отжившее и резко ставшее незначительным.

* * *

«Все мы мыслим образами, картинками...» – как говорит г-н Саров. И как бы вас ни передергивало при этой фразе, живем мы ими же. *«Я говорю вам: “Эйфелева башня”, и вы сразу – оп, представили себе Эйфелеву башню...»*

Просто у кого-то эти башни в деталях и огоньках, а у кого-то не хватает воображения даже на хороший сарай. И просто кто-то с упоением тратит большую часть своего времени на рисование шедевральных полотен, боясь порой прерваться на естественные нужды, а кто-то только озабочен наличием рисовальных принадлежностей. И у того, и у другого полотна идут. И у того, и у другого полотна проходят. Друг за другом. След в след. Проходят, черт возьми, пока кто-то только намеревается заточить карандаш.

И в этот самый момент, да, да, именно в этот, пока я еду в метро, а вы читаете мои разглагольствования, она тоже проходит.

Палитра обычно где-то слева находится, насколько мне известно...

* * *

Рисовать я не умела. Так случилось. Еще в школе я только переводила листы и разливала окрашенную акварелью водичку на альбомы, получая четверки в основном за старание.

Время прошло – рисовать я так и не научилась. В прямом смысле. А старание и вовсе обесценилось.

Однако все случается в очередной раз. Но уж никак я не думала, что возьмусь еще когда-нибудь за рисование, и уж тем более не предполагала, что это будет не изобразительное искусство вообще, а целиком и полностью моя жизнь.

С палитрой я, кажется, разобралась сразу. С набросками тоже становилось худо-бедно понятно. Но вот КАК – оставалось действительно сложным вопросом...

Но я старалась. Я правда старалась. Сначала по памяти, затем перекладывая чужие изображения, добавляя в процессе что-то свое, а со временем даже воплощая какие-то импровизационные задумки.

Случалось иногда и каверापить (cover up) – перекрывать старую зарисовку более новой и актуальной, поэтому не обижайтесь, если кого-то я не запомнила, кого-то не зарисовала в своей картинной галерее памяти, просто приходит момент, когда берешься за новый холст, и место там совершенно для иного сюжета.

В такие минуты главное, чтоб кто-то был рядом...

Чтобы просто был и понимал. Чтобы был и разделял.

Чтоб принести четыре тысячи евро – компенсацию за прошедшие выходные, рывком разорвать конверт, вдохнуть этот исключительный запах иностранной валюты и прыгать на кровати, раскидывая вокруг себя деньги. Прыгать и орать от восторга, прыгать и задыхаться от понимания глупостей, переполняющих голову, прыгать до тех пор, пока натужно ни скрипнут пружины пусть и казенного пока дивана, пусть и на съемной пока квартире. А потом валяться, восстанавливая дыхание, запивать роящиеся мысли холодным шампанским, рассказывая эксперту в трубку свои самые скорые грандиозные планы, и засыпать прямо на этой куче рассыпанных купюр.

Чтоб после собрания понедельника – в аэропорт. Пара часов – и ты уже босыми ступнями проминаешь песчаный берег, и прохладные волны деликатно касаются уставших ног, не минуя узкой юбки ниже колен. Да и бог с ней, с этой юбкой, так же как и со стрелками закатанных брюк. Все равно им одна дорога – в море, когда на рассвете после здоровой дозы янтарного виски так и тянет купаться. И чтобы самой первой (исключительно первой!) в четыре часа

утра по московскому времени набрать известные уже наизусть цифры и с вопросом: «Алло, это баня?» – пожелать эксперту доброго утра, не заводя при этом будильник.

И чтоб, как бы страшно ни было, переступить тот самый порог и оказаться наконец по ту сторону шоу «за стеклом». Когда в очередной раз стоишь у огромной стеклянной витрины брендового магазина, практически прилипнув к ней носом, глазеешь с каким-то нелепым придыханием и восторгом на ту красоту, которую кто-то другой так легко и небрежно накидывает на себя в примерочной. А потом взять и, пересиливая нарастающее внутри волнение, резко отодвинуть тугую стеклянную дверь с широкой металлической ручкой и войти. И долго-долго с серьезным лицом изучать вещи на бархатных плечиках, даже пальцами ощущая их качество, и стараться как можно незаметнее выловить бирку с ценником, якобы рассматривая состав и размер. И пусть дрожат коленки, пусть ехидно шушукаются продавцы у кассового аппарата, и пусть большую часть всего, что здесь представлено, я не могу себе позволить, лишь потому что у меня нет таких денег, тупо нет денег. Пусть. Зато я не буду больше смотреть, как кто-то другой, особо не присматриваясь от приторной усталости хождения по подобного рода местам, отнесет эту вещь на кассу, положит в хрустящий пакетик, чтоб надеть потом на очередное скучное светское мероприятие. Может быть, раз, может, пару, а может, просто забросить в немалочисленный гардероб и благополучно забыть. Забыть. Мое желание. Оно ведь МОЕ! Оно даже сидит на мне как влитое! А потом взять и совсем решиться на отчаянный шаг – подойти к консультанту с просьбой отложить, чтоб вернуться за ней в начале следующей недели. И вернуться, потому что она ждала.

* * *

Тогда-то у меня появился вкус. Появился аромат, который, несмотря на эксперименты с новинками, оставался неизменным. Он присутствует и до сих пор. Это запах денег.

И пусть кто-то мудро изрекал, что деньги не пахнут, – он был не прав. Пахнут. Еще как пахнут. И это свой особенный неповторимый запах: чуть острый, насыщенный и с тонкими нотками послевкусия. Его сложно с чем-то спутать и невозможно не узнать, если однажды по-настоящему вдохнул.

Деньги, как специи, придают пикантности жизни. Нужно знать дозу и меру, иначе рискуешь спалить все рецепторы и испортить даже самое изысканное блюдо. Щепотка-другая – то, что нужно, чтоб не загнуться от пресности. А пресность я не переношу патологически. В любом ее проявлении. В человеческом особенно...

* * *

Моя структура росла в геометрической прогрессии. Достаточно правильно выстроить работу, найти к каждому мотивационный рычаг и ни в коем случае не спускать на тормоза, чтоб эта прогрессия прогрессировала еще активнее, давая все новые веточки.

Побочным эффектом в таком раскладе являлся хронический недосып (что не ново), постоянное желание курить и замыливание человеческого фактора.

* * *

– Что? Пирамида? – меня переполняла смесь негодования с возмущением. – Пирамида?!

Гость был деревянный или это с энергетика меня так взвинчивало? А вы, простите, не в пирамиде? Не пашете ли на «дядю» в надежде в конце месяца получить свой скудный кусочек и продолжить с упоением тратить свою жизнь на его обогащение?

Нет, все-таки деревянный. С ним еще на приглашении какие-то сложности были – было в нем что-то мерзко-отталкивающее, и никак не хотел человек понимать, что не в том он положении. Да и Абрамовой моей Катерине, хоть убейся, не объяснишь, что не прогибаться надо, а прогибать, а это разные вещи, и правильно ставить условия, чтоб потом подобных эксцессов мне здесь не происходило.

– Зато стабильно? Так стабильно плохо в таком случае! – с самого утра он раздражал меня. Я бы и сама его отправила, но эксперт настоял... – Вы и подохнете на службе своей стабильности, так и оставшись без флага, без родины. И детки ваши даже не смогут проводить вас в последний путь, потому как, кроме слов о стабильности, они и вспомнить о вас ничего больше не смогут. Или, еще лучше, в этот самый момент будут слишком сильно увлечены вахтой своей стабильности, ярким примером показанной им в детстве главой семейства. Перспективно, не правда ли?

Я заводилась. И больше всего меня бесил даже не тот факт, что это «чудо-в-дешевом-костюме» не воспринимает, где находится (всем по способностям, как говорится), а позволяет вести себя как последнее чмо и разговаривать в жеманных тонах с людьми, ранга которых он и в следующей жизни вряд ли достигнет...

Отсутствие воспитания и элементарного самоуважения, чтоб вести себя адекватно на чужой территории в присутствии людей, которые являются ее значимой частью, – вот что бесит больше всего!

– Пирамида! Между прочим, самая устойчивая фигура и ваш последний шанс возыметь возможность хоть разок скататься посмотреть воочию это седьмое чудо света.

Пирамида!!! Да, вся жизнь – это пирамида. Город, в который он зачем-то удосужился притащиться в свое время, чтоб занимать место в метрополитене в час пик, – тоже, кстати, пирамида. Здесь каждый стремится к вершине, не брезгая воспользоваться любой подвернувшейся возможностью сбросить вниз другого, чтобы тут же занять его место, если он до сих пор этого не понял. И главное в этом предложении не «сбросить», а «стремиться», потому что, если не стремишься, катись к подножию. И каждый с удовольствием отвесит попутный пинок. Каждый. И в его этой стабильности – не исключение. Пусть для тебя это станет откровением хотя бы под сраку лет.

Абрамова, стоящая рядом, буквально выросла в пол. Она была похожа на сову в тот момент: голова была максимально втянута в плечи, а ее и без того большие глаза стали еще более объемистыми, и доминирующей эмоцией в них читался испуг. Работать и работать еще с ней – третья неделя, а с места так и не сдвинулись. Что там у нее за затык такой в голове, непонятно. Понятно одно: диалог этот оставлять нельзя – он ее раздавит. Поэтому либо перенастраивать, либо убивать самой...

– И вот так из недели в неделю ты слушаешь здесь это все одно и то же? – обратился он к Катерине после моей выжидающей паузы, и нескрываемая ухмылка вновь озаряла его лицо. – Нда...

Каким же еще более омерзительным стало оно в тот момент, будь я поплотнее комплекцией, отпечатала бы на нем все четыре костяшки своей правой руки с кольцом по центру. Аккурат на челюсти, ей-богу. Но, к сожалению, это существо не смогло бы даже понять, за что ему вломили, поэтому стоило ли мараться? Стоило ли?

Катя молчала и неуверенно кивала головой, бросая виноватые взгляды то на меня, то на своего гостя. Жалкое какое-то зрелище, прости, господи...

Я просто улыбнулась с еще более выжигающей мягкостью и, чуть приблизившись в его сторону, негромко, почти шепотом произнесла:

– Знаешь, есть один человек, который в течение пятнадцати лет служил управляющим в крупном страховом концерне. Каждый месяц все страховые контакты, издаваемые его компанией, он регулярно прочитывает, – мерзкая ухмылка продолжала цвести на его узком лице,

адресованная уже мне... – Да, он читал одни и те же контракты из месяца в месяц, год за годом. Зачем? Да затем, что жизненный опыт научил его, что только таким путем может он удержать в своей памяти условия этих контрактов.

Ухмылка оставалась, по-прежнему пренебрегая услышанным, в то время как в глазах тягучим сиропом сменялось непонимание.

– Это был богатый человек. Это был ценный и уважаемый сотрудник, который мог организовывать не только работу компании, но и самого себя. Это был достойный человек. Именно поэтому об этом человеке говорят по сей день, а о ком-то не вспоминают и при жизни... Подумай об этом.

Затем я резко отстранилась и, смотря теперь уже со своей высоты на это примитивное создание, закончила:

– Я больше вас не задерживаю. Выход напротив ресепшена.

* * *

– Можно, можно было, конечно, переубедить, Игорь Викторович, я знаю. Можно было в очередной раз все разжевывать и проглатывать вместо него, но зачем? – митинговала уже я за столом эксперта, прождав, как обычно, до победного. – Но если человек не понимает элементарные вещи, я не вижу смысла переубеждать его в этом.

– Всегда есть способ переубедить человека в том или ином, – его серые глаза старались излучать участие, но утопали в усталости, скопившейся за день от переизбытка лиц, фраз и мнений. А ему еще собрание предстоит... – И вы знаете, какой именно, г-жа Батунина. Хорошо знаете...

Знаю, знаю. Все элементарно: заставь человека просто захотеть сделать то, что нужно тебе. Уж каким способом – дело десятое. Помню, что грубые методы влекут за собой неблагоприятные последствия.

Я виновато кивала в ответ, прогоняя в голове все эти мысли, и нервозно скребла маникюром по красному бархату стола.

– А вы опять пережестили. Зачем вы убиваете людей?

Я аж опешила от такого вопроса. И на мгновение уставила на него свои удивленно-расстроенные глаза: «Он что, правда думает, что я могу кого-то убить?»

– Меня не зацепил его вопрос, Игорь Викторович, нет, – залепетала я. – Любая глупость имеет объяснение. Меня вывела надменность, с которой он выражал все свое никчемное отношение. Вы же сами видели. И, как сами же говорили, не незнание страшно – страшнее нежелание понять. И ломать такие стены без толку – есть куда более продуктивные занятия, это мое мнение...

Он снова улыбнулся и завертел в руках телефон.

– Чего бы вам хотелось, г-жа Батунина? – выдал вдруг он, что я опешила второй раз за последние несколько минут. Не зачастили ли вы, г-н Патанин?!

Я многозначительно молчала...

Знали бы вы, Игорь Викторович, чего я на самом деле хочу... Любыми способами, любыми методами. Настолько, что сама боюсь себе в этом признаться. Знали бы...

– Что ж, вы совсем ничего не хотите? – вторглось в мои мысли. – Не поверю... Может быть, в этом как раз и причина. Не зная, куда идешь, можно сильно удивиться, когда придешь не туда, не так ли, госпожа Батунина? Вы как считаете?

Он улыбался, ожидая и заранее зная мой ответ. Улыбался. Черт... Мозги, не покидайте меня.

– Понимаете, господин Патанин, – задумчиво потянула я. – Вы все правильно говорите... все верно... но тут... тут есть такая штука... что... что все мои самые мудрые мысли дохнут при одном запахе ваших духов.

Я выпалила это на одном дыхании, потому что иначе бы точно запнулась и струсилась. На секунду мы притихли оба.

Взгляд. Пауза. Снова взгляд. И улыбка. Эта его чертова улыбка!

Как? Ну как мне ему объяснить, что плевала я на эту структуру, плевала на всех долбоебов, которым, очевидно, ни к чему в этой жизни уже не прийти, и их последние шансы были давно уже розданы, задолго до сегодняшнего дня (сегодня – это так, агония, ну, или очередной порыв благотворительности). Плевала на сплетни и разговоры о чьей-то успешности, на негатив со стороны чьих-то родственников, на мелочность того или иного и отсутствие бизнес-планов (сама уже пустила лички на поток). Единственное, что еще имеет значение, – это его эта лукавая улыбка. Улыбка эгоиста, улыбка провокатора. И единственное желание, откровенно пульсирующее в сознание в данный момент, – это желание овладеть им. Прямо здесь, прямо сейчас на этом столе, покрытом бархатной красной материей. Зверски, разметав по сторонам папки с заявлениями. Кусать его губы до крови. Сорвать этот осточертевший, но безумно стильный пиджак, разорвать на куски рубашку, чтобы пуговицы разлетелись по разным углам гомонящего людьми зала и сдирать кожу рук, с остервенением расстегивая пряжку его ремня. Впитаться ногтями в его спину. Целовать. Целовать везде и всюду. Прижиматься к груди, чувствовать его дыхание, вдыхать запах, ощущать его кожу, его тепло. И почувствовать себя очень... Очень Его.

Как можно при таких мыслях говорить о новых приглашениях? Как? Господи, какое же это невыносимое самобичевание – вести деловые разговоры с человеком, которого хочешь страстно и нежно изнасиловать. Это приятно и изнуряюще одновременно...

Петрушин появился некстати и вовремя. Вовремя, черт возьми, отозвав его на «минуточку» и давая тем самым возможность перевести дух. Было бы куда переводить...

– Так, ну, что у нас с личным бизнес-планом? – вернулся он, как ни в чем не бывало. Выдавали только дьявольские огоньки в глазах. – Надо, надо, госпожа Батунина, собственным примером показать, как нужно правильно вести себя с гостями. А вы это умеете.

Я чувствовала себя рыбой без воды: эмоции переполняли, а выхода им не было. Под столом я сильно сдавила рукой обивку стула. Надо сдержаться.

– Сейчас совещание начнется, – продолжил он. – Завтра с утра мы с вами свяжемся и обсудим все, планы же на новую неделю у вас уже есть?

Да уж... интересная ситуация, комичность которой обрисовывалась явной нелепостью и отражалась произвольными движениями мышц на губах. Едва сдерживаясь от нарастающей вспышки смеха, я утвердительно кивала в такт его наставлениям и демонстративно подыгрывала этой затянувшейся трагикомедии. Сцена: напутствия эксперта, как правильно расставлять заборы. Актеры те же. Главное – не налажать...

– Все будет хорошо, г-жа Батунина, – добавил он, пожимая мне руку в проеме входной двери. – Я в этом не сомневаюсь.

– Я тоже.

И дверь захлопнулась.

Все будет, Игорь. Все еще будет...

* * *

Мы все проживаем аналогичную жизнь, по сути. Мы все спим, едим, занимаемся сексом время от времени, стоим в пробках, боеем, думаем иногда, говорим что-то умное, как нам кажется, страдаем бессонницей, переутомляемся, сидим ночами в инете в поисках ответов на

вечные вопросы, переидаем, комментим чьи-то фото с полной уверенностью, что это кому-нибудь нужно, плачем, чувствуем себя одинокими, напиваемся, мучаемся похмельем, снова напиваемся, занимаемся тупостью с пониманием, что важнее дела нет, а потом вниз по списку – закрепляем материал. Все мы ищем единомышленников, называя их разными именами, друзьями, любимыми, соратниками; мечтаем, зная порой, что этим мечтам не суждено сбыться; ставим цели, иногда добиваемся; все чего-то боимся и все что-то ненавидим. Другой вопрос, как мы это делаем. И где. И с кем. И какие при этом испытываем эмоции. Ведь для человека здесь всегда не так хорошо, как где-то там. А когда здесь становится хорошо, как там, появляется другое Там. И так бесконечно.

И пока не станет здесь хорошо, как там, другое там не наступит. Хорошо ли тебе здесь? Хорошо ли мне здесь? Если нет, то чего не хватает? Каждый сам для себя, не правда ли? Ведь кому-то щи жидковаты, а кому-то бриллианты мелковаты. Так было и так будет всегда.

Вся жизнь сводится к трем вещам по сути: это поесть, поспать и продолжить род, все остальное – занятия, чтоб скоротать время в перерывах между этими делами. И градация происходит на уровне, что есть, где спать и с кем продолжать род. Выбор есть всегда. Просто кто к чему готов: решишься ли ты на что-то большее, чтобы поесть получше, поспать помягче и заполучить партнера поприятнее?

Все это время я просто жила, как и все, иногда не понимая зачем. Просто заканчивала институт, встречалась с друзьями, посещала тренировки, читала книги, иногда ходила на дискотеки и напивалась с подружками. Все это воспринималось мной как нечто временное в ожидании настоящей жизни, настоящей любви, всего того, что сделает меня наконец настоящей.

Теперь мне кажется, что все это время я предпринимала попытки, чтоб не состояться ни в одном из дел, которыми я занималась. По причине?.. По причине банального страха.

Потому что изначально все кажется простым. Все до противного просто. Просто лень, просто причины. Держусь на плаву – и этого уже достаточно!

А потом приходит страх. Он не дает спать по ночам, душит, когда ты едешь в транспорте, легонько похлопывает по плечу в моменты мнимого расслабления. Затем ты начинаешь видеть его повсюду – в новостях, в лицах друзей, в вечернем отражении в зеркале, в ночном алкоголе, который уже не расслабляет, а лишний раз доказывает, что без допинга ты даже отключиться не можешь. Традиции накладывают свой отпечаток: я стала выпивать. Почти каждый день.

А потом становится страшно. Страшно не успеть. Не успеть сделать то, что можно не успеть сделать в жизни только по одной причине. Страшно не успеть сделать для близкого человека в ежедневной суете то, что для него значимее всего, страшно не заметить этой значимости, не увидеть и не оценить, не сказать и не выразить.

Страшно, что из года в год ничего не меняется. И лишь потому, что казалось, что времени еще вагон и все само устроится. Скажи об этом вагоне своим престарелым родственникам, для которых ты так ничего и не сделал, и пусть они рассмеются тебе в лицо, если у них еще будут на это силы.

А потом ты уже не задаешь вопрос «зачем?». Потому что не знаешь ответа.

И начинаешь плакать.

Думаю, девочки меня поймут. Все мы плачем. Просто так, без особой причины. Просто сидишь, сжавшись в клубок, и реवेशь.

* * *

Я стала очень много плакать в последнее время, пусть только там, где никто не сможет увидеть, никто не узнает и, не дай бог, не начнет жалеть. Маленькая девочка плакала в полной темноте, сидя на маленькой сидучке кухонного уголка, поджав под себя ноги и прилипая босыми ступнями к бежевому кожному сиденью. В соседних домах, расположенных так

близко в новостройках спальных районов, кое-где еще горели окна, но никто в них не смотрел. Люди столицы, я заметила, вообще очень редко смотрят в окна, если это не престижное кафе с панорамным обзором. Но даже оттуда никто не видит маленьких девочек, ревающих в темноте. Наблюдает за ними разве что безразличие. Целый город безразличных окон. Хорошо, что они умеют молчать...

* * *

Я не люблю говорить о своем прошлом. И не потому, что там есть что скрывать, отнюдь. Скорее, не хочу тратить время на воспоминания, как бездарно я тратила его до сих пор. Но как только я начинаю думать о своем будущем, передо мной сразу возникает слово «самооценка». А она у меня не то чтобы заниженная – она справедливая. Я не могу утешать себя мыслями, что кому-то гораздо хуже, чем мне, что кто-то так же удален от своих жизненных и умственных уровней, как земля от луны. Такое мнимое утешение: «некоторые живут даже хуже – и ничего» – это удел неудачников. Ставить перед собой цель, и, по крайней мере, пробовать идти к ней – вот нормальный ход развития себя. Только крайняя степень напряжения приводит сейчас к результату. Слишком велика конкуренция, которую создают те, кто идет вперед. Ведь никто и никогда не задумывается, какой ценой был достигнут статус «красавчика», видим, как правило, только результат, который и кружит голову.

* * *

Вот и я инвестировала три тысячи евро: я хотела эмоций, хотела пройти этот путь от «серой мышки» к «красавице» со всеми вытекающими оттуда, хотела ощутить это напряжение и этот естественный рост. И я захлебнулась ими в полной мере. Ведь все это время я была словно рыба без воды: хлопала ртом, выпучив натужно глаза, в попытке жить, чувствовать и просто наслаждаться, а не тупо обеспечивать жизнедеятельность своего организма. Но тут, когда, казалось бы, неоткуда ждать влаги, захлестнула волна и утащила в море, где бури, штормы, смерчи, вихри эмоций. И я захлебнулась. Любовью, дружбой, непониманием, провокациями, радостью, несправедливостью, злостью, страстью, смехом... И все как на острие ножа. Как на пике, на накалившейся игле.

Все мы ищем этого, все только и озабочены борьбой с пожизненной скукой. Не все только способны себе в этом признаться.

А я вообще расту только благодаря внутреннему противостоянию, как выяснилось. Я всегда любила ящики с двойным дном. Я и сама двулична. Не люблю односложностей. Мой удел в этой жизни, как показывает практика, – лепить мотивации из человеческих мозгов, придавая им формы, какие мне заблагорассудится. И я без этого уже не могу.

* * *

– Ты вообще представляешь, как живут такие, как я?

Вечер начался с откровений моего уже, можно сказать, не новенького кандидата, и принимал этот разговор изначально не совсем приятную окраску, чем вызывал мои сомнения в его необходимости в принципе.

– Представляю.

– Да ни хрена ты не представляешь! Я получаю двадцать пять тысяч рублей. В начале каждого месяца покупаю себе рубашку и галстук – я же должен соответствовать «успешному» – это примерно три тысячи. Отдаю банку триста пятьдесят долларов ежемесячно на погашение

кредита, который я взял, чтоб купить гребаный Opel (я ведь должен передвигаться мобильно). Другому банку плачу еще трешку за вступительный взнос. Что-то проедается-пропивается. Кофе там в перерыве. Традиции при регистрации неполного пакета и т. д. К тому же еще жена и ребенок. И это нескончаемый круг. Кредиты, займы, скандалы с женой и, не дай бог, еще какие неприятности. Экономия, наверно, только на мелких радостях, типа пива под футбол по телеку с друзьями, они все равно все поотворачивались. А приходишь сюда – и тебе говорят о «ценностях», о «команде», о том, какие у тебя «перспективы», о «самосовершенствовании и общих целях», об успехе и о том, что ты, Виталий, полный бездарь, но все-таки компания позволяет считать себя партнером, гордо носить бейджик... и приходиться на каждое собрание, не дай бог, с опозданием, ведь вы все еще нужны команде. А ты думаешь, я сюда не за красивой жизнью пришел? Миллионером не хочу стать?

Этот вопрос прозвучал риторически и растворился где-то между клубов табачного дыма его не до конца затушенной сигареты.

«Все мы за этим приходим. Только кто-то не просто хочет, а что-то еще и делает для этого», – ответила я про себя.

– А тебе не приходила мысль, что мы занимаемся здесь подобным лохотронством?

– Мне? Честно говоря, нет, – а что я еще могла ответить. – Мы работаем с живыми людьми, продаем нормальную систему и получаем вменяемые деньги.

– Вот именно, что мы работаем с живыми людьми... Как с сырьем. Как с расходным материалом... Не подошла втулка, не отработала... ну, что ж. Другая практичнее будет. А о том, что это тоже люди, не задумывается никто.

«Что за нежный лепет? Откуда только берется эта тонкая душевная организация в людях, когда они тупо потеряны?»

– О тебе-то кто в последний раз задумался, Васильев? – мне казались подобные вопросы абсурдом. – Много ли кто?

В ответ последовала пауза.

– Это жизнь, Виталик. Либо ты, либо тебя. Снял бы уже розовые очки. Пора бы!

Он ничего не ответил. Он какое-то время увлеченно крутил в пальцах пепельницу, затем рывком толкнул ее в мою сторону и молча вышел из-за стола. Нервный скрип резко отодвинутого стула и удаляющаяся ссутулившаяся фигура в сером костюме.

«Эх, Виталик, знал бы ты, что приходит мне в голову последнее время! Я гоню от себя эту паранойю, я заставляю себя думать о том, что жизнь циклична и сейчас просто сложный момент переосмысления ценностей. На самом деле я все делаю правильно, двигаюсь в нужном направлении. А подобные мысли время от времени посещают всех. Но выяснять у партнеров, мучаются ли они теми же проблемами, я не стану. Страх показаться неуспешной или сомневающейся был сильнее, чем страх перед диалогами с самой собой. Их все равно никто не услышит».

Больше с этим человеком я на связь не выходила. Никогда.

* * *

Поразительное все-таки существо – человек. Только он может пятьдесят лет прожить плохо, а на пятьдесят первом просто взять все и поменять. А может, и не поменять, херя от зависти в чухлом возрасте, что жизнь так и не дала шанса. А может, и в двадцать ухватиться бульдожьей хваткой и выжимать до победного, пока своего не добьется. А может, и не взять, даже когда в руки вкладывают, когда показывают, как и откуда брать, да еще и сзади подпинывают, когда лупят по щекам, показывая на его нынешнее существование и призывая понять, что если не сейчас, то уже вряд ли когда еще.

Почему, когда протягиваешь руку, в нее максимум могут наплевать? Почему, когда посылаешь, за тебя начинают цепляться? Почему нельзя уже просто и нормально? Неваляшка правит бал, мать ее!

Что ты за существо такое, человек?!

* * *

– Проблема не в количестве, проблема в качестве, Ром, – мы сидели в «плетеном» ресторанчике отеля и не спешили разъезжаться после собрания. – Ни у кого из нас изначально не было идеи. Ни в чем и нигде. Мы просто плыли по течению, как и все. Но признайся, осмелюсь признаться, что мы всерьез не воспринимали и эту. Не криви душой, Ром. Первое время после вступления ты чувствуешь себя сначала полным идиотом, затем шматком на асфальте, раздавленным чьим-то нечищеным ботинком, а спустя некоторое время – редким продуманом, который обманул тут всех и вся, что сумел-таки отбить вступительный взнос, да еще и заработать немного. Лишь спустя еще время ты начинаешь осознавать, где находишься на самом деле, и все чаще находить себя в состоянии «Я – красавчик, мать вашу!», – Ромка заразительно засмеялся. – Все так чувствуют. Все, кто находит в себе силы делать хоть что-то, даже когда силы и нервы на пределе. Просто делать. – Мы сами себя победили, Ром. Априори – это мы! – я перегнулась через стол, насколько это было возможно, чтобы еще больше внедриться в его восприятие. – Мы говорили с тобой про систему, помнишь? Эта система во всем. В школе есть педагоги, на работах – начальники, и это понятно и логично. И какими бы козлами они ни были, они должны быть, они – часть системы. Так же и тут. Но это не значит, что система плоха. Ты сам любил повторять, что нет плохих дел, есть плохие люди. Так вот, здесь то же самое. Не поэтому ли ты хотел прорваться туда – вверх?

Ромка смотрел куда-то сквозь меня. Было видно, что он не совсем хотел обсуждать эту тему. Либо не со мной, либо не сейчас. Но тот факт, что впервые, пусть и вскользь, из его уст было упомянуто слова о некорректности нашего эксперта, заставил меня насторожиться. Никогда за все время моего пребывания в компании, ни разу я не слышала даже намек на критику в адрес руководства. Разные догадки лезли мне в голову, и ни одна из них не казалась мне радужной.

– Ты же хотел стать фигурой позначимее, не так ли, но в рамках все той же системы. Как это сделала Счастливая. И она молодец, пусть даже не все у нее идет гладко, судя по вступлениям.

– Лер, ты многого не знаешь, – среагировал он при упоминании фамилии Елизаветы, той самой, которая так неизгладимо впечатлила меня в день моего первого появления в филиале (мы даже успели с ней немного подружиться спустя время) и которая совсем недавно взошла на следующую ступень дома иерархического успеха, будучи кандидатом. Теперь нас разделяла бездна под названием «шеф – партнер», ни о какой дружбе речи уже идти не могло...

Но не о ней сейчас.

– Может, это и к лучшему, – я оборвала его на полуслове, чтоб не дать сбить русло разговора. – И тем не менее мы все знаем: самый сложный механизм не будет работать без маленькой шестеренки, но куда приятнее осознавать себя коленвалом системы, не так ли? Приятнее, но на данный момент мы всего-навсего шестеренки, но думающие шестеренками, Рома. И мы исправно работаем, пока нас регулярно смазывают – корпоративами там всякими, призами, подарками, поощрениями. А если нагружают, мы начинаем сопротивляться, а если при этом забывают еще и смазать, то начинали вообще протестовать. Но а как нас не нагружать, посуди сам? Половина не сдвинулась бы и с места, если бы ни прессинг и грамотные подсрачники. Это факт. И половина не добилась бы того, что имеет сейчас. Да, ни я и ни ты, чего скрывать? Но мы по-прежнему остаемся деталями системы, мы по-прежнему есть сама система. И нам

это нравится. Нравится. Я знаю, что нравится, вижу это. Так что это за мысли такие – оставить бизнес? Откуда они, Ром?!

Он не ответил.

Он просто больше не появился в фойе.

Мой Пригласитель, моя жилетка, опора и самый яркий пример в филиале.

А я так и не успела сказать ему «спасибо». За то, что показал этот бизнес, за то, что не просчитал и всегда поддерживал, как бы клинически мой колпак ни скатывался...

Стоит ли говорить, что номер телефона его тоже сменился?

Как-то быстро стало все меняться. Слишком уж быстро.

* * *

Вообще я люблю перемены. Они как-то ненавязчиво позволяют оставаться на плаву. Бизнес же научил разрушать, не сожалея. Он отчетливо дал понять: руины – лучший способ возрождения. И если очень хочется чего-то определенного в жизни, осмотришься, от чего ты готов отказаться взамен.

Отказываться со временем становилось все легче, и жизнь принимала все новые и новые повороты. Меня все чаще окружали другие люди, другие предметы, другие места и интерьеры. Мое видение мира и своего места в нем становилось иным, более масштабным, что ли, более емким. Я перестала бояться. Многого перестала бояться. Общественного мнения, по массе своей чаще негативного, перестала запрещать себе все то, чего безумно желаю, и меньше воспринимала сложности в рамках всей вселенной. Так было проще.

Только внутри что-то не совпадало. Будто никак не мог подобраться последний кусочек мозаики. Не самый основной, но чертовски незаменимый.

Я не сопливилась в подушку, как это могло бы показаться после упоминаний одиноких ночей, не зависала над романтической песенкой, играющей на повторе которые сутки, и не изображала из себя героиню «Сумерек», часть вторая, рабочее название «Как я умею красиво страдать». Не будет здесь соплей в сахаре – я приложу все усилия.

Словом, я продолжала жить, общаться, дарить и получать эмоции. Только я уже не всматривалась в лица людей, их порой становилось слишком много. И я ценила их совершенство и убогость одновременно, я понимала их значимость в моей жизни и ее отсутствие, я видела их целиком, но не вникала в детали. Потому что это были не те детали. Слишком размытые, если хотите, слишком тусклые, чтобы делать на них сильный акцент. Вроде и проскальзывает порой что-то интересное, а потом начинаешь всматриваться и понимаешь, что лучше бы не делала этого вовсе. Не то все, не то. Не та улыбка, не тот запах, не те мысли, не те жесты и совсем уж не то поведение...

Я эстетка, как выяснилось, черт возьми. Мне необходимо созерцать. Мне необходимо восхищаться и открывать для себя все новые и новые идеалы. Мне нужна красота в любых ее проявлениях: от изгибов обработанных тел до видов на морскую гладь, от совершенства линий нового Infinity Sport Coupe до цветущей вишни, от репродукций Врубеля до панорамного вида из окна небоскреба. Иначе я начинаю страдать. Иначе я начинаю впадать в депрессию и конфликтную ситуацию с самой собой в отсутствие прямого подтверждения, что мир все же не настолько уродлив, как чей-то целлюлитный зад.

И это болезнь, я знаю. И что в период обострения вытворяю нечто бесконтрольное. Но только как нельзя обвинить диабетика в том, что он диабетик, так страждущего нельзя обвинить в том, что он ищет. Ему лишь нужна периодически доза инсулина, чтоб жить. Так и мне нужна была доза: просто его видеть, просто с ним говорить. И хоть иногда не о бизнесе...

Барабанный дождь вырубил меня под утро.

* * *

Сон был тревожным. Такой сон выматывает поболее любого насильственного бодрствования. Он и не пускает окунуться в забытие, и не дает сознанию полностью возыметь свои права. Только пиликающий вдалеке телефон напоминал, что я где-то на грани реальности...

Утро неловко сползло на подушку низким серым небом и ватностью в голове. Среди трех пропущенных вызовов от кандидатов и друзей-полуночников висело СМС. СМС с неизвестного мне номера и с кратким лаконичным содержанием: *«Как вы относитесь к темноте, г-жа Батунина?»*

Первой реакцией была, конечно, мысль о паранойе. Или о чьей-то глупой шутке. Я еще раз перечитала высветившиеся цифры в поиске хоть какой-то зацепки, но, убедившись в бесполезности данного занятия, вылезла из-под одеяла. Гуляющий по полу сквозняк отозвался мурашками по всему телу, но не коснулся, к сожалению, пришибленности в голове. Я поплелась в ванную.

Вода умеет творить чудеса, убеждаюсь уже не раз, пусть это и не моя стихия. Под теплыми струями душа медленно, но верно сползала вездесущая сонливость, уступая место любопытству, которое, как известно, не порок. Ближе к вечеру мысли стали одолевать окончательно, и я решилась на диалог с этим невесть откуда взявшимся анонимом.

«Без нее не было бы света...» – набрала я в окошке под сообщением.

Что ж, каков вопрос, таков ответ, как говорится.

Ушел он, видимо, в никуда – ответа не последовало. Ни в этот вечер, ни в следующий. Хотя, не стану скрывать, я все чаще поглядывала на телефон, и даже во время структурных собраний держала его в пределах видимости. Интрига работала. И работала как подобает.

Остатки вечера я провела в ожидании. Ожидание приглашения на персоналку – меня снова оставили напоследок. У великих свои причуды, у Игоря Викторовича – свои.

Все это время, придерживаясь за высокий подоконник балкона второго этажа, я наблюдала за партнерами – вниз по лестнице неспешно двигалась группка мужчин с ежедневниками в руках. Они громко ржали и подпихивали друг друга под бок. Точно таких же я видела в фойе за узким столиком отельного бара, жующих местные бургеры во время обсуждений якобы бизнес-плана, и на парковке, выезжая из двора, я видела таких же, организованной толпой вместе со своими кандидатами (новенькими и не очень) шествующих к станции метрополитена, загребая туфлями сезонную грязь. Нет, ну прямо один в один.

Я вообще чувствую себя порой как в матрице, только вокруг не скользкие типы в солнцезащитных очках и костюмах, а долбоебы с совершенно пустыми и тем самым одинаковыми выражениями лиц. Они ходят кругом, они создают имитацию бурной деятельности, они говорят заученными фразами, совершенно не вникая в их суть и не одупляя, кто рядом с ними в данный момент находится, и порой мне кажется, что они плодятся прям здесь, в фойе. И мне, так или иначе, приходится с ними работать. Хотя единственное желание, которое они все вместе регулярно провоцируют, – это дать им хорошей пизды. И откуда во мне столько агрессии?

* * *

Дожди зарядили с новой силой. Осень. Это просто осень. Как же не хотелось, чтобы она наступила в душе. Но она пробиралась, и туда пробиралась.

* * *

Снова безнадежно опаздывая, я пыталась выудить из скопившегося бардака платяного шкафа хоть что-то походящее на деловой внешний вид. Костюм после субботней традиции был испорчен безбожно, и в возможность его восстановления я верила все меньше. Стягивая с вешалки мятую рубашку, которая, конечно же, повлекла за собой все остальное, висящее под, я больно запнулась босыми пальцами о замшевый сапог, непонятно откуда оказавшийся посреди моей комнаты. Смачно выругавшись, так, по-нашему, по-доступному, я, дотягивая чулок, метнулась за гладильной доской, и, конечно же, зацепила ее ножкой стоящий на полке подсвечник. Тот с грохотом приземлился на паркет, рассыпаясь деталями по периметру и оставляя мелкие царапины на ламинате. Как же все это раздражало. Как бесило. Вся эта беготня. Вся эта спешка и постоянная нехватка каких-то гребанных десяти минут. Хотелось просто все бросить и послать к чертям собачьим. Но кандидаты с гостями уже выехали, утренний нагоняй от эксперта получен, и на кону сегодняшнего дня стояло пять тысяч евро, поэтому все в том же темпе я раскладывала гладильную доску, передавливая ногти, и отпаривала жеваную блузку. Последней каплей в апогее раздражения стала запиликавшая вдруг мелодия СМС-уведомления. «Твою же мать! – промелькнуло в мозгу. Как не вовремя. Как же все не вовремя». С грохотом захлопнув возникшую вдруг на пути дверь гардероба, я откопала мобильник из-под вороха разбросанного белья и села...

Все на мгновение зависло на паузе и через секунду запустилось вновь, но уже в каком-то ином своем темпе.

Печатные строчки в узком окошке дисплея: *«Вторник в 20:30, ул. Октябрьская, д. 2. Попробуем темноту на вкус?»*

Стоит ли упоминать, что это был все тот же неизвестный номер?

* * *

Я не понимала, куда собираюсь. Легкий макияж, любимое платье, пара привычных аксессуаров и клатч. Мой самый удобный, лаковый. И такой же плащ из тонкого материала, больше несущий на себе роль элемента стиля, нежели утепленного варианта одежды.

Все мои «балбесы» были переведены в режим автономного существования и, обещаясь провести все встречи без сучка и задоринки, договорились выйти на связь после десяти вечера. Не все, конечно. Да всех и не надо.

* * *

Я поймала попутку. В желающих подвести за энную сумму дефицита никогда не было. Я прыгнула в старенький «Форд» кирпичного цвета на заднее сидение. В последнее время именно сзади и именно справа меня прельщали потрепанные дороги мегаполиса.

Уже стемнело. Быстро стало темнеть. Декабрь как-то резко овладел природой, придав ей больше серости, опустив на людей тяжесть небес и холодные капли вместо положенных уже бодрящих морозов. Пелена задумчивости вуалью накрыла блуждающие мысли. Я всматривалась в проезжающие мимо авто с куда-то спешащими пассажирами, вечно спешащими, вечно куда-то. Куда только? Туда, где ждут. А ждут ли? И куда, собственно, спешу я? На встречу с неизвестным, елки-палки...

Я улыбнулась собственному сарказму. Да уж...

Это же точно с такой же вероятностью мог быть чей-то приколы. Просто милая шутка. Глупая, но определенно для кого-то смешная. Потому что всегда, когда кому-то хорошо, найдется тот, кому от этого будет плохо. Мне же просто хотелось жить сегодняшним моментом и выпивать его до конца. Вот и ехала я непонятно куда, непонятно зачем, прихватив с собой еще и авоську с сомнениями. Как же они могут иногда изводить и выматывать...

Но на этот раз нервозности, как ни странно, не было. Было лишь спокойствие и внутреннее легкое напряжение, больше характеризующее собранностью и ожиданием. Да или нет. Нет или да. И единственный способ это проверить находился уже в десяти минутах езды от пункта назначения.

* * *

Вы когда-нибудь ступали в темноту с закрытыми глазами, не имея ни малейшего предположения, что там и как? Когда в голове пульсирует страх неизвестности и самобичевание по поводу не купленного по дороге фонарика. Так вот, я чувствовала нечто подобное, когда стояла перед затемненными дверьми ресторана. Стояла и не решалась войти. И не потому, что стеснялась, потому что боялась. Боялась, что вот сейчас открою дверь, переступлю порог – и возле узкой стойки ресепшена меня встретит приветливый хостес, вежливо снимет мой плащ и проводит в зал, полутемный такой, с круглыми столиками. Что я приостановлюсь на его пороге и медленно обведу зал глазами, медленно, очень медленно, чтобы вдруг не пропустить... И не найду. А потом всю дорогу буду чувствовать себя плевком на асфальте, и не из-за обиды и неоправданного ожидания, а из-за того, что так дешево позволила себя развести...

* * *

Я, наверное, так и не пересекла бы порог, если бы не открывшаяся изнутри дверь. Вышедшая парочка недвусмысленно на меня посмотрела, а улыбчивый хостес, как я и предполагала, любезно предложил мне войти. И я вошла.

«Чтоб ты сдохла, трусиха!» – выругалась я на себя в сердцах и, не дожидаясь обходительности, начала стягивать с плеч плащ. Получилось все очень дергано, потому что на нервах, черт возьми! Ну и хрен с ним! Шаг уже сделан, и отступать больше некуда – позади недоумевающий гардеробщик и отсутствие номера. Откинув взлапмоченные пряди волос со лба, я переступила порог в фойе ресторана.

* * *

Вам, конечно же, хочется знать и как можно скорее, что там было и было ли вообще. Только я не знаю, что вам сказать. Не знаю. Просто не могу, потому что подобной бури эмоций у меня давно уже не было. Я стояла, чувствуя, как внутри набухает какая-то гремучая смесь, неизвестная и потому опасная, как назревает взрыв мощностью не менее тысячи граммов в тротиловом эквиваленте как минимум. Но это все было только внутри, а снаружи – лишь мягкая полуулыбка. В ответ на пустоту.

Я стояла как вкопанная и смотрела в пустой зал. Нет, люди там, конечно же, были: одна парочка сидела у окна, видимо, только начиная свой романтический ужин, другая где-то за полупрозрачной ширмой расположилась на мягких диванчиках, кто-то невозмутимо потягивал кальян, кто-то лениво копался в ноутбуке, кто-то о чем-то оживленно беседовал. Другими словами, все были заняты своими ежеминутными делами, но никто из них точно не ждал меня...

Я так бы и простояла, как дура, если бы наблюдавший за мной все это время менеджер зала не проявил инициативу и не спросил наконец: «Девушка, это именно вас, вероятно, ожидают. Пройдемте со мной».

Мы спустились на два пролета вниз в еще более затемненное помещение, и я присела на широкий диван, пока сопровождающий объяснял моменты поведения в темноте основного зала. Я честно пыталась слушать, только мысли сбивались, и перекрученный, видимо, при надевании чулок сильно сдавливал ногу. Я чувствовала себя школьницей на первом свидании в убийственной смеси смущения и ликования. До тех пор пока меня не пригласили к черной дыре входа. Все металлические и так или иначе светящиеся предметы пришлось сдать в специальные ячейки хранения. Телефон ушел туда же. Вообще отлично!

Официант не заставил себя долго ждать – он появился из плотной черной ширмы в темных очках и наушнике. Он объяснил элементарные действия при входе и посадке, а также некоторые мелкие нюансы, затем просто повернулся спиной и попросил, встав четко за ним, положить руку ему на плечо. Я так и сделала. Это и был тот самый момент, когда отступить было уже некуда.

Мы вошли. Темнота. Кромешная темнота. Сначала она пугает. Ты чувствуешь, как учащается дыхание, как потеют ладони и как сердце колотится где-то в висках. Как трясущимися руками нащупываешь стул, кажется, деревянный с довольно высокой спинкой, чтобы согнуть наконец ватные ноги, успевшие затечь за какие-то считанные минуты. Затем начинаешь прислушиваться к ней, будто знакомиться, ощупывать привычные предметы обихода, с которыми сталкиваешься ежедневно, не придавая им никакого значения, – контуры чашек, изгибы широких блюд и прохладу столовых приборов. Их образы будто фрагментами вспыхивают в голове и тут же гаснут, сменяясь новыми картинками. А где-то изнутри прорывался неопишущий детский восторг, как будто ты заново учишься чувствовать.

Все оказывается совершенно иным, когда перестает быть привычным.

И я попробовала. Я поднесла свою ладонь вплотную к глазам, но ничего не изменилось. Темнота есть темнота. Она тем и прекрасна, что не имеет оттенков.

Я не видела собственной руки. Я знала, что она есть, но ее как будто и не было. А если я ее не вижу, как доказать, что она есть? Выходит, что никак. И простое знание без рационального подтверждения, получается, бывает сильнее очевидного...

«Вот это философский приход у меня случился», – пронеслось в голове.

И я улыбнулась очередной своей глупости, все равно ж никто не видит, а потом успокоилась, расслабилась и просто стала ждать. Ждать и слушать, как темнота начинает проникать в меня. Медленно вползает, впитываться сквозь поры и будто наполнять чем-то объемным и теплым. Мысли уже не мечутся в панике, как телевизионная рябь, а начинают ловить сигнал будто изнутри. Будто нечто более мощное, опирающееся исключительно на сенсорное восприятие, становится твоим новым я.

Насколько же мы сами себя не знаем.

Я даже закрыла глаза, что не имело в принципе никакого логического значения, а так, скорее, привычка на уровне физиологии, и сделала глубокий вдох, чтобы случайно не потерять это состояние. Но оно и не думало теряться, напротив, лишь набирало силу, пробуждая вслед за собой желание тут же применить его на деле. И я взяла бокал. Нет, я не видела его, я просто знала, где он находится, знала с точностью до миллиметра по поверхности стола. Я знала, я его чувствовала. Холод стекла резанул мои пальцы, оказавшиеся вдруг такими горячими.

– Добрый вечер, госпожа Батунина! – раздалось вдруг откуда-то из глубины шуршащим шепотом.

Сказать, что я вздрогнула, – ничего не сказать. Я чуть не описалась с перепугу!

Все мои обретенные только что духовные открытия как рукой сняло. И, сдерживаясь из последних сил, чтоб не сорваться на смех, я так же шепотом выдавила: «Добрый...»

– Надеюсь, не сильно испугал?.. – проурчал он своим фирменным грудным голосом, и мурашки новым заходом пронесли по спине, съезжая затылок.

Голос. Этот голос я не могла не узнать. Этот голос я не могла перепутать. Я уже успела соскучиться по этому голосу, хотя слышала его буквально с утра.

Только утром это был он, но как будто и не он вовсе. С тем, утречным, у нас уже сложилось четкое выстроенное понимание, а с этим... с этим мы будто знакомились заново.

Интересный, однако, получается ход. Человек один, а линии общения разные.

Я, кажется, говорила, что люблю ящики с двойным дном? Друзья мои, изъясняйтесь четче в своих предпочтениях!

– Скажу так. Впечатлили! – ответила я, всматриваясь сквозь темноту ему в глаза. – В который раз...

– Даже так?

– Даже!

И пауза. Тягучая такая молчаливая пауза. А что я еще могу сказать? Ведь я его даже не вижу! И вообще, я еще от сложившейся ситуации отойти не могу, а тут мне уже диалог вести надо. Да и о чем? Кто сейчас передо мной: друг или руководитель? Где эта тонкая грань, если перешагнуть которую, многое может принять неоднозначное русло? Хотя зачем я сейчас здесь? Бизнес-планы на сегодня мы уже обсудили...

Я подалась вперед, оперевшись локтями о стол, и буквально считывала его мимику. Тонкий аромат его парфюма, тот самый, вновь взбудоражил мое обоняние, и голова небрежно пожелала мне: “счастливо оставаться”. И я осталась с непреклонным желанием накинуться на него, накинуться в прямом смысле слова, здесь и сейчас; стиснуть, насколько хватит силенок тонких рук, слиться с ним, уткнуться носом «домой» и не двигаться. Просто замереть, даже не дышать, возможно, чтоб не терять на это силы и не отвлекаться.

Господи, вот это химия! Вот шторит, так шторит! И с каждым разом все сильнее. Это уже диагноз, видимо. До этого момента я иногда еще успокаивала себя, что просто путаю чувство глубочайшего уважения и перманентного восхищения с чем-то более тонким, более сильным и личным. Сегодня остатки самовнушения на эту тему были выжжены напрочь. И от мыслей на эту тему становилось как-то жарко и страшно... Страшно, потому что избавиться от этого я возможности для себя уже не видела... Ни временем, ни переменами.

Знать бы, что оппозиция думает на эту тему. Неопределенность, она, как известно, имеет свойство угнетать. В моем случае она принимала уничтожающий характер. И я уже была готова это сделать. Еще секунда – и я бы оказалась по другую сторону стола. Я бы нашла, я знаю, нашла бы, но не успела: появившийся как из ниоткуда официант принялся заботливо обставлять нас блюдами и тарелками, что-то монотонно объясняя. Что-то, я не помню, что, я его не слушала. Я уже ничего не слышала. В очередной раз достигшая апогея решимость должна быть переборота. В очередной раз погашена. В очередной раз... Почему? Я обхватила лицо ладонями, пытаюсь удержать себя в руках, и чуть не влезла рукавом в салат.

– Да, блин... Как у тебя там успехи? – выдернули меня знакомые нотки. – Я вот уже третий раз пустую вилку ко рту подношу.

– А вы руками попробуйте, – встряхнулась я, – так, говорят, вкуснее.

– Да и вправду, – хмыкнул он, и холодный звяк отлетевшей в сторону вилки был ярким подтверждением отсутствия всяких рамок приличия хотя бы на этот вечер.

И он теперь обещал быть легким.

* * *

А мы болтали. Мы просто болтали. О всякой ерунде, о каких-то глупостях, иногда вставляя короткие смешные истории, прикольные именно своим идиотизмом, над которыми мы

дружно смеялись. Темнота раскрепощала. Она играла на руку, потому что это был именно тот случай, когда визуальное общение пришлось бы некстати. Оно, как всегда, оставляло бы в себе недосказанность, и я бы тогда не сдержалась...

Также были только слова, а с ними проще договориться. И он говорил, много говорил, много рассказывал, и это было далеко не общение вышестоящего с подчиненным, нет, скорее, двух людей, которым есть чем поделиться друг с другом, легко и непринужденно.

И он делился, а я впитывала. Я знала теперь, что одно из его любимых блюд – салат из свежих огурцов и помидоров со сметаной («весенний» он, кажется, в быту называется), а именно соус, который дают овощи после отстаивания в холодильнике. Что штурмует ночами запасы съестного, от чего немного озадачивается, ведь такие набегі отражаются на том, что впоследствии компенсирует спортзал, на который, как известно, никогда не остается времени. О том, что гоняет на картинге и не любит выпивающих дам. Вообще. И еще много и много всего. С одной стороны, совершенно не важного, а с другой – невероятно значимого, ведь это был первый и единственный на данный момент раз, когда мы не говорили о бизнесе.

Я же в свою очередь рассказала о том, как боялась его энергетики и оглушающего голоса по утрам в телефонную трубку на первых неделях, как не понимала, почему новеньким партнерам именно своей рукой нужно подписывать бейджики, как эксперты могут в действительности не спать по 25 часов в сутки... и что люблю его. Да шучу я! Нет, конечно, не сказала. Не смогла бы. Струсилa. А хотелось, очень хотелось. Буквально срывалось с языка. Во время ужина, в холле, когда вышли из зала, впуская в свой мир мягкие отголоски света, когда делились впечатлениями, будто видя друг друга в первый раз, и особенно когда стояли возле распахнутой дверцы такси уже минут пятнадцать и все никак не могли наговориться. Он придерживал раскрытую дверь машины чуть выше моих пальцев, а меня так тянуло прикоснуться к ней, хотя бы украдкой, незаметно – своровать его тепло и запах на память о сегодняшнем вечере.

«Господи, останови время, ну пожалуйста. Я ведь так редко тебя о чем-то прошу!»

И я тянула его, как могла. Но повисшая вновь молчаливая пауза оказалась безжалостнее. Тонкое понимание в глазах, что на сегодня пора заканчивать, легкая полуулыбка, кивок, и я быстро погрузилась в такси, захлопнув за собой дверь, чтобы сразу сорваться, чтобы сразу уехать и не поддаваться нарастающему желанию остаться и сказать еще что-нибудь ненужное.

Нервный таксист рвал мотор, а я прислонилась виском к холодному стеклу и редела. То ли от перенапряжения за этот сумбурный вечер, то ли от нежелания его завершать. Какая я все-таки дура.

«*Напиши, как доберешься*», – продекламировало высветившееся СМС. От него. Я улыбнулась в ответ телефону и тихо прошептала: «Хорошо, напишу». И огоньки неоновых вывесок с какой-то приятной грустью сопровождали меня всю дорогу. Я быстро разулась в полутемном коридоре, юркнула в ванную, и, только приняв теплый душ и зарывшись в мягкое одеяло, я написала ответ. Два слова: «*Я дома*».

«*Доброй ночи*», – пришло через минуту. И это было самое лучшее завершение дня. Почти что как раньше, только в этот раз несколько иначе. Я уснула мгновенно.

* * *

Жизнь – куда более интересная штука, чем работа по восемь часов в сутки.

Я бежала по мокрому асфальту с яркими пятнами пряных листьев вдоль бордюра, мимо задумчивых блочных домов и массивных деревьев, уже полысевших от смены сезонов, но так до сих пор и не покрывшихся пушистым настилом. Старый дворник скрежетал широкой лопатой, собирая остатки листвы их повествований, чтобы потом кто-то бестолковый, как я, разбежался и размашистыми движениями разбросал его труды по периметру. Но он ведь не рас-

строится, верно? Он ведь не об этом думает, хотя кто знает, о чем он думает, шелестя метлой целыми днями. Зато на свежем воздухе. Я, правда, немного опоздала с романтическими замашками, и разбрасываться листьями принято по всем законам жанра месяце эдак в сентябре, но никогда не поздно быть глупой, особенно если счастлива.

* * *

Я зашла на детскую площадку и присела на веревочные качели. Как же мало нам тогда было надо. Как же быстро мы перестали это ценить. Я включила плеер и стала рассматривать небо, раскачиваясь все быстрее. Спокойствие. Даже в привычных действиях отражается только спокойствие. В шелесте проезжающих мимо машин, уже переобутых по массе своей в шипованную резину, в движениях людей, шлепающих в характерной задумчивости, и даже в мыслях, никогда не оставляющих большую голову. Нет суеты, ей просто нет здесь места.

А ведь получается так иногда все-таки жить. Без лишних движений, без ненужных метаний, не приносящих никаких результатов, а так доходчиво, глубоко, насыщенно, смакуя каждым глотком происходящее рядом и чувствуя, как оно наполняет тебя изнутри, а не хватать кусками верхушки, лишь бы только успеть.

Я качалась на детских качелях, и мне было настолько комфортно в своем задумчивом одиночестве.

Так началось мое утро среды.

* * *

Со вчерашнего вечера я никому больше не звонила. Телефон и в данный момент оставался дома на беззвучном режиме, совершенно никак не отзываясь на отдыхающей совести. Не хотелось мне кого-либо сейчас контролировать, что понаделали за вчерашний день, с тем и будут работать. Заодно и посмотрим, как они справляются в автономном режиме. Пусть это будет для них своего рода зачет.

* * *

После трех выяснилось, что «неуд» и профилактический нагоняй схлопотала сегодня я, причем по полной программе. Основная ошибка моя заключалась в том, что я наивно полагала, что по ту сторону мне ответит мой вчерашний новый знакомый, а получилось общаться с хорошо известным уже человеком под рабочим именем Эксперт. Мне ясно и доходчиво дали понять, что «дружить» со мной никто не собирается, по крайней мере, не по этому номеру. Поэтому расслабляться не стоит.

Дата пересдачи была назначена на полночь следующего дня.

– Дело не в том, что вы, простите за выражение, просрали день приглашений, а как следствие, качественную работу на выходных. Вы показали свое истинное отношение ко мне и к бизнесу, – я назначила внеплановую встречу своей структуры, прихватив за компанию ведущего ответственного филиала Ивсеева, который чуть ли не один в один продемонстрировал своим примером реализацию минимального примера таблицы и с которым мы в последнее время негласно работали в паре, к слову, эксперты у нас были разные. – И бог с ним, ко мне – меня любить не надо. Это моя прямая обязанность – вывести вас со ступени кандидата на самостоятельный уровень. Только вывести – это никак не значит сделать все за вас. Не надо путать хорошее отношение со слабостью и на этом фоне пытаться сесть на шею. Панкин, к тебе претензий нет, – поправила я, уловив недоуменное покашливание с другого конца стола. –

Ты у меня здесь в качестве исключения и примера человека, которому «надо». Которому без разницы, отвечает мой телефон или вне зоны действия, он идет и делает, не обкладываясь блеющим голосом причинами и форс-мажорами мне в трубку. Потому что делает это прежде всего для себя, а не потому, что я напомню десять раз и эксперт вдогонку накатит, не так ли, Антон Валерьевич?

– Так ли, так ли... – не без удовольствия закивал Панкин.

Хороший партнер, чего скрывать. Мне с ним было просто работать. На него же я и делала большие ставки, несмотря на то что поначалу не совсем все складывалось. Тут, как говорится, Приглашителей не выбирают. Выбирают свое движение по жизни.

– И знаете что, друзья мои, мне это порядком поднадоело, – я обвела взглядом всю свою пока немногочисленную, как мне казалось, структуру из восьми человек. – Из недели в неделю одно и то же. Теперь работать я буду исключительно с теми, кому действительно надо. Тянуть и подпирать больше никого не собираюсь. Вас вон сколько, а я одна. И мне есть чем заняться, нежели по десятому разу объяснять вам элементарные вещи, которые вы и без меня прекрасно знаете?

Восемь пар глаз молчаливо внимали.

– Все. Обсуждать нам с вами больше нечего – бизнес-планы, кому надо было, мы разбирали еще в начале недели. Кто опять проспал – спите дальше. Кто проснулся – время до конца принятия заявок экспертом у вас еще есть. Действуйте, – я демонстративно бросила взгляд на свои новенькие «кельвины», круглые, черненькие, без циферблата. Время на них понимала, наверное, только я. Да и не во времени дело, в век мобильных телефонов-то, часы для меня давно уже являлись чем-то вроде стильного аксессуара. – Никого больше не задерживаю.

– Я не перебарщиваю, Стас? – обратилась я уже к Ивсееву, когда все разошлись. За время всего моего монолога он не произносил ни слова.

– Да нет. Хорошо, Лер, – последовало резюме. – Они у тебя по струнке ходят. А по твоему виду сразу и не скажешь, что в тебе, оказывается, столько суЧности, когда дело касается дела...

– Чего?! – изумилась я.

– В хорошем смысле слова, – улыбнулся он. – Иначе, наверное, здесь никак. Либо черствеешь, либо потопят. Сейчас вообще пошла мода на сильных женщин, как я погляжу, – продолжил он больше, как факт размышления, нежели диалога. – Таких остервеневших барышень с ярко выраженными скулами и алой помадой. Они, как правило, все закомплексованы и зациклены исключительно на своих потребностях, капризах и маникюре...

«Но ведь это ваших рук дело, дорогие мужчины, – продолжила я уже мысленно. – Вам же нравится подобного рода поведение, когда стройная накрашенная дамочка в приталенном деловом костюме решает задачи на уровне ваших. И неплохо так решает, смею заметить. Вы кайфуете от этой жадной смеси красоты и опасности, чей аромат остается еще долго после ее ухода из поля вашего зрения. Или боитесь ее. А иногда и то и другое. И знаете, в чем основная суть? В том, что вы сидите в поиске собственных мыслей между головой и штанами, представляя ее образ, и мысленно вспоминаете дату в календаре ее следующего появления в тот момент, когда она с легкой самодовольной улыбкой просчитала ваши ходы на несколько шагов вперед. Может, действительно прав был дедушка Фрейд...

Аферистка! Сука! Пусть и с милым лицом и острой соображалкой, – скажете вы спустя какое-то время, когда в положении ваших дел будет очевидное фиаско. – Хитрожопая тварь! Но жопа отменная...» И вы будете абсолютно правы. Абсолютно, мальчишки. И нет приятнее комплимента после подобной победы. Только не стоните потом, как вам сложно управляться с самоуверенными сучками в ваших постелях, никто из вас даже не задумывается, каково это – тянуть ляжку на вашем уровне и при этом оставаться хрупкой женщиной. Такая смесь вообще дается единицам. И это уже искусство!»

– Мы к нашим поедем сегодня? – вернул меня из размышлений голос Стаса.

– Разве сегодня? Ах, ну да... четверг же, – опомнилась я и снова посмотрела на часы. – Они, как обычно, в «Лотте»?

– Ну да. Всем составом.

Я замялась. Это была уже система – негласный сбор наиболее ярких личностей среди О. О. по четвергам на нейтральной территории. Когда структуры уже заканчивали обзвон с заявками и вся основная работа перед предстоящими выходными была проделана, можно было приятно провести время в кругу единомышленников и обсудить с коллегами те или иные ситуации бизнеса. Это спланивалось, позволяло тоньше и грамотнее чувствовать друг друга в фойе и являлось большим комплиментом, когда становишься вхожей в этот круг «избранных». Около месяца я не пропускала ни одного подобного слета, сегодня же имелись дела поважнее. Поинтереснее, я бы даже сказала.

– Я не знаю, успею ли... мне еще в «Ренессанс» заскочить надо.

– А что там?

– Да так, встреча еще одна. Надо пообщаться с человечком... – заерзала я.

– Составить компанию?

– Нет, не надо, Стас. Это так, холодняк, но на будущее можно проработать.

– Про лички не забываешь? – улыбнулся он. – И правильно.

– Ну, сам же знаешь, сегодня структура работает, завтра сдохла. А кушать хочется всегда, – пожала я плечами, стараясь придать этому более наигранный вид.

– Это да! – попыток Ивсеев, поднимаясь из-за стола. – Пошли, подброшу тебя...

– Может, подождать? Ты долго там будешь? – спросил он, притормозив у парадного входа отеля.

– Стас, не могу сказать, как пойдет. Сам же знаешь, бывают разные истории. Долго я высиживать не собираюсь, но, может, прозондировать придется... – никак мне не нужно было пускать его внутрь. Раз уж вызвался подвезти, было бы странным отказываться, нелогичным, но допустить, чтоб он зашел со мной... – Да и что тут столько времени делать будешь? Езжай лучше к нашим, я, если быстро освобожусь, тоже подъеду.

– Ладно, – он пожал мне руку. – Звони, если быстро освободишься, я, может, еще рядом буду.

– Договорились.

Я быстро прошмыгнула в отель, убедившись, что он начал движение. Хорошим был он, этот Стас Ивсеев. Позитивным. И понимание жизни его мне изрядно импонировало. Побольше бы таких людей – и степень адекватности мира смогла бы выдать прирост. Но не об этом сейчас...

Меня ожидали. Я очень надеялась, что ожидали. И встречалась я никак не с потенциальным гостем, как преподнесла это ранее. И даже не со знакомым-другом-любовником, как можно было бы предположить. На часах было начало двенадцатого – это время не тратят на рядовое общение в принципе, а мне еще нужно было пересдать зачет.

Он сидел в дальнем углу кафе и говорил по телефону, поэтому не сразу среагировал на мое появление. Я делала нерешительные шаги в его направлении, пока не встала почти вплотную.

– ...Я перезвоню тебе позже. Все. На связи, – донеслись до меня обрывки разговора, когда я оказалась в его поле зрения.

– Вечер добрый, – выдавила я и уселась в кресло напротив.

– Так ночь уже на дворе, Лера Михайловна, – было адресовано мне вкупе с открытой улыбкой.

– Моя ночь еще не наступила.

– Какая вы самодостаточная – даже ночи свои! – ерничал он, явно разряжая обстановку. – Похвально!

– Стараемся, – я изобразила улыбку, от нервов она наверняка получилась кривой.
И пауза.

– Закажите что-нибудь? Чай, кофе? Поздний ужин?

– Если честно, ничего не хочется. Недавно из-за стола.

И снова пауза.

Не клеился разговор. Ну, не клеился. И все тут.

Я столько ждала этого момента, столько мне нужно было сказать, столько объяснить и поведать... Сколько раз я репетировала этот разговор, готовила речь, грамотную, чтоб без воды и без лишних заминок, а чтоб все о главном, по теме, как говорится, и ничего не забыть. А сейчас сижу, как пень, и слова родить не могу. Только откровенно пялюсь в его искрящиеся глаза, которые даже в приглушенном освещении, как всегда, взирают исподлобья, как всегда лукавые и своенравные. Как же я хотела их увидеть, черт возьми! Как же соскучилась по этой легкой безуминке!

– И не холодно вам так ходить легко одетой? Зима все-таки уже, – последовала очередная попытка. – Заболеете.

– Не заболею, – будто нарочно расставляя акценты на фразе, ответила я. – У меня ЦЕЛЬ есть!

– Даже так... – он искренне изумился.

Чего я добиваюсь? Вот чего я этим добиваюсь?! Что за прикрытая провокация из меня выпирает, не могу понять. Сама часы взглядом изнасиловала, пока ждала времени приехать сюда, а сейчас сижу, как еж, вся такая неприступная, непоколебимая. За каким хреном приехала тогда, спрашивается? Или это от нервов все? Хотя не рано ли в моем возрасте на нервы-то ссылаться? Это смотря какие нервы и смотря как ими пользоваться...

Господи, еще и спор этот непонятный опять в голове. Он меня когда-нибудь с ума сведет точно!

Просто, наверное, я всегда ждала именно мужских поступков от своих мужчин. Или просто от мужчин. Или просто поступков. Но складывалось так, что я все время выполняла их сама. В этот же раз я не решалась. Все, на что хватало у меня силы духа сейчас, – это смотреть и ждать, проклиная себя за эту полную дурость.

* * *

Спустя какое-то время мы остались одни. Совсем. Мне казалось, в целом мире на данный момент существовал только этот гостиничный номер. Играла музыка. Легкий женский вокал, приглушенный свет и наши фигуры. Я не помню, как оказалась здесь, верите? Как гипноз, как провал в памяти... Вроде вот-вот сидели за столом и буравили друг друга взглядами, а потом хоп – и уже здесь. Магия притяжения, скажите? Или мне это снится?..

* * *

Он обнимал меня нежно и крепко, как мужчина умеет удерживать нечто принадлежащее только ему. А я завидовала сама себе от настолько близкого его присутствия, боясь полностью закрыть глаза, чтоб не задохнуться от нежности его прикосновений, и до сих пор не верила, что это – реальность. Какой же невыносимо приятной реальность иногда может быть...

Отсутствие на моих ногах туфель, а вместе с ними и десяти сантиметров роста играли свою роль – я доставала ему лишь до груди. Неумело как-то обхватив его за торс, я услышала сквозь рубашку пульсирующие удары где-то чуть левее, я почти чувствовала, как они проходят сквозь меня, и невольно прижималась еще сильнее. Я закрыла глаза. Его дыхание на макушке моих волос то и дело бросало в жар. Я старалась не вздрагивать при каждом его выдохе, потому

что и без того чувствовала себя даже не то чтобы школьницей, а скорее робким Бэмби, трясущимся от каждого шороха, но получалось с трудом. Я не понимала себя. Это как будто не я была вовсе...

Теплое прикосновение руки нежно приподняло мое лицо за подбородок. Я не размыкала ресниц. Я растягивала момент ожидания. Он был изнуряющим и внезапным одновременно. Я чуть вздрогнула и поддалась влажному прикосновению. Его губы были нежны – от таких не убежишь.

Он целовал меня, едва касаясь губами, а я растворялась в каждом поцелуе. Я теряла опору под ногами. Во мне не оставалось уже ничего своего – я лишь прогибалась на его руках, умирая от прикосновений его губ к моей шее где-то в районе ключицы.

«Только не останавливайся. Только не прекращай, – мысленно умоляла я. – Иначе я сойду с ума. Сойду с ума от переполняющей меня нежности, от этой сумасбродной любви... к тебе, Игорь». И, будто чувствуя ослабление, я обхватила его ногами за торс, нарушая естественные изгибы струящейся материи моего платья. Я вцепилась в его плечи обеими руками и жадно прижалась виском к его щеке.

– Не отпускай меня, слышишь? Только не отпускай, – шептала я, не размыкая ресниц.

И он держал. Держал крепко, пока мягкость кровати не сменила его горячие руки.

В этом мире существовал только он.

– Оставайся рядом... тебе понравится, – тихонько проговорила я, прежде чем уйти.

А теперь главное – не прикасаться к нему, главное – пересилить это искушение, развернуться и захлопнуть за собой дверь, иначе я не смогу поступить иначе. Не смогу. А неваляшкам свойственно отталкиваться...

* * *

– Ты говоришь заученными фразами, друг мой, – Юров был на взводе, хоть всячески пытался держать себя в руках. Его злость выдавали раскрасневшиеся щеки и чрезмерно сморщенный лоб. Редко он пребывал в подобном расположении духа, насколько я вообще могла судить. Чтоб довести его, нужно было изрядно постараться, но уж если удалось, то единственным спасением для всех оставалось «правило съеба» – врассыпную, господа, врассыпную, и лучше не оглядывайтесь!

– А ты... вы – нет?! – с не менее яростным лицом парировал его оппонент. То, что он в данный момент подписывал свой приговор, он, видимо, пока не догадывался. Но господин Телясин в последнее время чрезмерно отличался своей недальновидностью, заносчивостью и абсолютной бестактностью. Одним словом, «звезда» плотно села на голову и уже начинала давить на глаза. С чего бы только она вообще появилась, до сих пор остается загадкой.

Собрание ответственных вообще сегодня прошло как-то напряженно, то, что творилось после него, не хотелось даже комментировать. Я стояла в трех шагах от столика, за которым Николай Юров пускал своих бывших кандидатов в разнос, и не решалась подойти. Пару дней назад я попросила Колю выделить мне время для прояснений некоторых моментов в работе со структурой, потому что чувствовала, что многие ляпсусы, которые порой вытворяют ребята, – это, скорее, мои косяки. С легкой руки он назначил мне сегодняшний вечер после внепланового собрания. Время подходило, и я просто не знала, куда деться, не желая прерывать его речь, протекающую не в позитивной ноте. Как говорится, под горячую руку попадать всегда обидно, тем более человека, который у тебя в авторитете.

– Тебя послушать, так в мире вообще существует только две книги – Библия и Устав, – продолжал в тот момент Телясин. – Ведь если эксперт сказал носить темный костюм, значит, его надо носить, а если назначены вступления, значит, их надо выполнять. И так до конца дней, пока смерть не разлучит нас. Так ведь, господин Юров?! – диалог, случайным свидетелем

которого я оказалась, приобретал совсем уж удручающий поворот. И кое-кто делал это целенаправленно. – Или, может, Бог сначала создал «Априори+», а потом в качестве расходного материала все остальное?

Юров на секунду осекся. Было заметно, как его мысли колеблются перед выбором дать затрещину сразу или объяснить, кто что создал и что следует выполнять уже за пределами здания. Потом вдруг резко откинулся на стуле, и я ненароком попала в его поле зрения. Он секунду водил по мне взглядом, затем, будто вспомнив что-то значительное, кивнул и жестом позвал подойти.

– Ей можно... – услышала я негромкое объяснение изумившемуся было Смалову. И сидящий рядом с ними партнер подорвался, уступая мне место.

– Присаживайтесь, госпожа Батунина, – было адресовано уже мне. – У нас как раз здесь высказывается очень любопытное мнение, жаль только не совсем успешного партнера. А мы вот пытаемся гадать, это ли является основной причиной его неудовлетворенности или просто врожденная тупость, – заканчивая фразу, он вновь обратился в сторону Телясина: – А теперь послушай меня, господин Успешный, и все остальные тоже примите к сведению. Не тебе, очкастой морде, судить, кто и что создал. Ты вообще ничего не создал за всю свою зачехленную жизнь и вряд ли когда создашь что-то, кроме лишнего геморроя. Или, может, тебе напомнить твою квалификацию? – это была уже даже не злость, это были факты, которые выдавались коротко и четко в цель с нотками предупреждения. Обсуждениям места здесь не оставалось совершенно. – Поэтому слушай и выполняй, молча причем, я подчеркиваю, молча, все, что говорят тебе люди, знающие в разы больше тебя, как работает этот бизнес. Если же тебя что-то вдруг не устраивает, можешь собираться прямо сейчас и уеб***ать. Никто особо не расстроится, если что, могут даже помочь. Я помогу лично...

Он сказал бы значительно больше, и я не сомневаюсь, что именно в том же ключе, если бы не завибрировавший на столе мобильник. «Патанин Игорь» – уловила я краем глаза имя абонента. Приложив трубку к уху, Николай вышел из-за стола.

– Да, да... сейчас подойду, – донеслись обрывки фраз. И, обернувшись к столу, он добавил: – Мне нужно отойти. У кого еще есть вопросы, не расходитесь. А с вами, Телясин, я уже закончил.

Смалов, уловив едва заметный кивок, адресованный именно ему, так же молча встал и последовал за Николаем. За столом повисла немая пауза. Я пребывала в некотором шоке. Все переваривали вышесказанное. Но никто не двигался с места. Не собирался уходить и Телясин.

– Ну, а вы что скажете, госпожа Батунина? – подал голос он. – Вы же у нас преуспевающий партнер вроде как считается. Структурка-то есть, вступления регулярные, никто, правда, не знает, за счет чего эти вступления прут... но мы не об этом сейчас, – его нотки сарказма приобретали совсем уж не двойственный смысл. – Каково ваше мнение по поводу слов директора? Или вас все устраивает?

Я заострила на нем взгляд. Он меня раздражал. Сильно. Но все присутствующие ждали моего ответа. Стоило ли говорить, что все они были представителями мужского пола...

– Прежде всего меня не устраивает ваша манера общения, господин Телясин, – выдохнула я. – Если я вас лично чем-то оскорбила, давайте обсудим, если же терзает, как вам кажется, несправедливость по отношению к вам, попрошу не выражать ее в мой адрес.

– Что вы, что вы... Я просто искренне изумляюсь, как у вас слаженно все получается. Хотя я не сказал бы, что настолько уж гладко работаете и вы, и ваша структура. Однако никто вам мозг не имеет, как нам. Я вот все думаю, не секрет ли в том, что нужно заходить на общение с экспертом последним, причем далеко за полночь...

«А вот это уже наглость. К чему он клонит, черт возьми?»

– Ночами вам работать сподручнее, не так ли? Даже если по прошлой работе смотреть... Да и почаще проводить время с господином Ивсеевым. Он также невероятно успешен, и не

только в бизнесе, могу предположить. Как же это он сегодня вас оставил без присмотра? Или другие ведущие ответственные ему не помеха уже?

Откуда такая антипатия в мою сторону? Что я ему такого сделала? И когда успела, простите?

Мне как-то резко стало омерзительно находиться рядом с этими людьми. С Телясиным лично, потому что он открыто меня провоцировал в отсутствие более авторитетных личностей, и всеми остальными, потому что они тупо молчали, поддерживая его тем самым молчанием. Команда?! Это ли команда, господа? Это ли?

Говорят, наша компания – своего рода фильтр: просто так сюда люди не попадают. Выходит, даже у этого фильтра имеется свой срок годности, раз сюда просачивается подобная грязь, да еще в одну из самых больших структур у одного из самых сильных экспертов. Мразь, как известно, не имеет ни пола, ни национальности, ни возраста, в нашем случае она не имеет и принадлежности к руководительскому составу. А с выкидышами поступают известным способом...

– Если послушать вас в таком случае, господин Телясин, – я набрала в легкие побольше воздуха, – так Бог создал изначально вас, а уж потом все остальное как подтверждение вашей никчемности. И никто не виноват, что у вас началось ожирение души, что вам лень оторвать зад и сделать хотя бы что-то для своего же, собственно, блага. Ни директор, ни эксперты, ни тем более ваш бывший ответственный организатор не обязаны быть талисманом ваших собственных нереализованных амбиций. А господин Ивсеев, если уж вас так интересует его место расположение, то в данный момент находится со своим кандидатом на приглашении, а не сидит здесь и не чешет языком о вещах, которые вас в принципе не касаются. В отличие от вас, мы с господином Ивсеевым большую часть времени тратим на встречи и приглашения со структурами и без... Мне, извините за подробности, лишний раз на свои физиологические нужды времени не хватает, так поэтому у нас и идет народ. Не всегда гладко, конечно, но идет, – тембр моего голоса непроизвольно нарастал, хотя я старалась контролировать его, контролировать, что было силы. – Только я одного не могу понять, мы вам мешаем, что ли? Вот лично вам? Или вы и вправду лошпеты? А если и так, то я полностью согласна с господином Юровым, – меня понесло, – вас надо сливать к чертям собачим, чтоб не негативили народ и херню всякую не разносили по фойе. И я лично запишусь в добровольцы вам в этом посодействовать! Только вот незадача, вас ведь так просто не сольешь. Вы целыми днями ходите, протирая штаны на стульях, которые стоят дороже ваших штанов, хлопаете на собраниях в ладошки и собираете информацию по фойе у таких же информационных проституток, как вы. И не зная, как еще подосрать, приукрашиваете от себя. Вы думаете, я не в курсе, откуда в тот или иной момент ветер дует. Но даже не в этом суть! Говорите! Говорите все, что вам взбредет в ваши завистливые головы. Те, кто действительно захочет узнать правду, спросит, как нам всем известно, у первоисточника, на тех же, кто довольствуется шлаком, нет ни желания, ни времени тратить силы. Жаль только, что, будучи воспитанником такого ответственного организатора, как ваш, мозгов у вас хватает, только чтоб разводить подобную грязь. Жаль, господин Телясин. Искренне жаль.

Я еще что-то хотела сказать, но запнулась, переводя дух.

Телясин был готов вцепиться мне в глотку. Он буравил меня глазами и демонстративно играл желваками.

– Это ты зря, Лерочка, – процедил он. – Очень зря...

«Не у себя в Бибирево, мразь, находишься, чтобы босяцкие угрозы мне кидать, – пронеслось в голове. – Даже костюм не спасает от твоей быдляцкой натуры».

– Брейк, брейк, партнеры! – встрял вдруг Измаилов, не произносивший до этого ни слова.

«Да какие, к черту, партнеры!» – пронеслось у меня в голове, однако ж вышибло на мгновение из конфликтного русла.

– Успокойся, Андрей, – обратился он к Телясину. – И ты, Лер, не злись, – повернулся уже ко мне. – Ты вот правильно сказала. Носишься целыми днями. Вроде как на «подработочку» устраивались, а тут помимо нее ни на что времени и не хватает. А ты не задумывалась, зачем тебе это?

– Да я, знаешь, денежек хочу, Артем, – я искренне оценила нелепость этого вопроса. – У меня без них как-то жить не получается. Да и выживать тоже не особо... У тебя иначе?

Да не иначе, ни у кого не иначе. И все мы приходили сюда именно за этим. Все мы видели в таблице то, что не могли себе позволить в данный момент, но фанатично желали. И не надо мне сейчас преподносить это в каком-то ином свете. Чужая идеология всегда особенно хорошо всасывается с денежным допингом. Модель идеологии этого бизнеса изначально была идеальна, потому что допинг и есть его основа. Вся эта чушь о том, что мы занимаемся обманом, разводом или, проще говоря, мошенничеством, стала откровенно набивать оскомину. Многие даже ссылаются на религиозные соображения, оперируя такими понятиями, как вера. Не знаю, в чем уж заключается ваша вера, господа, она, как и правда, у каждого своя, мне кажется. Но я верю не в наивысшую силу, которая обкладывается исключительно запретами, я верю в кого-то, кто поможет мне добиться поставленных целей. Пока что таких людей я находила для себя только здесь.

Люди всегда хотели и хотят одного – денег. Это давным-давно стало ясно всем. К сожалению или к счастью? – Не возьмусь ответить. Деньгами выражают восхищение, деньгами выражают сочувствие, деньгами показывают отношение, радость и ненависть, и даже любовь все чаще стали выражать в купюрном эквиваленте. Так есть. Так люди решили сами. И не мне судить эти решения. Есть только два выхода из сложившейся ситуации: либо принимать данную постановку жизненных позиций, либо оставаться неудачником и жалко прятаться за религиозными трактатами, если они вообще смогут когда-либо помочь. И, если хотите, считайте, что еженедельно мы пополняем войска низшего бога, а в качестве входного билета – вступительный взнос. Считайте, если вам так проще жить. Мне же проще жить с деньгами.

– Или ты уже начал сомневаться в правильности принятого тобой решения несколько месяцев назад, если мне не изменяет память? – продолжила я диалог с Измаиловым.

Он вступал на моих глазах. Я помнила его вступление. Он был, выражаясь нашей внутренней терминологией, идеальным гостем. Адекватность была его основной характеристикой на протяжении всего срока в компании. Я не могла поверить, что она так быстро начала иссякать.

– Я сомневаюсь. Полгода уже сомневаюсь, – честно выговорился он. – Однако ж наблюдаю такую тенденцию, что поставленные нам нормы, хотя они и поставленными-то, по сути, быть не могут, изначально завышены. Нужно выжиматься на износ, чтоб просто оставаться на месте. И удерживаться на плаву могут только отдельно взятые камикадзе вроде вас. – Его тон был мягок и рассудителен, чем не мог не вызывать расположения. – Вся система стоит на винтиках, которые ценой своего хилого здоровья изо всех сил стараются соответствовать критериям, заданным той же системой. Но винтики ломаются, и их тут же меняют на новые. Вернее, процесс замены самопроизвольный и еженедельный, чтоб производительность не страдала.

Он на минуту запнулся, оглядывая присутствующих, но, понимая, что разговор и без того уже зашел слишком далеко, все же продолжил:

– Нам так много говорят о неправильности «той» жизни и уникальности «этой». Мы верим и делаем все, что им нужно, и то, что, как нам кажется, нужно нам. Результаты только не утешительные. И я готов признаться в никчемности своей персоны, но 90 % всех показывают подобные результаты, только оставшиеся 10 дают показатели, которые еще хоть как-то могут считаться приемлемыми. А это уже статистика. Не просто нытье, как может показаться. В чем тогда отличие от среднего менеджерского звена, прогорающего на своих офисах, также в

костюмах и галстуках, с незыблемой верой в карьерный рост? Единственное, что, может, вены себе еще никто не вскрывал от безвыходности, а так я более различий не наблюдаю...

– Различия в том, что у нас каждый в принципе занимается не своим делом, Артем. Инженеры танцуют, актеры занимаются бизнесом, содержанки начинают петь, олигархи пробуют себя в шоу-бизнесе, а то и в меценатстве, а братва лезет в политику. Поэтому вокруг одно сплошное говно. И малый бизнес, и эстрада, и дороги. Здесь все это сведено к минимуму. Интеллектуальная ценность человека – далеко не основополагающий фактор. С одной стороны, печально, с другой – практично. Все равно что «Макдональдс». Совершенно без разницы, кто, как и сколько будет там работать, что будут писать в интернете про эксплуатацию детского труда, полную антисанитарию и примеси модифицированных компонентов. Этот концерн процветал и будет процветать. Так же как и их франшизы были, есть и будут стопроцентно прибыльными, потому что народ жрал и будет жрать. Народ наш вообще любит пожрать. Так же и тут. Бизнес будет работать, пока люди жаждут денег. И совершенно не важно, будешь ты его винтиком, или это буду я, или вообще нас здесь не будет. Понимаешь, о чем я? Ну так, если ему без разницы, а мы все уже здесь, к чему все эти разговоры и домыслы? Наша задача – косить, держась рядом с силой, и каждый день показывать целесообразность своего присутствия здесь. Не делать вид, я подчеркиваю, а именно показывать, преследуя тем самым свои же интересы. А уж боги этого Олимпа разберутся сами, я думаю, как делать, чтоб бизнес продолжал держаться на плаву. Это уже их прямые интересы...

– Вам бы на танк, госпожа Батунина, – прервал меня из-за плеча непонятно откуда появившийся Юров, – и лозунги читать!

Я от неловкости прикусила язык.

– Мне вам, господа, больше добавить нечего, – обратился он ко всем присутствующим. – И вам, кстати, тоже, – было адресовано уже мне. – С пониманием у вас полный порядок. Если сможете хотя бы четверть этого уложить в головы своих кандидатов, темпы будут расти. А у кого будет плохо укладываться, вы обращайтесь, мы пообщаемся, – он заговорщицки улыбнулся. – Мы же команда как-никак. Правильно, господа? Правильно, успешные мои?

* * *

– А еще я любила представлять, как можно было бы подойти к тебе сзади, когда ты был полностью поглощен общением с гостями, и так близко, чтоб лицо находилось между твоих лопаток. Вдохнуть глубоко твой запах и крепко схватить за предплечья в тот момент, когда ты непроизвольно вздрогнешь от внезапности. А потом держать, крепко держать и в последний момент, резко отпустив, уйти, не оборачиваясь, оставляя после себя смятый материал на руках твоего пиджака...

* * *

Я сидела, поджав под себя ноги, закутавшись в плед, и крутила в руках бокал. Меня снова переполнял водоворот чувств. Снова какая-то скованность, снова смущение и опущенные в пол глаза. Мне было стыдно, если хотите. Стыдно, потому что последняя моя выходка вообще не предполагала повторного нашего общения, как мне искренне казалось. Я ведь ушла тогда – в ту ночь в «Ренессансе». Между нами так ничего большего и не произошло. И как бы ни назревало желание, как бы ни отказывал мозг и ни притягивал своей близостью локоть, я отступила. В самый последний момент. Просто встала и ушла.

«Ведь у праздника свои правила, а у жизни – свои», – думала я в тот момент. Тогда я пыталась убежать от жизни, но она по-прежнему оставалась внутри, не давая счастью законно занять свое место, хотя бы на время. Тогда, ночью, я прижималась к нему сильнее и сильнее,

чтоб восполнить наконец все эти дни ожидания, но чувствовала, что делаю что-то запрещенное, будто не имею на это права. И сейчас, буквально через несколько мгновений, справедливость займет свое место, обернувшись ко мне кривой гримасой насмешки.

И они не заставили себя долго ждать. Только были они уже над самой собой. В тот момент, когда я ловила такси среди ночи у отеля, пулей проносясь мимо швейцара, когда трясущимися руками пробивала в магазине двухлитровую бутылку мартини, когда наутро пыталась вести с ним более или менее конструктивные беседы на темы структуры и бизнеса, они громким эхом метались в черепной коробке и порождали острое желание самоуничтожиться при первом удобном случае. Но персоналки, как всегда, решают. Решили они и в тот момент. Иначе не сидела бы я сейчас здесь и не откровенничала, пусть с изрядным смущением, о тех мыслях, о которых, даже изрядно напившись, не рискнула бы обмолвиться. Эти были одни из них...

– Ну, чего ты смеешься? – смущалась я, видя вновь перед собой его улыбку. – Я же боялась тебя тогда!

– Почему? – искренне поинтересовался он.

– Ну, где ты... весь такой прямо ух! Старший эксперт, зажигалка и искрометный позитив. А где я... все не то, все не так, за месяц даже квалифицироваться не могла... Ходячее недоразумение, а не партнер!

Он то в шоке отводил глаза, то расплывался в необъятной улыбке, слушая эти мои откровения. Девочки, не пейте, когда чувствуете себя счастливыми, вообще не пейте – голову потом не найдете даже под плинтусом.

– А сейчас? – спросил он, остановив взгляд на моих окосевших глазах.

– Сейчас? – секундная пауза на размышления. – Сейчас уже нет. Ну, если только чуть-чуть.

«Главное – в этот момент глупо не захихикать! Главное – не захихикать...»

– Чуть-чуть?

– Угу, – и улыбка, от которой уже болели скулы. «Господи, спасибо, что делаешь меня сейчас такой счастливой душой!»

– А если честно, – это уже пошло в его адрес. – Вот мы сейчас сидим с тобой здесь, напротив друг друга, и мне невероятно хорошо. Честно. Но через какое-то время мы разойдемся, и ты снова станешь моим экспертом... боюсь, что больше не увижу вот этой твоей улыбки, потому что когда ты в бизнесе, ты не улыбаешься. А если даже и улыбаешься, то она какая-то другая, не такая совсем... я не знаю, как объяснить, но другая она... другая.

И снова эти глаза. Снова его глаза – красноречивее всяких слов. Они как наркотик: чем больше смотришь, тем больше хочется. Если б он только знал, как я хочу сейчас к нему под одежду, под рубашку, под кожу, по венам и в самое сердце...

– А если я тебя не отпущу сегодня? – разрезало мои разыгравшиеся фантазии. – Ну, чтобы ты не боялась...

Это провокация! Чистой воды провокация! – забило от смеси счастья и волнения то, что где-то слева. Но уже нет выбора – идем ва-банк:

– Тогда тебе придется больше не отпускать вообще... Привыкнешь!

И он не отпустил меня в тот вечер, как и сказал. Но мы не занимались безудержным сексом где-нибудь в ближайшей гостинице, как можно было бы предположить. Нет. Мы просто пили вино, я просто грелась под его курткой и крепко-крепко прижималась к груди, когда он обнимал меня. Мы проболтали с ним до утра, непосредственно до рассвета, когда пасмурное небо утомленного города начало разжигаться узкой полоской приглушенного света. В тот момент я еще сильнее прижалась к нему, всем телом не желая принимать этот естественный жест природы. Я не хотела уходить – он не размыкал своих объятий. Еще час и восемь минут. Час и восемь минут. Каждую секунду из которых я помню, как сейчас...

Москва-Сити, 45-й этаж. Отель Marriott. Шумный утренний город у моих босых ног. Махровое полотенце, обмотанное вокруг тела, горячего и свежего от легкого послевкусия фруктовой сыворотки для душа. Все еще влажные волосы волнами спадали на плечи, тонкими кисточками щеотно касаясь лопаток. Дымящаяся кружка обжигающего кофе в руке, как я люблю, чистая химия Nescafe 3 в 1 и любимый мужчина рядом. Мой мужчина. Только мой. Который так долго был нереален и далек, который перевернул мою жизнь, просто однажды пожав мне руку. А сейчас он рядом. Стоит и обнимает меня за плечи, а я чувствую его силу и горячее дыхание на макушке мокрых волос. И я самая богатая в этом мире. Слышите? Я самая богатая! И пусть не в своей квартире, пусть уеду отсюда, скорее всего, общественным транспортом и пусть не надену сегодня бриллиантов, зато мы вместе, зато я счастлива и у наших ног сейчас целый город. Такой многомиллионный и такой крохотный одновременно. С его гудящими проводами, мерцающими огнями и безграничными возможностями перспектив. Потому что теперь возможно все. И до этого было реально, но теперь стало реальным вдвойне.

Он ведь так и не отпустил меня в то медленно наступающее утро. Он просто держал и не отпускал, чтоб я больше не сбежала. Я и не собиралась, и ночь медленно перетекла в новый день, съедая своим наступлением яркость суetyщихся огоньков. Где-то там внизу, у подножия нашего мира, в тот момент, когда мы, скомкав простыни, упивались уютом теплого сна.

Мое пробуждение началось с того, что пронизывающая свежесть уверенно порхнула под одеяло. Тело невольно поежилось, не желая отпускать приятную негу короткого сна, и непроизвольно стало зарываться еще глубже в бугристость необъятного одеяла.

Нежное прикосновение сквозь растрепанные волосы окончательно вернуло сознание в этот мир, шуршащим голосом придавая ему естественные формы:

– Госпожа Батунина, доброе утро. Уже почти полдень...

– Ммм... – потягивание послужило ответом. – Три гостя на субботу и два на воскресенье по структуре, господин Патанин, – все еще не открывая век, отчеканила я.

А так гораздо удобнее, оказывается, – гостей в любом случае успеваешь и заявить, и подтвердить, в то время как самые ответственные партнеры за пять минут до истечения поставленных часов начинают разрывать телефон эксперта. И пока Игорь увлеченно беседовал с ярыми абонентами своего утреннего кол-центра, я, три раза обернувшись одеялом, прошмыгнула в ванную.

«Как-то все правильно происходит. Как-то все подозрительно правильно...» – думала я, разглядывая себя в зеркало. Но больше всего меня потрясал тот факт, что, просто находясь с ним рядом, можно было хватануть душевный экстаз. Не часто такое случается, по крайней мере, со мной. Совсем не часто. А голову все-таки надо помыть...

Я вышла из душа. Кожа благоухала после теплой воды и увлажняющего лосьона. Волосы мокрыми прядями вторили изгибам плеч, заканчиваясь тонкими кисточками где-то в области груди. Крупные капли воды то и дело срывались с их кончиков и тут же устремлялись вниз, ведомые могучей силой притяжения, и огибали все выпуклости и впадинки моего тела на своем пути.

Его взгляд тогда ввел меня в ступор. Он сидел на кровати, с умным видом что-то рассматривая в беззвучно работающем телевизоре, непрерывно крутя в руках пульт, так, как он умел крутить свой мобильник, перемещаясь по фойе. Но мое появление, видимо, оказалось интереснее. И он перевел взгляд. Он смотрел на меня так, как хотелось бы, чтоб смотрели, наверно, на каждую. И самая отверженная феминистка, и мужененавистница тайно желала подобного взгляда, возможно, не ощущавшая его на себе никогда, иначе не была бы такой отвязной. Это был взгляд из любовных сцен, тщательно отработанных и переснятых не единожды, чтоб не вызывать никаких подозрений в искренности игры актеров. Это был взгляд, ради которого многие дамы активно воздействуют на свою внешность вплоть до хирургического вмешательства. Взгляд, от которого бросало то в осознание своей божественной (не меньше) неотрази-

мости, то в неконтролируемое смущение. Потому что приходилось просто тихо и бесконечно плавиться. Как мороженое. Я раньше думала, что это просто словесный оборот такой, сравнение, теперь ощутила это на себе. И растерялась. Просто не знала, что делать, поэтому не двигалась с места, то и дело переводя взгляд с его глаз на руки, на пол и обратно.

А теперь внимание! Вдыхайте, любительницы любовных романов. Эти сопли в сахаре для вас в полном объеме и в мельчайших подробностях...

Я не знаю, сколько прошло времени в этом ступоре, минута, может, две, может, десять. Но сколько бы это время ни длилось, мне хотелось, чтоб оно продолжалось еще больше. Мне хотелось ощущать этот взгляд вождения, восхищения и желания и таять под ним. Таять. Таять, когда он медленно подошел ко мне, таять, когда, едва касаясь, пальцами провел по моему лицу, смахивая капли, таять, когда нежно прикоснулся губами. Таять. Просто испаряться на белых простынях, немного влажных от моих волос и наших тел, медленно и неспешно.

Мы занимались любовью как сумасшедшие. Мы будто узнавали друг друга, выпивали изнутри, при этом не говоря не слова, – только глаза, только прикосновения, только дыхание. Только правильно подобранный момент сближения, чтоб потом стоять, обнимаясь, возле панорамного окна, пить кофе и досушивать растрепанные волосы, теперь уже с тонким запахом его тела.

* * *

Не любила я эти пятничные розыгрыши. Особенно связанные с пением или едой. Не умела я ни то, ни другое. А когда приходилось исполнять что-то подобное на сцене в самом комичном из представлений, тогда-то и проверялись на прочность все возможные варианты самоиронии. И дело здесь обстояло, скорее, не в страхе выглядеть смешно, это иногда, как известно, спасает, другое дело – перед кем. В наш век скрытности чувств – с чувством юмора так же обстоят некие сложности. Объясняй потом новенькому партнеру, что слово его ответственного организатора – закон, когда он видит перед глазами его лицо, перемазанное взбитыми сливками после победного поглощения виноградинок. Или авторитетное положение к залу, когда целился привязанным вокруг торса на длинной нитке карандашом в узкое горлышко бутылки. Это нас с вами сейчас просто мило улыбнуло, а для кого-то – слом программы, причем на корню. Так же, как и бегающие вдоль рядов эксперты в виде «мотоциклов». Проще собрание три раза пересказать, нежели донести до новичка, что это просто метафора и «у экспертов свои причуды».

А уж когда директор начинал с залом в мячик играть, а самые яркие персонажи за этот мячик наносили друг другу тяжкие телесные, так это вообще тушите свет. Сложно заставлять людей думать, еще сложнее сбивать стереотипы.

* * *

– Ты красивая молодая женщина, Лер. Не могу я поверить, что у тебя никого нет, – Варсов двусмысленно затягивал паузы, проминая остатки сигареты в пепельнице.

«Вот завели-то они тему...»

Видимо, вопросы бизнеса так или иначе со временем исчерпывают себя, хотя обсуждения тех или иных партнеров порой не имели предела.

– Хотя бы для здоровья...

«Постеснялся хоть посла бы, иль совсем башкой ослаб...» – первое, что промелькнуло в голове. Нет, ну, действительно, все могу понять – наболело. Но при «мэтрах»-то наших зачем?! И не в сауне вроде как с пивом находимся... Что за тема-то вдруг такая...

– Да перестань ты, Лер, – бросил он, откидываясь в кресле. – Напряглась прям даже как-то. Все свои тут. Просто действительно интересно.

– Просто секс – не самоцель, если ты об этом. Это всего лишь пятиминутное удовольствие, – пожала плечами я.

«Ладно. Ваша взяла. Поиграем...»

– Ну, значит, ты не с теми спишь, – перебил он, демонстративно подняв правую бровь. – Мне и пяти часов бывает маловато.

– Я утрирую, Вань, – играть, так играть. – Но, по сути... Да, час, да, ночь. Но на утро ты уже не особо придаешь этому значение. Куда важнее, что остается после...

– И что же остается?

– У всех по-разному. Кто, как говорится, какие цели преследовал.

– И какие же преследуешь ты? – не унимался он, чем обострил интерес всех присутствующих. Чего он от меня добивается все же? И зачем?!

– Ну, хорошо, – я глубоко вдохнула, прежде чем начать монолог. – Я не спорю, секс – это прекрасно. Потому что сладко, потому что отключается голова, потому что ощущаешь себя на вершине мира, а вся жизнь кажется одним сплошным оргазмом. Жаль, что только кажется... Но куда весомее тем не менее – кого ты видишь, когда просыпаешься. Что ты чувствуешь в тот момент: «Бицепсы тебе, конечно, подкачать не мешало бы, милый, но с членом ты управляешься неплохо...» – или же понимаешь, что первое, что ты хочешь увидеть, проснувшись завтра с утра, – это вновь его спящее лицо. И если так происходит, то никакой минутный оргазм с этим не сравнится. Хотя это и есть, наверное, тот самый оргазм – оргазм длиною в жизнь, – я старалась не смотреть никому в глаза. – Давно уже известно и прописано во всех незамудренных цитатниках, что мы любим человека не за что-то и далеко не вопреки. Мы любим в нем те ощущения, которые он нам дарит, порою даже сам того не осознавая.

– Звучит как цитаты из книг, – он ухмыльнулся. – Заученно и не совсем правдоподобно.

– Хочешь сказать, что ты никогда не заглядывалась на другого, имея на тот момент постоянного?

– Нет в нашем мире ничего постоянного...

– Вот именно! – он аж вспыхнул изнутри. – И все эти игры в верность не более чем блеф.

– Ты путаешь разные вещи, Вань. Непостоянство я имею в виду в рамках всей жизни: люди встречаются, люди расходятся, каждый день меняется что-то. А измена – это элементарное неуважение на фоне душевной проституции.

Он осекся на минуту. Присутствующие партнеры с любопытством наблюдали за нашим диалогом, прерывать который явно никто не собирался.

– Хочешь сказать, ты – олицетворение душевной монахини?

– Я не изменяю прежде всего самой себе. Не хочу и не умею просто трахаться, если ты об этом. Нет в этом смысла. Можете смотреть на меня как на идиотку, но я не вижу в этом удовольствия. И мне искренне жаль тех женщин, которые используют трах как доказательство собственной привлекательности, когда, ложась в постель с очередным «поклонником своей красоты и уникальности», она думает: «Ура! Меня все еще хотят». Сам оргазм-то происходит в большинстве случаев именно от этих мыслей, а количество выпитого накануне здесь, конечно же, ни при чем. Комплексы все это, не более того. И есть элементарный способ удостовериться в моих словах – просто посмотрите наутро в зеркало и задайте себе один вопрос, всего один: «А смысл?» Ведь сегодняшней ночью на вашем месте будет кто-то другой, кого будут иметь так же, как и вас несколько часов назад. В тех же позах, с тем же дыханием, с той же частотой. Вы это, не вы – да какая разница... Лыстит? Мне кажется, сомнительно. И мне жаль вас. Что же я? А я просто слишком отчетливо знаю, чего хочу, и, слава богу, мне есть кого хотеть. Поэтому и вопрос измены смешон и нелогичен. Не могу я, уж простите, есть мясо с кровью, когда хочется шоколад. Самое последнее в нашей жизни – это изменить своей цели и своему желанию. Слово

«цель» здесь, кстати, тоже выделяется красным! – Но это мое мнение, – рассекла я возникшую паузу и теперь уже в свою очередь откинулась на спинку стула.

– Тебе, Батунина, реально надо на митинге с трибун народ напутствовать, – отшутился через какое-то время «посол». – Съели, господа? Теперь сидите и думайте о своих беспечных половых связях. Долго только не думайте – нам еще корпоративную сценку обсудить надо. У тебя есть какие-нибудь мысли, Лер? Времени не так уж и много осталось, а облажаться не хотелось бы...

* * *

Корпоратив. Корпоративы – это вообще отдельная тема. Их я, кстати, не любила тоже. И не потому, что приходилось улыбаться тем, кого разве что с локтя хотелось одарить вниманием (у нас все-таки иное устройство бизнеса и взаимоотношений в нем, хотя такие истории тоже случаются), а, скорее, от того, что грани понимания изрядно стирались. Поначалу, конечно, нравилось, когда ни с того ни с сего вас коллективно грузят в автобусы и под веселье и прибаутки транспортируют в культурно-развлекательный центр где-нибудь в центре Москвы, закрывают для вас огромный зал (или этаж без малого), потчуют ресторанными яствами и веселят продолжительными шоу-программами. В то время как не каждая достаточно крупная компания позволяет себе подобные гулянья в какие-то важные памятные даты. Нравилось без причин и особых поводов проводить вечера в подобной атмосфере, укореняя мысли, что праздники в жизни не зависят от календарных дат, немного хмелеть и, по-идиотски улыбаясь, в унисон с партнерами орать тосты «за бизнес!». Нравилось. Всем нравилось. И прежде всего потому, что халява. О! Это сладкое слово! Все мы падки на нее и ее суть. Не кривите душой, ничто не сравнится с этим щекотливым чувством выпавшего ни-за-что. Просто так взявшего и свалившегося то ли за какие-то неведомые заслуги, то ли просто за красивый разрез глаз. И собственная значимость в такие моменты рвет все рекорды по скачкам в высоту. У кого-то еще срабатывает момент неприятия с неприкрытой демонстрацией собственной недостойности. Но под дырявым сукном лицемерия мы же понимаем, что в глубине души каждый позиционирует себя тем самым, ради кого вообще все это затевалось.

И все бы ничего, пока подобное не начинает восприниматься как должное. Здесь-то динамика проявляет себя в полной мере.

Поэтому все чаще на подобных мероприятиях я находила для себя местечко поотдаленнее от эпицентра событий. Меня вполне устраивала больше наблюдательная позиция за отдыхом собравшихся людей, с характерными потугами изображающих из себя «светское общество»: все эти наигранные дешевые улыбки, обсуждения якобы общих тем и вечно голодные взгляды, поистине стремящиеся лишь стянуть что-нибудь совершенно безвкусное, но непременно съедобное со стола. И все по той же причине – пред халявой нет героев.

* * *

В который раз удивляюсь глубине и проникновенности давно избитой фразы: со стороны виднее. Знать бы наверняка, где есть та самая сторона...

Поэтому я наблюдала. Я все больше начинала увлекаться этим процессом. Знакомые мне люди, но несколько в иных условиях, – улови разницу, как говорится. А разница была, и больше в эмоциональном плане. Эмоции людей – моя любимая наука, хотя в тот момент я только познавала ее азы. В ней нет правил и, главное, исключений, нет необоснованностей и теоретических предположений, она в корне не изучаемая, и слава богу! Эта наука есть аксиома, которая, как нам всем известно, не требует...

Поэтому людские эмоции для меня были чем-то вроде ярких лампочек в темном лабиринте личностей, что освещают их слабые стороны. В подобных местах я лицезрела буквально калейдоскопы красок. Особенно увлекательными были те, кто по умолчанию распознавались «своими».

* * *

Но со временем притуплялось и это. Лица все больше становились для меня приборными панелями, куда выводятся все механизмы тела и его физико-химические процессы. И я подолгу всматривалась в эти панели, будто в пазл соединяя их черты: нос, подбородок, разрез глаз, очертания скул. Долго-долго... иногда до слез от напряжения. Я ищу там душу, и порой она проступает. Непонятным, неожиданным образом. Все равно как, долго всматриваясь в последовательность абстрактных узоров, ты вдруг складываешь отчетливую картинку, и, как правило, ту, которую никак не ожидаешь увидеть. Эти ощущения чем-то схожи... чем-то. Но проступала она не у всех.

Не являлось исключением и собственное: причиной долгих порой разглядываний своего отражения была отнюдь не самовлюбленность, как принято предполагать. Это, скорее, поиск. Ты просто ищешь, ищешь там себя. Просто стараешься не потерять эту ниточку в запутанных историях и стереотипах, так приятно и ненавязчиво окутывающих в рамках социума. Наверно, поэтому эти поиски всегда проходят в отсутствие посторонних глаз.

* * *

В тот раз мы не облажались. Почетное второе место в капустнике филиала «Один день из жизни партнера» было справедливо нашим. Тянули бы и на первое, но отсутствие профессионального звукозаписывающего оборудования среди партнеров нашей структуры дало очевидное преимущество музыкально образованным соперникам. Но тогда это уже не имело значения. Победителей, как известно, не судят. А мы считали себя победителями, хотя Игорь предпочел даже не смотреть на наше творчество, насколько я могла видеть с ярко освещенной сцены. Наверное, это и к лучшему: меня очень смущали его глаза. Но еще больше хотелось в них смотреть – запретный плод... вы сами знаете. А он был запретным...

* * *

Здесь-то и оттачивались все задатки актерского мастерства (не зря его ввели как дисциплину по продюсерской программе). И разыгрываемый спектакль чем-то очень сильно смахивал на «Золушку». Только наоборот: после полуночи я была милым чутким созданием, растворяющимся в теплоте его рук, а наутро превращалась в стервозную сучку в пиджаке, едва пересекая порог нейтральной территории, и совсем уж бесполое существо ближе к вечеру под кодовым названием «партнер». Поначалу это была интересная игрушка – быстрая смена амплуа, сцен и декораций. Она затягивала, заставляя создавать все более запутанные ситуации, работать над быстротой реакции и стратегическими расчетами, ограничивать распространение информации и никому не доверять. Впоследствии, я могла предположить, тонкий привкус сумасшествия и подергивающийся левый глаз. Глаз начал подергиваться гораздо раньше прогнозируемых сроков.

* * *

Тем не менее факт оставался фактом: экспертному составу официально запрещалось иметь какие-либо личностные взаимоотношения с партнерами. Противоположного пола это тоже касалось. Так что даже «жены» всячески скрывали свою принадлежность к своим половинкам, вплоть до девичьих фамилий на бейджиках, стоит ли говорить об их поведении...

Двуличие приветствовалось в самых сочных тонах – чем ярче, тем лучше. Ложь во имя светлого чувства – как это красиво. Классика, как говорится, никогда не выходит из моды.

Только порой немного пугало и выбивало из колеи состояние потерянности: то ли деспотичной «акуле бизнеса» снится, что она – «нежный цветочек», то ли «цветочку» – что он заколачивает бабю, идя по головам и трупам. Пойди их разбери. Но одна из них была искренне счастлива в своих победах, другая – в его объятиях. И одно от другого не отделить. Не стоит только скрещивать эти миры. Это не безопасно.

* * *

Я улыбнулась своему отражению, отпуская уставшие от сдавливающих за целый день шпилек волосы и нанося прозрачный перламутровый блеск в женской уборной. Корпоратив подходил к концу. Мой же праздник начнется чуть позже...

* * *

...Усталость накатила мгновенно, как только мы сели в машину. Прохладный салон с идеально подобранной системой климат-контроля стал долгожданным оазисом свежести после прокуренного и разряженного алкогольными парами помещения. Икры ног как обычно забились, отзываясь ноющей свинцовой тяжестью. Я аккуратно вынула отекавшие ступни из туфель и, подобрав ноги на сиденье под себя, обхватила за торс мое самое любимое создание в этом мире (только ему не говорите, ладно? Мужчинам вредно слышать такие слова слишком часто). Все. Вот теперь этот насыщенный красочный день заканчивается поистине хорошо.

* * *

Игорь, наверное, мне говорил еще что-то, но я вряд ли сейчас это вспомню – сквозь полусонное состояние воспринимается только самое необходимое. Я просто чувствовала запах тела сквозь вуаль его любимых духов, ощущала нежные поглаживания его рук по моим волосам и лицу и могла украдкой почти бессознательно целовать его в шею.

Это был один из тех моментов, которые просто обязаны длиться вечно.

«Жизнь, будь добра, остановись ненадолго... а?»

* * *

В ту ночь мы не занимались сексом. Мы просто приняли горячую ванну. Мышцы ног приходили в норму с каждым разом теперь все сложнее. Я понимала, к чему это все ведет, но не хотела об этом думать. Не сейчас, не сегодня. Я сидела, облокотившись спиной о борт ванны, обхватив его ногами за торс, и сдувала кусочки пены с его мокрых волос. Они пролетали через его плечо и, расслаиваясь, приземлялись на общее покрывало. Изредка он ловил их руками. Чаше я целовала его в плечо. Нам не хотелось разговаривать в тот момент – многое

было уже сказано, многое предстояло сказать позже. А пока мы просто наслаждались временем, проведенным вместе.

* * *

Ночью у меня начался жар. Я беспокойно ворочалась, то сбрасывая одеяло, то вновь натаскивая его на себя, то вдруг замирала и не могла пошевелиться, чувствуя даже сквозь сон, как горит каждая клеточка организма. Но сон тем временем крепко держал в своем плену, временами подбрасывая поближе к черте реальности, но потом снова опуская в бессознательную черноту. Я в ней тонула. Мне, возможно, что-то снилось, какие-то непонятные обрывки быстро сменяющихся картинок, совершенно не связанных между собой и безгранично абсурдных, – в сознании уже вряд ли упомнишь, только физическая реакция на все действия заплутавшей в ту ночь души отражалась в действительности, о чем я узнала позднее.

Его рука оказалась рядом именно в тот момент, когда виртуальному телу вздумалось куда-то провалиться. Я резко вцепилась в расслабленное предплечье обнимающей меня руки и, по-видимому, сделала это сильно. Игорь рывком приподнялся на локте и испуганно посмотрел на меня. Должно быть, испуганно, по логике... по реакции. Как было на самом деле, я не могу сказать, потому что просто не было сил для того, чтобы повернуть голову, не было сил просто для того, чтобы открыть глаза – веки казались нереально тяжелыми, а тело – абсолютно ватным и безвластным.

– Ты в порядке? – донеслось до меня сквозь плотную пелену.

Я что-то промычала в ответ – это было все, на что у меня хватило сил в тот момент.

– Ты вся горишь.

Ответ последовал аналогичный. Затем я вновь провалилась. Что было потом, я не знаю. Жар, бред, бессмысленные сны, я, он, прошлые знакомые, знакомые их знакомых, их прошлое, все перемешано и перекручено. Это было страшно и интересно одновременно. Затем появился снова он. Вновь сквозь пелену, но на сей раз потоньше. Он говорил мне что-то. А мне хотелось ему улыбнуться, но губы были слишком сухие и непослушные. На секунду промелькнула мысль, что ему, наверное, будет неприятно целоваться с такими обсохшими губами и что надо потянуться за гигиенической помадой, но сил даже додумать эту мысль отчего-то не хватило. Затем появился стакан из его рук и какие-то две капсулы. Я не расслышала слова «выпей», хотя, судя по движениям, оно слетело с его губ (как же захотелось его поцеловать в тот момент), я сделала это, скорее, рефлексивно. Это тут же повлекло за собой новую волну жара и новый провал в забытие.

Не знаю, сколько прошло времени, после того, как тяжесть с головы отпустила и температура тела пришла в норму, оставаясь лишь отголосками слабости.

Он пришел, когда я вновь начинала проваливаться.

– Лер, я сегодня в гостевой лягу, – он оперся руками в край кровати и чуть нагнулся ко мне.

Я чуть улыбнулась в ответ (кажется, я уже по нему соскучилась) и проканючила, наверное, так делают дети, когда боятся засыпать в темноте: «Побудь со мной, пока я не усну, ладно?»

Он растекся в ответной улыбке, лихо перемахнул через мое чахлое тельце, завернутое в два одеяла, и крепко обнял меня сзади. «Он в костюме, что ли, залез... – промелькнуло у меня в мыслях, прежде чем мозг погасил свою работу. – Когда он его надеть-то успел?»

* * *

Только на следующее утро я поняла, что проспала целые сутки, а вместе с ними и пятничное собрание. Мобильник был кем-то заботливо поставлен в режим тишины. Очевидно, по-моему, кем...

Его, как всегда, уже не было – человек-инкогнито чаще всего покидал наше нейтральное пристанище задолго до моего пробуждения. Только висящее СМС гласило о его мысленном присутствии: *«Как ты себя чувствуешь?»*

«Очень твоей», – ответила я, прежде чем скрыться в душе.

* * *

Домой я приехала ближе к вечеру, когда мой ослабленный организм вновь затребовал постельно-одеяльного режима. Спорить с ним в данной ситуации было бесполезно.

Я засыпала с зажатым в руке телефоном.

* * *

Я не знала, что в тот самый момент Игорь остервенело массирует себе десна – они зудели. Что теперь ему требуется по грамму кокса каждый день. Начиная с утра: где-то в перерыве между стаканом сока, непременно свежевыжатого – в нем витаминов больше, после очередного выигрыша в «Кристалле» или концерта Шуфутинского и минут за пятнадцать до того, как трубку начнут обрывать самые обязательные партнеры с желанием отчитаться. Распиздяи, лоботрясы и просто те, кто так или иначе может брать хоть что-то под собственный контроль, звонят позже. И чтоб бодро и весело приветствовать каждого из них, он сожалел об отсутствии еще пары ноздрей на лице, чтоб занюхнуть еще больше, ведь не зря говорят, что кокаин разводит любую печаль. Он, как анестезия, снимает все проблемы. Я не знала тогда. Есть вещи, которые лучше вообще не знать. В противном случае занюхнула бы вместе с ним. Как не знала и того, что в то утро выдались внезапные заморозки. На обочинах появился иней, асфальт, утопающий накануне в грязи и слякоти, заблестел кристаллами льда, провоцируя тем самым доморощенных гонщиков прокатиться с ветерком в яром стремлении обогнать утренние пробки, забывая при этом, что дороги наши построены не для удобства передвижения, а, скорее, как следствие чьего-то тяжелого чувства юмора. Дорога шла сперва под уклон перед заездом на эстакаду, блокируя тем самым на какое-то время обзор. За ней-то не спеша и терпеливо тащился Игорь на своем внедорожнике после затянувшегося разбора полетов с «Крышей дома». В ту ночь он еще не ложился...

В тот же самый момент по случаю по тому же самому проспекту неслась праворульная «Тойота» девяносто третьего года выпуска. И, к сожалению, добротность характеристик автомобиля не могла компенсировать безалаберность и дурачество ее хозяина, двадцатитрехлетнего Валентина, высокого, светловолосого, с широкой открытой улыбкой партнера компании «Априори плюс». Почти поравнявшись с вершиной эстакады, в левое зеркало Игорь увидел мелькнувшие фары.

«Какого черта!» – успел подумать он, как перед ним мелькнул борт «Тойоты». Душераздирающий гудок одновременно нескольких автомобилей разорвал пространство. «Тойота», не успев перестроиться на скорости за сотню километров, влетела под ползущий фургон, который от удара перевернулся на бок, и его растянуло поперек двух полос узкого шоссе. Игоря выручила реакция, сработавшая на уровне моторики. Он успел нажать на педаль тормоза,

а руль выкрутить до отказа влево. «Эскалейд» занесло, развернуло на сто восемьдесят градусов и потащило прямо на фургон, но скорость была низкой, и в итоге получился, скорее, не удар, а сильный толчок, от которого на машине Игоря разбилась задняя правая фара и немного погнулся бампер. Мимо проходящий поток автомобилей без труда объезжал аварию. Те или иные притормаживали, любопытства ради, единицы нашли в себе совесть остановиться и поспешить к месту происшествия.

Игорь смог сконцентрироваться в самый нужный момент, но сейчас сидел с выпученными глазами и широко раскрытым ртом, жадно хватая воздух. Сердце готово было проломить грудную клетку.

– Живой? – какой-то мужик рванул водительскую дверь на себя.

– Вроде да...

– Вылезти сможешь?

– Да, – Игорь облизнул пересохшие губы. – Смогу...

Игорь осторожно вылез из машины и осмотрелся. Ходовые качества его автомобиля явно оставались в порядке – поломки были больше косметические. И, осознавая свою убивающую усталость, он сел на бордюр тротуара, наблюдая, как люди с еще оставшимися человеческими качествами суетятся возле «Тойоты», лежащей на обочине колесами вверх, вызывая ГАИ и скорую помощь.

Скорая приехала быстро. К Игорю обратилась женщина-врач:

– Вы пострадавший?

– Нет. Я из того «Кадиллака», – всячески пытаюсь совладать с барабанившим сердцем, ответил он.

– То есть с вами все в порядке. Машина цела же вроде...

– Вроде да...

Состояние было действительно «вроде». Сердце не успокаивалось. Но разве мог он сознаться... Единственное, чего ему хотелось сейчас, – это забыться.

Как все-таки много можно упустить, дав себе слабину, как же много можно потерять, чуть-чуть опоздав...

* * *

Все самое «хорошее» в филиале происходило в воскресенье после собрания. Собрания ответственных, тех, кто не занят организацией, – «самые успешные», личные выволочки, про-качка «зомби», персоналки с партнерами более длительного характера. Так вышло и в этот раз.

Не дожидаясь логического разъезда самых патриотичных партнеров, минуя тем самым ночное совещание, наш эксперт перестал таковым являться. Кто-то понял это сразу, видя, как его статная фигура нервной поступью удаляется через главный вход отеля, кому суждено было узнать это лишь в понедельник, стоя в общей кучке всей его экс-структуры перед почти материнскими глазами руководства, и выслушивать, как компания благодарна за весь вклад, за огромную самоотдачу, за время, проведенное вместе с компанией, а главное, результаты, достигнутые на посту эксперта (на которые, в принципе, компания в лице ее руководства наплевала), что нам ни в коем случае нельзя сбавлять обороты, не вешать носы, а продолжать идти к своим целям с такой невероятной школой, переданной нам нашим замечательным экспертом, который проявил себя настолько невероятно, что был отправлен на обучение и повышение квалификации. Переводя на русский, это означало, что теперь Патанин – никто, полное чмо, предатель, ничтожество, пустое место. И вообще компания сомневается, был ли такой сотрудник, и что ничто не помешает компании передать вас, стадо баранов, другому пастуху, от которого вы в скором времени зафанатеете не меньше (уж они-то постараются – продаж много не бывает), чтоб, не сбавляя оборотов, приносить денежки в компанию.

Я смотрела на его удаляющуюся спину с балкона второго этажа фойе. Молча смотрела. И веря, и не понимая одновременно, что это сейчас происходит.

С последнего момента, когда мы были с ним вместе, что-то переменялось – Игоря как будто не стало, а редкое общение по бизнесу я вела исключительно с господином Патаниным.

Прекратились звонки и ночные СМС с его стороны. Мои улета́ли в никуда. Больше мы не виделись за пределами собраний.

Признаться честно, я ждала чего-то подобного после того, как в очередную ничего-не-предвещающую-пятницу произошла официальная смена власти. Партнеры, как обычно, разыграли призы и подарки, спели, потянули карты, съели по тарелочке взбитых сливок, веселясь над экспертами-мотоциклами и готовые уже подорваться на обзвон потенциальных гостей, как под бурный шквал аплодисментов на сцену поднялся нынешний региональный директор господин Фамулов. Его речь, впрочем, как и обычно, не была долгой – люди действия не тратятся на слова. Он просто поприветствовал нас, он просто открыто поговорил с нами и поблагодарил за все, что дал ему этот бизнес за двенадцать лет, которые пролетели, можно сказать, одним днем, через наши глаза. Он не пытался на этот раз до нас что-то донести, он просто рассуждал, а мы слушали его стоя. А потом он сказал, что уходит. Нет, не бросает нас, конечно же, – он все время будет с нами, будет так же приезжать на собрания, на какие-то корпоративные слеты и торжества или просто, когда захочет с нами увидеться. Он будет безумно рад быть нашим гостем в любое время. Гостем! Понимаете?!

А потом в его руках появился букет, и он пригласил на сцену своего заместителя Инессу Владимировну Кривошекову. Вместе с цветами в ее руки торжественно переключались бразды правления некоммерческим партнерством. И все аплодировали, все восторженно кричали, особенно выходцы из ее структуры, а я тайком поглядывала в сторону Игоря. Он не смотрел на сцену на протяжении всей процессии, он стоял чуть позади колонны, но мысленно находился явно в другом измерении. В последнее время я то и дело подсматривала за ним тайком – другого варианта мне не оставили, и подобное состояние я замечала не раз. Что-то назревало. Что-то должно было произойти. Не выдался у меня этот человек с руководством госпожи Кривошековой. Ну не выдался! При всем моем уважении к этой женщине, ко всем ее достижениям и сильной сплоченной структуре.

Но что именно так и именно так скоро, я не могла предположить ни в каком раскладе. Его силуэт давно уже скрылся за стеклянными дверьми, а я все не сводила с них глаз.

В тот момент внутри меня что-то треснуло. Что конкретно, не спрашивайте – не знаю. Только факт в том, что с того дня моя жизнь начала меняться. Сантиметр за сантиметром мной начала овладевать апатия. Реакция на окружающий мир постепенно притуплялась. Мне не хотелось разговаривать, не хотелось никого видеть и слушать очередные бредни значимостью в целую вселенную. Просто хотелось быть незаметной и даже невидимой.

Я скрывалась по углам фойе, находила по несколько поводов, чтоб посетить дамскую комнату и закрыться в ней подольше, избегала общения с гостями, со своими в том числе, и старалась не попадаться на глаза эксперту. После ухода Патанина нас передали молодой, но перспективной Инне Юрьевне. Она и вправду была молода, моложе меня. Я хорошо помнила момент ее стажировки на эксперта и первые успехи, к тому же период притирки к новому руководителю все равно занимает какое-то время. Притираться с моей стороны не было ни малейшего желания, но понимание того, что она, как и все, просто делает свою работу, так или иначе заставляло взять себя в руки. Мы управились где-то недели за две. Ее основным критерием для меня оказался тот факт, что она была прежде всего Человеком.

Дальше все снова вошло в свое русло. Я механически ела. Иногда. Выходила на улицу за чем-то неважным, но нужным для чего-то. Спала в совершенно немыслимом графике. Отвечала на звонки Инны Юрьевны...

Одним словом, я пребывала в анабиозе. Попытки отвлечься и заняться чем-то «интересным» заканчивались абсолютным безразличием. Книги были пустыми, фильмы – глупыми, чужие вопросы и рассказы – смесью книг и фильмов, не вызывающих никакой реакции. Единственным развлечением было и оставалось наблюдение...

Я все чаще и чаще наблюдала за партнерами, которые после подготовительных и не только собраний твердой и не очень поступью двигались к главному входу в отель, глядя на натянутые улыбки друг друга, выражающие легкое превосходство, и неизменное «отлично» на абсолютно любого рода вопросы, начинающиеся со слова «как?». Глядя на причудливые временами фигуры «успешных людей», сложно было предположить, насколько способными актерами они являлись и насколько драматичными были их спектакли.

* * *

Во внутренней жизни филиала сплошь царили интриги. Они поистине поражали числом вовлеченных в них людей, изощренностью и мелочностью целей. Борьба шла не то что бы за «золотой» бейджик – все обстояло гораздо острее. Боролись за первенство общения с экспертом после структурного собрания, за возможность первым занять столик в кофейнике, отслеживали, кто же пьет кофе из бумажных стаканчиков и жует шоколадки в туалете, чтоб тут же усугубить участь бедняги и донести эту ценнейшую информацию его эксперту. Одним словом, все жили «единой семьей» и действовали «отлаженной командой» согласно известному здравому смыслу: толкни ближнего, насри на нижнего. Работая в тесном сотрудничестве, все страшно враждовали между собой, говорю в особенности о старожилах бизнеса, умеющих ловко формировать вокруг себя лагерь, состав которых менялся еженедельно: сегодняшние враги через несколько дней становились союзниками. Все зависело от того, против кого дружить.

* * *

Атмосфера всеобщего недоверия подкреплялась сплетнями. Филиал ими жил. Это был единственный достоверный источник информации. Казалось, каждый партнер живет и появляется в филиале, чтобы опровергнуть самый гнусный слух о себе и распустить еще более омерзительный про соседа. Пик обсуждений приходился на время после собраний субботы и воскресения, когда зарабатывающие отправлялись в увлекательное путешествие по Москве и Подмосковию, а «самые успешные» развлекали себя иными способами.

* * *

Особняком стояла тема интимных отношений. Если посчитать количество счастливицев, имеющих связь с наиболее эффектными барышнями филиала, то получалось, что они только и делали, что совокуплялись. На что-то иное им просто не хватило бы времени. Изредка случались продолжительные романы, перераставшие в нечто большее. Иногда они распадались или производили обмен партнерами. По моим подсчетам. Через какое-то время наш филиал действительно мог стать «одной большой семьей», а последующее поколение автоматически будет вписываться как «пункт», пусть и на контракт, но в структуру стабильно.

* * *

Сколько тогда нового я о себе узнала. Сколько версий ухода Патанина, сколько подробностей его экспертной и прочей жизнью... с кем жил, с кем спал, кому приходился родственником, что служило причиной его столь раннего и быстрого карьерного роста, откуда приехал и чуть ли не какие ритуалы использовал перед собраниями – все это будто шквалом вывалилось мне в уши. Все его личностные взаимосвязи с бывшими и нынешними партнерами (партнерами, если уж быть точнее) во всех красках и подробностях, как их потом целенаправленно сливали или передавали другим экспертам, чтоб те в свою очередь в жесткой форме держали их рты на замке, так как они теперь, как нерадивые свидетели, знали на тот момент уже несколько больше, чем положено рядовому партнеру, а омрачать честь эксперта – дело недопустимое.

* * *

Мне называли их имена, кого-то показывали пальцем, кого-то на фотографиях структурных альбомов, а я впивалась себе ногтями в ладони и до боли сдавливала челюсти, борясь внутри себя с натиском негодования, зачем они мне все это рассказывают, и диким желанием вломить оппоненту. Таким образом, самые осведомленные партнеры развили во мне хроническую антипатию к собеседнику: это когда, начиная разговор, уже думаешь, куда лучше бить – в печень или сразу в лицо. Все чаще хотелось в лицо, аккуратно по нагло-скользким ухмылкам особо заматеревших представителей «элиты» бизнеса, когда те подходили ко мне с недвусмысленными предложениями. Откуда подул именно этот ветер, можно было предположить, но отчего вдруг с таким шквалом, оставалось только догадываться. Тот факт, что я перестраховывалась, флиртуя с наиболее яркими представителями фойе, иногда даже чрезмерно и демонстративно, для отвода глаз, когда наши отношения с Игорем повернули в немного иное русло, автоматически создавал обо мне какое-то подобное впечатление. Меня это даже забавляло в определенной мере (двойственность, не забывайте!), но то, что из этого сделают публичный сквозняк, рождало нервозность и неподдельный интерес, кому же и чем настолько стала важна моя персона, что не проходило и дня, чтобы очередная сплетня не витала на устах партнеров.

Поначалу я пыталась как-то с этим бороться: узнавать, опровергать, посылать, наконец, тех, кто совсем уж терял рамки приличия, доходила даже до руководства, но и там мне ясно дали понять, что судьбы пешек в подобных партиях мало заботят королей. Что ж, иметь свое мнение при любых обстоятельствах и научиться его отстаивать впиталось в подкорку благодаря вашему же выбывшему «слону». Настанет мой ход. И с этим ходом я не спешила.

* * *

Игорь по-прежнему не отвечал. Уже которые сутки. Я подолгу могла слушать в трубке бесчувственный голос о том, что абонент not available now, покачиваясь на краю кровати где-то далеко под утро, снова и снова набирая его номер. Я не закрывала страницу социального сайта, на котором он как-то показал мне свой профайл, (естественно, без фото и личностных данных), демонстрируя при этом и себе, и другим свою чрезмерную занятость на этом сервере. Действительно, ведь здесь столько всего необходимого и важного, и все исключительно по делам. Да и сообщений скопилось море... столько дел. Столько!

Раньше, правда, я справлялась менее чем за час, когда сообщения в этих информационных помойках действительно скапливались изрядно, теперь и полдня мне хватало с трудом. Почему он не отвечает? Но проверять на его странице последнее время визита – это же лишнее

палево. А показывать свой повышенный интерес – это же никак неприемлемо. Зато подолгу паяться на увеличенное фото аватарки – это нормально. Это в порядке вещей! Умница, конспиратор!

Да, он в какой-то степени свинья, да, он просто оттолкнул и исчез, не считая нужным что-либо объяснить, перечеркивая тем самым всю значимость того, что между вами было. Да и было ли? Вполне вероятно, что все те сплетни, что доходили до моих ушей, в чем-то и являлись правдой, и все, что я сама себе надумала под воздействием обострившихся чувств, далеко таковым не являлось и просто закрыло мне глаза на реальную действительность. Только какой это теперь уже имело смысл? Факт оставался фактом – он не искал со мной связи. А теперь быстренько закрываем ноутбук и сваливаем делать что-то полезное. Пойти спать, например. Или хотя бы погасить непонятно для кого надрывающийся все это время MTV с каким-то бессмысленным хит-парадом. Сделать хоть что-нибудь, только не думать больше. Ведь все решения, которые мы принимаем после двух часов ночи, – это неправильные решения. Потому что алкоголь, может, где-то и Dolce & Gabbana, так как якобы в меру, но явно не сегодня и не в моем случае. И пусть ноющее сердце в ряде случаев действительно имеет тонкий привкус текилы, такой солоновато-кислый, выжатый и растертый до цедры, зато наутро от него остается устойчивый запах перегара, а вместо головы – правильная форма куба. И не ной потом, что совладать с собою становится с каждым разом все сложнее и все непременно валится из рук. Алкоголь выветривается – пустота остается, и никуда ты от этого не денешься...

* * *

В один из таких моментов мне показалось, что я не люблю Москву. Город-герой, город-мечта, но чувства остывали. В ней стало как-то слишком много негатива для меня. Порой, казалось, она просто задыхалась в нем. Он шел отовсюду: пробки, переполненные вагоны метро, раскаленные офисные здания, тротуары, торговые ряды, очереди даже за средnedоступными развлечениями, заведения общепита... Он был везде и передавался с ошеломляющей скоростью, ведь его разносчиков с каждым днем становилось все больше. Каждый прибывал в этот город в поисках лучшей красивой жизни, но, не найдя таковой, обвинял в том лишь других – всех. Сам город также входил в это число. И с каждым днем таковых становилось все больше, каждый приезжающий на перроны московских вокзалов поезд дальнего и не очень следования ежедневно вываливал десятки и сотни «будущих коренных москвичей» вместе с их пыльными пожитками прямо в недра этого уставшего города. Как в свое время сделала и я...

Только ночами она еще оживала. Могла вздохнуть хоть чуть глубже, спокойнее; окунуться в канал, облиться дождем или просто полюбоваться своими огнями, осветить ими центральную улицу и встретить рассвет на мосту с видом на Садовое. Пока еще свежо, пока еще источники негатива не зарядили свои аккумуляторы, а сонно выползали на ее обновленные улицы.

* * *

Я стала прятаться от них вместе с ней. Особенно после переизбытка ненужной информации и гнилой энергетики скопления масс. Я забиралась на максимально допустимую высоту Lotte Plaza или City Space и наблюдала за ней, за ее дыханием, за тем, как потягиваются сбитые судорогой ее дороги, как вздымаются диафрагмы высоток, как встряхиваются конечности панельных домов. Я вздыхала вместе с ней и поднимала чашку немного остывшего кофе, а иногда, возможно, чего-то покрепче, за ее здоровье, за ее силу и понимание, которое, возникшее между нами однажды, крепчало теперь с каждой ночью.

Я подолгу могла смотреть, как капли мелкого дождя лениво сползают по склону витражных стекол ее кофеев на мокрые машины, выстроившиеся в ряд где-нибудь в укромных местах обочин. Вслушиваться в шелестящее похрустывание шипованной резины по голому изможденному асфальту из приоткрытого окна.

Нравилось вдыхать отголоски раннего утра, когда сонное солнце только-только вступало в свои права, иногда еле проглядываясь сквозь нависшее небо. В это время все пахнет как-то иначе. Мокрый асфальт, вчерашняя влажность и сладковатый аромат слоеной выпечки.

Но больше всего мне нравилось молчать. Просто молчать и понимать, как многое мы порой заглушаем собственным голосом. Мы заглушаем все остальные способы восприятия, тогда как оказывается гораздо приятнее просто прислушаться к внутреннему диалогу. Просто найти его, просто осознать, что он есть. А он есть. И это зачастую самый корректный, воспитанный и справедливый собеседник. Он не заискивает, не льстит, не пытается подмаслить неказистыми высказываниями, просто потому что ему от тебя ничего не надо. Он и так знает о тебе слишком многое, чтоб не задавать глупые вопросы и не требовать от тебя объяснений. Иногда он надавливает на больные места, иногда поддерживает в принятии решений. С ним просто. Его бывает сложно найти. В себе.

Один из таких диалогов привел меня к мысли написать заявление на эксперта.

* * *

– Ты еще здесь, Лер? – вернул меня из размышлений Ивсеев.

Он всегда умел делать это грамотно и незаметно, просто проведя ладонью перед моим потерянном лицом.

Ему в последнее время частенько приходилось этим заниматься, потому что мне было над чем поразмыслить.

Новость о том, что в то утро оборвалась жизнь одного из партнеров еще до того, как его смогли вынуть из перекореженной «Тойоты», заставляла связывать в голове определенные события. Некоторые из них упорно не укладывались друг с другом. Внутреннее напряжение мозга возрастало, сопротивление так и норовило сжечь.

Я прикрыла глаза ладонью и глубоко задышала.

– Ты в порядке? – все тот же голос.

Я не ответила. Я стала уставать от всего этого. Капитально. До боли в висках и тяжести в желудке. До рези в барабанных перепонках и привкуса горечи на языке.

Мне не хочется говорить. Совсем. Не произносить ни слова. Все, что нужно узнать, можно прочесть по глазам, – просто посмотреть, просто заметить, нежели переваривать замусоренный поток информации. От него случается передоз, и система фильтрации начинает давать сбои, а это непременно приводит к нервному расстройству. В наше время информационного прессинга нервные расстройства становятся хроническими. А фильтры – одноразовыми. Поэтому давай просто помолчим. Просто и красноречиво. Как жаль, что это мало кто умеет. Как прекрасно, что с ним это возможно.

– Лер?! – Стас потряс меня за руку.

– Да... да... я в порядке.

– Лер!

– Все отлично.

– Ты меня не слышишь?

Я подняла ладонь с век и повернулась в его сторону. Он напряженно смотрел.

– Заученными фразами будешь говорить кому-нибудь другому – мы уже не на собрании, – однако хороший расклад. – Я не узнаю тебя в последнее время. Что происходит?

«Неужели кто-то из нас еще сохранил способность к проницательности, или это мое лицо теперь как табло для считывания?»

– Да все в порядке, Стас. Не выдумывай... – я попыталась отмахнуться от навязчивых откровений (что с них толку?). – Устала просто...

– Слишком часто я отвозил тебя домой уставшей, чтоб так наивно поверить. За идиота меня не держи, – он даже немного разозлился на меня, слышно было по интонациям. – Не настроена говорить – так и скажи, но глупые отмазки придумывать не надо. Не со мной, по крайней мере...

Я сглотнула. Он прав. Он абсолютно прав. Вот только смысл мне его грузить? Мне с ним в фойе еще работать, недалеко как завтра, а я тут нытье сейчас свое открою. Он еще, не дай бог, заморочится, а мне нужен его здравый рассудок и исключительно холодный.

– Ты к смене эксперта, что ли, никак не привыкнешь?

Цепляет. Цепляет, черт возьми. Наобум ведь бьет, а так как будто знает. Нужно срочно атаковать, иначе выдам себя с потрохами.

– Да при чем здесь эксперт?! – неподдельно возмутилась я. – Бизнес работает, а чью фамилию на уведомлениях писать, принципиального значения не имеет. Впрочем, как и то, кто им бейджики будет выдавать.

– По сути, да, – воспринял он. – На каком-то этапе становишься более автономным, что ли, была бы система, а способы найдем. Это новичкам свойственна привязанность к эксперту. Вон некоторые персонажи в соплях с собрания сбегают при смене руководителя и не появляются потом. Хотя какая, в принципе, разница, не для эксперта же зарабатывают, для себя, так что мешает зарабатывать дальше? Глупости какие-то, ей-богу.

– Ну, да... – и тоскливая улыбка предательски поползла на лицо. – Хотя, знаешь, я им завидую в какой-то степени.

– Завидуешь?! Кому? Новеньким партнерам?

– Угу. Мне еще при вступлении кто-то из «стареньких», когда поздравлял, сказал, что завидует. Я еще удивилась тогда, а сейчас понимаю...

– Объяснишь? – не унимался Стас.

– Да ты сам вспомни! При вступлении какие эмоции были, сколько впечатлений: новые люди, новые места, эксперты-полубоги, каждый день что-то новое и ослепительное понимание, что наконец-то жизнь дала тебе верный путь и что все теперь будет хорошо. Я тогда ни капельки не сомневалась, что все будет хорошо. Непременно хорошо. Скоро, совсем скоро. Знаешь, как в детстве, когда мама нежно гладит тебя по голове, успокаивая истерику по поводу разбитой коленки, приговаривает, что все будет хорошо, что все пройдет, нужно лишь чуть-чуть потерпеть. И ты искренне веришь, что в жизни будет кто-то, всегда будет кто-то, кто спасет, что бы ни происходило, этот кто-то окажется рядом и спасет. Меня тогда спасал Ромка и эксперт, конечно же, Игорь Викторович. Как наставник, что ли. Такая голова у человека, такое мышление, я поражалась! Хотя мы одноклассники всего-навсего, как выяснилось. Лишь со временем вновь убеждаешься, что надежда – это просто очередной переходный период, он проходит, его нужно просто перерасти. Но тогда мы все были, словно как дети, переполнены эмоциями, нетерпением и ожиданием, что скоро... совсем скоро. Верили, что все станет лучше, обязательно станет лучше, если усердно трудиться – выполнять наставления эксперта, прилежно учиться, внимать всем рекомендациям и быстро бегать – быть в динамике. Тогда все будет хорошо, и мы непременно всего добьемся. Непременно.

– Сейчас не так...

– Ну да, раньше и мороженое вкуснее было в стаканчике за десять копеек...

Стас прыснул ироническим смехом.

– Мы с тобой как пердуны рассуждаем. Вот во времена моей молодости – это дааа! А во времена моей молодости – это даааа!!!

– Притупилось это чувство. Со временем все притупляется. Главное, что надежду пока не пережили – держимся еще пока.

Он по-доброму так усмехнулся в ответ, а я продолжила:

– Не надо поэтому доставать меня расспросами, что со мной.

– А что надо?

– Валить отсюда надо. Здешняя духота делает меня нервной, склонной к суициду истеричкой.

– Тогда поехали скорее, старая!

* * *

Чужие чувства – это очень деликатно. Никогда не знаешь, что там было до этого, какие раны, трещинки, какая радость и боль. Ты просто видишь открытую перед тобой душу и не знаешь, что с ней делать, чтоб не ранить еще раз. Поэтому всякий раз аккуратно прошупываешь каждый новый слой, каждый уровень и невольно замираешь в приближении к чему-то тонкому и щепетильному. Особенно аккуратны в этом вопросе те, кто помнит и знает, каково это, когда твою душу вскрывали без ножа.

«Влюбившись безответно, хочется попросить прощения у всех, кто безответно любил тебя». Четкая фраза! Автора, к сожалению, не помню. Только правда это. Моя правда.

И в очередной раз, осознавая вдруг, что человек влюбляется в тебя, хочется насторожиться от возникающей автоматически ответственности. Ведь любовь – очень мощное чувство, и никогда не известно наперед, каким образом оно отзовется в дальнейшем. Оно, как любое оружие, может служить во благо, а может и не совсем, смотря в чьих руках оно находится. И порой это даже опасно. Только нет ничьей вины в том, что она иногда откуда-то рождается. И какая бы она ни была, любовь просто есть, и никто ею никому не обязан. Она не призывает, она не обременяет. Но она меняется и незаметно меняет ее обладателя. Сначала любовь побуждает отдавать. Отдавать часть себя, своей души, своей теплоты тому человеку, но, не получив ничего взамен, она начинает требовать, буквально капризничать с открытым негодованием и стремлением вернуть инвестицию в лице самого человека. А еще через какое-то время проходит и это. Остается лишь тихий отголосок где-то внутри и жесткая мотивация неуклонно двигаться дальше под флагом его имени. Чтоб просто не сойти с ума, мне нужно было двигаться дальше. Кроме бизнеса, на данный момент у меня больше ничего не было...

* * *

Она тупо смотрела на заляпанную скатерть и ковыряла чайной ложкой розовую массу йогурта, к которой так и не притронулась за сорок минут. Я крутила в руках чашку, сидя напротив, и не находила, что ей сказать.

– Ты вообще ешь? – не удержалась я задать глупый вопрос. Жалость подкатывала непроизвольно.

– Не лезет, – вымолвила она, не поднимая взгляда. – Вечером иногда не помню, что я ела за день. И ела ли вообще.

– Мне это знакомо...

И пауза. Тугая молчаливая пауза. А что я еще могла сказать. Мне понятно ее состояние, только что ей с этого понимания.

С Маринкой мы познакомились в баре во время очередной традиции. Милая худенькая брюнетка с острыми скулами и в меру коротким платицем неприкрыто проявляла интерес к нашей шумной компании «в пиджаках», когда после официальной части и громких тостов партнеры вылезали из-за стола, рассредоточиваясь по всему заведению. Я подошла к бару за

дополнительной пепельницей, когда она заговорила со мной. Меня привлекли ее со вкусом подобранные и совсем не дешевые аксессуары, как и отсутствие тяжелой степени опьянения в глазах, столь не свойственное для молодой особы в такое время и в таком месте.

– У вас, должно быть, очень дружная компания, раз даже свободное от работы время вы проводите вместе, – выдала она вместо приветствия.

Я на секунду задержала на ней взгляд. Ни грамма напыщенности, ни намек на подхалимаж...

– Лера, – я протянула ей руку. Этот рефлекс уже стал автоматическим при знакомствах. Она недолго изучала мой жест, прежде чем ответить:

– Марика.

Я не отпускала ее ладонь, надавливая чуть сильнее.

– Можно просто Марина.

Перехватив освободившейся ладонью стакан, я последовала обратно к столу.

– Пойдем, – кивнула я ей через плечо. – Что одна-то здесь стоять будешь?

Марина быстро влилась в наш полупьяный коллектив, с любопытством разглядывая каждого, вовремя поддерживала непонятный для нее юмор (основанный по большей части на партнерском сленге) и не выпускала из рук фигурный бокал с красно-оранжевой жидкостью и салатным зонтиком на дольке апельсина.

– У меня друг жизнь свою сегодня поменял, – вещал ей на ухо поддатый Пригласитель только что испеченного партнера. – У него, можно сказать, сегодня второй день рождения. Он, правда, этого не понимает еще пока. Я тоже не понимал, когда вступал. Думал, афера какая-то, а оказалось, билет свой счастливый вытянул. Реально жизнь шанс дала. Теперь что ни день, то праздник, – он обвел гомонящий стол бокалом виски. – С такими людьми общаюсь! Один наш директор чего стоит! За нее, кстати!

Он чокнулся с бокалом Марины и ненасытно заглотнул янтарную жидкость с играющими кубиками льда, все больше нависая над нашей новой знакомой:

– А ты-то чем занимаешься?

Я наблюдала за этой картиной практически с противоположного конца стола и все больше понимала, как на глазах она выходит из-под контроля.

Жестом я подозвала к себе Фадеева:

– Ты бы проконтролировал его, Кирилл, – я кивнула в сторону эпицентра назревающего приглашения. – Что-то разогнал твой товарищ, того и гляди на салфетке схему чертить начнет, да и новенькому не надо бы видеть своего Пригласителя в таком состоянии, работать еще с ним как-никак.

Юрка, сам изрядно захмелевший, спохватился мгновенно и отозвал своего подопечного на «пару ласковых». Я тем временем переместилась к этой смышленной особе. Было в ее поведении что-то близкое. Рыбак рыбака, как говорится...

– Лер, можно вопрос? – улыбнулась она, когда я присела с ней рядом.

– Конечно.

– Чем у вас компания занимается?

«Ах ты рыбка...» Улыбка ехидно расплылась на моих губах:

– А почему тебе это интересно?..

Спустя пару недель Марина стала нашим партнером. Фадеев отработал превосходно. Я не стала ее приглашать – лишь довела до открытого интереса, затем, сославшись на огромную занятость, передала на попечительство Юрки. Результат – полная незаинтересованность с моей стороны (она же – авторитет при работе в фойе), двойная продажа ее будущего ответственного и пятьдесят процентов с компенсации за каждый пункт ее вступлений.

Неплохо, по-моему, за один вечер...

Квалифицировалась она за две недели. И пусть мы находились в разных структурах, это не мешало нам общаться. Мы стали даже дружить, если можно так выразиться в рамках нашего бизнеса.

Еще через неделю я узнала о ней много нового после короткой фразы:

– Батунина, нам надо поговорить.

Мы поговорили за пределами стен филиала, в захудалом районном кафе. Я узнала некие подробности ее жизни, ее другую сторону, так сказать. Отголоски этой стороны долго еще аукались мне в череде событий. Но все могло бы пойти иначе, если б она не попросила о помощи...

* * *

А сейчас, борясь с неврозом, я, не переставая, вертела кружку с остатками остывшего кофе в руках. И по-прежнему не знала, что ей сказать. Какие вообще тут могут быть советы, если не рекомендации?..

Бросить все, не жить с нелюбимым ею человеком и оказаться на улице. Так уж изначально случилось в ее ситуации, что, кроме как профессиональной содержанкой, она никем не являлась. Привезли тепличный цветок в каменный город и закрыли в парнике, а о том, как за его пределами бывает холодно, сообщить не удосужились. А смысл... Пусть уж остается наивной маленькой мышкой – проще манипулировать.

Или, наоборот, держаться и мучиться, целыми днями развлекать себя телевизором, вечерами реветь в ванной, пытаюсь накраситься, и временами давать себя насиловать олигархам в надежде, что в ней наконец-то рассмотрят талант не только качественного минета.

Она ведь и уцепилась за нас в тот вечер, потому что тянуло еще к чему-то живому. Где есть о чем поспорить, есть что обсудить, есть на кого стараться произвести впечатление и на кого равняться. Где царит гул, движение, суета. И пусть улыбки тоже встречаются фальшивые, но это все же интереснее, чем качать губы и обсуждать чужие ноги, пока «арендатор жизни» шпилит шлюх в сауне. Она и вступительный взнос-то сняла с пластиковой карточки, оправдавшись, что на новые туфли – кто там будет разбирать, новые они или не новые, когда их количество переваливает за двадцатую пару.

Думаю, не сложно предположить, кем были ее пункты. Можно сказать, мы их вступали сами. Да и бог с ними – я свое получила, а Юрка подход найдет. У меня теперь другая появилась забота. И сидела она напротив меня...

Что я могу ей сказать? Что?! Когда причиной переезда в мегаполис послужило приглашение знакомого по интернету... Где ж голова-то, боже мой, девочки?!

Я сделала последний глоток остывшего кофе и резко встала со стула. Хватит. Я не могу, я не умею решать чужие проблемы. Мне жаль ее. Очень жаль. И я ненавижу это самое адское проявление внимания. Оно даже хуже безразличия, когда тебе элементарно насрать. А здесь я пытаюсь влезть в ее ссудулившуюся исхудалую шкурку и прожить ее момент жизни. За нее.

Я положила ладонь на ее оголившееся плечо из-за сползшего халата, и, помедлив с минуту, вышла из комнаты. Я налила ей водки в баре. Да, водки, и пофиг, что сейчас только десять утра. Время относительно, как известно.

– Пей, – сказала я, хлопнув рюмкой четко перед ней, чтоб хоть так встряхнуть с нее это убогое подвешенное состояние.

Она вздрогнула и перевела взгляд на прозрачную жидкость, но не сдвинулась с места.

– Пей! – нагнувшись к самому уху, процедила я.

Злость начинала доминировать, а сопливость раздражать еще больше. Жалость к себе – вещь, конечно, затягивающая, но меру тоже имеет. И не надо в таком случае обращаться к кому-то с наболевшим вопросом – незачем расходовать время и силы другого человека. Упиваться этим состоянием лучше в одиночку.

Она неуверенно обхватила рюмку двумя пальцами, оттопырив при этом мизинец (аристократка, блин), и медленно поднесла к губам.

– Пей и одевайся. Через пять минут я жду тебя на улице.

Она вышла через 15 минут, кутаясь в куртку, как будто было холодно, и не поднимала так и не накрашенных глаз. Я взяла ее под локоть и повела к дороге. Таксовать долго не пришлось. Я затолкала ее на протертое заднее сидение гнилой «девятки», сама села вперед. Наблюдать всю дорогу потупленный взгляд в никуда не придавало особой радости.

Я везла ее в лес. Нет, не подумайте, убивать и расчленять я ее не собиралась, да и пакетов мусорных не прихватила. Хотя вломить хотелось, просто нужно было уйти от каменных коробок и густой серости к чему-то более или менее натуральному.

Ивсеев забрал нас ближе к вечеру. Замерзших, голодных и, как всегда, полоумных. После того как я обработала ее мокрым снегом – там его было еще с лихвой, – Маринка начала смеяться, после того как получила снежком в голову – даже соображать. Когда мы садились в машину Стаса, я не чувствовала своих конечностей – пальцы рук и ног были наглухо отморожены, из носа постоянно текло, а замерзшие губы очень смешно, но еще шевелились. Он раздал нам по кофе, заботливо купленному по дороге в ближайшем «Макдоналдсе», – как он все-таки умеет – грамотно и в нужный момент.

Уснувшую по дороге Маринку мы выгрузили у гостиницы – она сняла там номер, чтоб не возвращаться домой. Трубку она так и не включала – боялась, что б она там ни говорила. Продолжала скрываться, понимая, что чем больше это затягивает, тем быстрее ее найдут. Хотя, по моим прогнозам, там вряд ли кто-то затруднялся поисками, все решалось гораздо проще – птичка сама постучится в окно, когда средства на карте иссякнут. Ей еще услужливо подыгрывали, не заблокировав ее в первый же день. Агония длится недолго, как известно...

Но тем не менее девочка была довольна и в гораздо лучшем состоянии, нежели с утра. Она даже отзвонилась с ресепшена со словами благодарности и планами на завтрашний день. Они были не менее чем грандиозные, прям как новая жизнь с понедельника. Та же информация постигла и Юрку, прежде чем, отмороженная за день, она наконец утомилась. И я бы с удовольствием последовала ее примеру, но меня еще ждала ночь откровений...

Ивсеев. Кто бы мог подумать! Всегда выдержанный, всегда собранный, всегда пример галантности и обходительности, сейчас сидел передо мной потерянным и растрепанным. Он был похож на взъерошенного воробья, сброшенного с ветки порывистым ветром. И я смотрела на него с пассажирского сидения его «паркетника» и не переставала удивляться. Я могла сотворить с ним все, что угодно. Одним взглядом, одним поднятием брови. Он был искренен, слегка неловок и тем самым немного смешон. Он хотел меня всем своим существом – подавляемое чувство рано или поздно все равно находит выход, причем не всегда советуясь с его обладателем. Так и здесь. Всем нутром, всем своим сознанием он сейчас был отдан в рабство собственных эмоций. И они не скупилась на вольности. Я знала, он бы сделал все красиво – льстил тот факт, что все это время он просто стремился быть рядом и быть нужным, не требуя чего-то взамен. Он и сейчас не требовал – просто выражал как есть, не сдерживая напора. И все бы хорошо, но я представляла на его месте другого. Это несправедливость и правда жизни одновременно.

«Стас, ты хороший мальчик, но я тебя не хочу. Не хочу ни минуты, понимаешь? А если б хотела, все равно бы не стала. И ты знаешь почему».

Я гладила его по плечам, нежно прикасалась к ключицам в расстегнутой горловине рубашки. Он сходил с ума от этих прикосновений, с каждым разом все сильнее впиваясь в меня поцелуем. Это была игра на грани, но степень тонкости этой грани определяла все же я.

– Почему? – спросил он, наконец осознав, что дальнейшая настойчивость не имеет смысла. – Просто скажи, почему?

– Я не хочу тебя... обижать.

– Тогда придется ответить.

С секунду он промолчал.

– У тебя есть кто-то?

– Нет.

– Ты меня не хочешь?

– Нет.

Я понимала суть происходящего, и здесь он был прав. Я прикоснулась к его плечу, нарочито пощекотав ресницами, и, не поднимая глаз, ответила:

– Я не чувствую к тебе того же, что и ты ко мне. Ты понимаешь, о чем я, – я все же поймала его взгляд. – И с моей стороны было бы свинством играть твоими чувствами.

Он отвернулся, глядя сквозь лобовое стекло перед собой.

– Повезет же кому-то... – куда-то без адреса парировал он, – но целовать ты себя позволяешь?

Я улыбнулась.

– Это диалог, Стас. Диалог немного другого уровня. Он понятен не каждому... Я так считаю.

Он долго всматривался в меня. Затем изрек:

– Я провожу тебя?

Я одобрительно кивнула, накрыла ладонью его руку на коробке передач и не отпускала ее все время, пока мы ехали.

Возле подъезда мне не было смысла долго задерживаться и плодить неловкую паузу.

– Я все равно очень хорошо провел сегодняшний вечер, и ты...

Я приложила ему палец к губам: гораздо больше было сказано без слов. И, поцеловав, вышла из машины.

Он смотрел мне вслед, я знаю. Смотрел, пока подъездная дверь не защелкнулась магнитом. Только в этот момент я смогла по-настоящему выдохнуть, высвобождая нарастающую пустоту внутри. Почему же все так непросто?..

Да потому что нет в этом мире подлинного понимания, и никогда его не будет. Во всем принцип двусторонности медали. Когда кому-то хорошо, то кому-то от этого плохо. И эту страницу жизни я бы вырвала и сожгла, и хотя рукописи, как известно, не горят, о них просто забывают. Забывать не получалось. Я по-прежнему косилась на дверь в зал собрания в надежде, что сейчас выйдет Он, как всегда во главе экспертов. И по-прежнему это был кто-то другой. Но мне нужно было жить дальше, просто жить и пить, но не вино, а саму жизнь. И как же хотелось вновь ощутить этот хмель от осознания собственного нахождения на этом свете. И как же плохо у меня это теперь получалось.

Новые увлечения как способ забыть старое, говорите? Что ж...

Я положила заявление на стол Инне Юрьевне.

* * *

Меня начали стажировать в течение недели. Смена власти повлекла за собой уход многих сильных звеньев. И пусть лучшее – враг хорошего, мне было с чем сравнивать. Я побывала на границе эпох, если можно так выразиться. И то, что открывалось передо мной с каждым днем, лишь подтверждало мои догадки.

Всем нам свойственно путать людей и легенды о них. И успешный человек – это, прежде всего тот, кто считает себя успешным, тот, кто заведомо верит в особенность своей жизни. Тревоги, недовольства, душевные раны и комплексы – вот из чего вытачивается успех. Иначе зачем стремиться изменить мир и себя в нем, когда тебя все устраивает?..

Мои скитания еще не достигли своего апогея, но то, что происходило вокруг меня, давно уже перестало устраивать.

Такова была оборотная сторона, такова была их истина, и ее вопросы никак не входили в круг общественных проблем. Не поэтому ли всегда существовала и существует эта четкая грань между руководящим звеном и партнерами...

* * *

По массе своей люди слепы. Они всегда оперируют только целесообразностью данного момента. И моральные принципы тут совсем ни при чем. Они никогда не оказывали влияния на общество, не были исключением и наши рядовые партнеры. Так что если вы удосужились попасть в те единицы, которые этой истины не боятся, и если вы действительно нацелены в этом мире чего-то достичь, то вам придется обманным путем добиваться от людей, чтоб они позволяли вам это сделать. Другого не дано. И это правило номер один.

Компания незыблема не потому, что совершенна, а потому, что монументальна.

Только, к сожалению, ее франшизы теряют в цене при снижении человеческого фактора. Кадры решают, как известно, пусть и не все, но решают многое.

* * *

Я поправила узкие очки на переносице, вновь вникая в текст персональных переговоров. Заучивала я быстро, пересказывала с выражением тоже неплохо. Оставалось отточить жестикуляцию и прикупить брючный костюм. Симпатичная женщина в деловом костюме – это ваш фетиш, господа, что бы она при этом ни говорила. Вы мечтаете о такой стерве в лице начальства и в вашей постели. И, как следствие, такая особа достаточно быстро продвигается по иерархической лестнице без особых усилий. За примером далеко ходить не буду: Инна Юрьевна – ярчайшее тому подтверждение. Она сидела через стол напротив, оживленно беседуя с господином Проценко, одним из немногих оставшихся экспертов старой гвардии, и эта красная помада была ей исключительно к лицу.

«Мое восхищение, И. Ю.!»

* * *

Меня дрессировали по всем правилам. Каждый играл свою партию, они – незаинтересованность, я – целесообразность своего присутствия. Им нужны были лидеры, а лидерам всегда нужен кто-то, кто вознесет их на вершину. Поэтому я старалась, как могла. Так или иначе, я планировала задержаться здесь на какое-то время, а все это в глубине души «на время» слишком хорошо известно. Крепости на время не берут...

* * *

Маринка так и не отзвонилась на следующий день, как и на все последующие. Не нарастила еще пока она хитиновый покров, да и успеет ли теперь? Мне не хотелось влезать, чужая жизнь, сами знаете... только тревожный звонок Юрки заставил встрепетаться. Он не мог ее найти. Нигде. Хотя перед этим они договаривались о встрече – приглашение. Ее подруга пришла чуть с опозданием, Марина же не пришла вовсе.

И если за все это время она не набрала мне ни разу, тогда я знала, где ее искать...

Я объехала четыре клуба. Ни в одном из них ее не было. Ни среди моделей-консуматорш, разводящих на бухло жалкую горстку «мачо», неуверенно переминающихся у бара, ни в сумрачных чилаутах, ни в ВИП-зонах. Я быстро прочесывала территории массового развлечения ночной элиты, в глубине души понимая, что совершаю сейчас очевидные глупости, и покончить с ними нужно было как можно скорее. По-хорошему мне нельзя было сейчас здесь находиться, более того, в поисках «нерадивого» партнера. Я уже переступила ту бездну, отделяющую меня отныне от партнеров. Теперь весь бизнес делился для меня на три лагеря: партнеры, руководящий состав и жизнь «вне». Всецело я принадлежала теперь второму, пусть находясь только на подножке этого сверхкомфортабельного вагона, без права возврата. Однако это ничуть не помешало мне после стажировки на собрании и личных наставлений Инны Юрьевны переодеться в короткое платье, нанести боевой раскрас, набрызгаться парфюмом и поехать в клубный рейд...

* * *

В одном месте меня пытались снять пять раз, в другом – три. «Сдаю позиции, черт возьми!»

Между делом я невольно наблюдала за людьми и пыталась понять смысл их пребывания в подобных заведениях. Я стояла на балкончике и видела эти жадные глаза, шаркающие по моим ногам и выше уровня короткой юбки, и лицезрела, что по-настоящему движет ими (клубными людьми) уже давно и далеко не праздность. Комплексы и либидо, прямо пропорционально зависящее от комплексов, – чем больше они, тем сильнее зовет либидо. Факт. И большой молодец тот, кто осознал это в разы раньше меня и смог зарабатывать на этих двух составляющих хорошие деньги. Красавчик просто. Но, к сожалению, модель устаревает, и в скором времени понадобится совершенно новая клубная концепция, если кому-то будет еще интересно взрывать этот гребаный клубный мир Москвы. Как мне казалось, он будет основан на недоступности.

* * *

Они пожирали меня глазами... почему? Потому что я была над ними. И они понимали, что хрена они смогут ко мне подняться и хрена с два спустись к ним я. Однако смотрели и не отводили глаз. Мне же оставалось лишь бросать самодостаточный взгляд, чтоб просто подогреть интригу. Но стоило бы хоть на мгновение потерять контроль и каким-то неловким движением охарактеризовать себя как «продается за недорого» – все! Интерес испарился бы со скоростью горящего шота – быстро, крепко, в голову дало – и ладно.

Недоступность. Вот что манит сейчас наш зажавшийся и бедствующий народ. Ведь быть недоступным – значит быть избирательным! Быть недоступным – значит бережно прикасаться к миру, значит не выжимать все до последней капли и тем самым сознательно избегать истощения и себя, и его. Это значит не поддаваться голоду и отчаянию, как дегенерат, который боится, что не сможет поесть больше никогда в жизни, сжирает без остатка все, что попадает на пути. И даже на то, что ему недоступно, он смотрит исключительно с потребительской точки зрения.

Люди перестали ценить не только то, что имеют, они перестали ценить даже то, что могут, как им кажется, поиметь. И на этой иллюзии с надменным видом устанавливают свою социальную значимость, пряча под дешевыми маскарадами свое перманентное беспокойство. Именно оно-то и делает человека доступным. Оно раскрывает, и накачивающая тревога заставляет в отчаянии цепляться за что попало, а зацепившись, ты истощаешь либо себя, либо то, за что

зацепился. Либо и то и другое вместе. Как бы там ни было, результат идет на разрушение. И разрушения эти кому-то очень играют на руку...

* * *

Обламывать иллюзорность, рушить оптическую возможность выбора и направить ее в нужное русло. Нужное для конкретных, определенных задач. Просто кто-то прогибается под эти задачи (ему, как правило, все равно, подо что прогибаться), а кто-то их искусственно создает. В этом вся разница. И только в этом.

По какую сторону находишься ты?

* * *

Маринка сидела на красном кожаном диване в одной из приват-комнат. Я нашла ее в заведении, которое числилось в моем списке последним. Именно по тому и числилось, что, побывав в нем однажды, возвращаться не возникало желания.

Она сидела в углу, прижавшись головой к стене и обхватив себя за колени. Задравшееся чрезмерно платье открывало ее тоненькое нижнее белье и обилие синяков на бледных ногах. Ее безудержно трясло. То монотонно, то яркими вспышками конвульсий.

Я присела через стол напротив нее и негромко позвала. Комната была оборудована некой звукоизоляцией, и с танцпола до нас доносились разве что низкие частоты, которые никаким образом не отражались на восприятии голоса. Только не было его, этого восприятия. Никакого не было. Она не реагировала ни на голос, ни на стук, ни на крик. Она просто дрожала, временами ударяясь головой об стену так, что меня тоже начинало трясти. Только внутренне. Яркими вспышками злости.

Я подсела на ее сторону и рывком развернула за плечо. Лучше б я этого не делала...

Ее лицо походило на полотно, а черты, еще совсем недавно выточенные и проработанные, были будто графические наброски. Глаза сильно впали, утопая в синяках, губы синевато-фиолетового оттенка (девочка даже здесь в тренде, что уж говорить) ходили ходуном, и сквозь плотную пелену проглядывались суженные зрачки, смотрящие куда-то сквозь меня.

Я с силой тряхнула ее за плечо. Оно было необычайно костлявое и холодное. Безвольный кивок головы послужил мне ответом. Я вlepила ей пощечину. Голова вслед за моей ладонью без сопротивления ушла вправо. Я схватила пальцами ее впалые щеки, сдавливая губы в смешную трубочку, и попыталась заглянуть в глаза. Там ничего не изменилось. Она меня не слышала. Она меня, возможно, даже не видела. Еще возможнее, она вообще ничего не воспринимала.

Понять бы, под чем она...

Я рыскала взглядом по столу в поисках зацепки. Бокалы с недопитыми разноцветными жидкостями, полупустые бутылки, тарелки с непонятными остатками, горы бычков в пепельницах не давали мне ни малейшего ответа.

– Что ты пила? – попыталась добиться я. – Ты употребляла что-то?

В ответ ее губы по-прежнему только дрожали, становясь разве что синее.

Кульминацией для моего терпения послужили ее закатившиеся вдруг глаза и обмякшее тело, повалившееся на меня. Я успела принять ее на руки и практически волоком вытащить в туалет.

Я засунула ей два пальца в рот. Красноватая масса вырвалась наружу, скрутив ее спазмом вдвое. Я вскинула ручку крана – мощный поток струи мигом разогнал содержимое раковины. Другая рука по-прежнему не выпускала ее загривок, сохраняя тем самым возможность ее вертикального положения. Ее голова странно моталась из стороны в сторону, как будто шейные

мышцы атрофировались и полностью отказались удерживать опустевшую черепную коробку, заполненную ли когда – уже закрадывалось сомнение. Я набрала в свободную ладонь ледяной воды и плеснула ей в лицо. На секунду она замерла и, широко распахнув глаза, судорожно стала хватать воздух пересушенными губами. Вязкая смесь туши, теней и обильного тонального крема медленно поползла по ее щекам, брызгами оседая на моих руках и одежде. Не медля ни секунды, я рывком притянула ее к зеркалу. Какая же злость играла во мне в тот момент.

– Смотри! – орала я ей в ухо, не замечая, как перекрикиваю частоты музыки. – Посмотри в зеркало! Нравится? Нравится то, что ты видишь?! И ты сделала это сама! Собственными руками!!!

Я трясла ее, крепко сжимая загривок. Обмякшее тело податливо отзывалось на мои порывы достучаться до изможденного сознания. Бесполезно. Бесполезно что-либо сейчас говорить. Для этого нужно хотя бы, чтоб оппонент мог тебя слышать. И, поборов в себе нарастающее желание приложить ее лбом о раковину, я выволокла это тело из туалета опять же практически на себе. Оставив Марину ненадолго на попечительство охраны, я вернулась на танцпол и забрала ее манатки. Как они не покинули это заведение без своей владелицы, воистину оставалось загадкой. Однако сумка оказалась заваленной за диван, видимо, поэтому и не тронутой. Как и ее содержимое. Ключи от дома нашлись в боковом кармане, адрес – в моей памяти. Медлить не хотелось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.